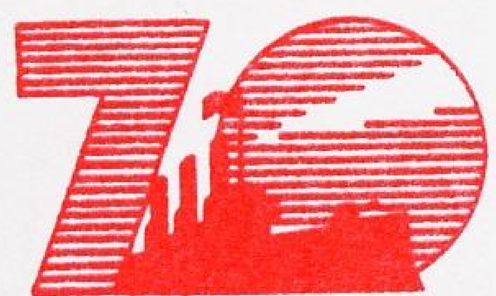
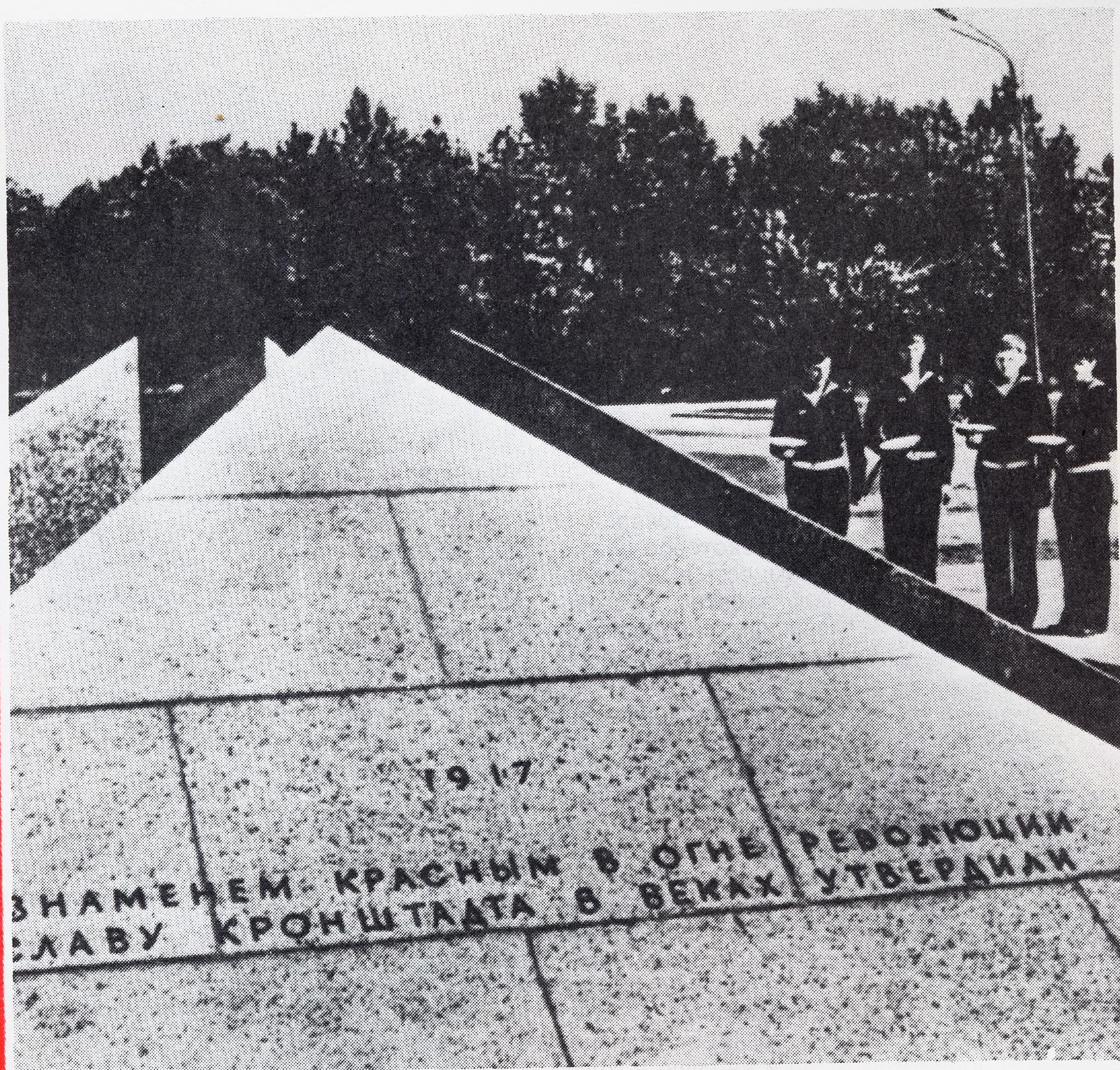
ПИОНЕР

5 1987

ISSN 0130—8009





...Кронштадт! Поставил восклицательный знак и вспомнил, что я неоригинален. Писатель Леонид Соболев, бывший военмор, даже «Котлин» — название длинного узкого острова, на котором стоит Кронштадт, писал с восклицательным знаком.

Издревле этим островом, приткнувшимся неподалеку от устья Невы, владел «господин Великий Новгород». Мимо Котлина пролегал путь «из варяг в греки».

Любой мальчишка в Кронштадте расскажет вам легенду, объясняющую название острова. Вот что она гласит: «Когда к берегу в сопровождении боевого корабля подошла яхта Петра I, солдаты шведского сторожевого поста, завидев русских, в панике бросились к своим лодкам и скрылись. Бежали поспешно, даже оставили варившуюся в котле кашу. Вот остров и оказался «Котлиным». То, что эта легенда не вымысел, доказывает... котел, обосновавшийся на старинном гербе Кронштадта по соседству с маяком и зубчатой башней. А их наличие на гербе, надеюсь, объяснять не надо. Ведь Кронштадт — это крепость, основанная Петром I. Крепость, ставшая щитом новой российской столицы. Вначале она, правда, именовалась Кроншлот, но уже более четверти тысячелетия носит свое нынешнее название.

Ни один вражеский солдат не ступал на землю Котлина за всю послепетровскую историю. Никто не смог овладеть его фортами и крепостью — ни шведы, ни немцы, ни англичане... Для всех поколений защитников Кронштадта оставались незыблемыми слова приказа Петра: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота».

„МЫ ИЗ КРОНШТАДТА"

Морской характер — особый. Он вырабатывался веками. В нем романтизм и суровость, находчивость и мужество, самоотверженность и гордость... Быть может, именно поэтому среди героев революции мы видим столько людей в бескозырках... Справедливости, борьбы за нее требовал сам морской характер.

Царский флот был прекрасной школой классовой ненависти. Ежедневные оскорбления, издевательства, мордобой... В Кронштадте матрос даже не имел права пройтись там, где захочется. Например, у входа на Екатерининский бульвар висела надпись: «Собак не водить, матросам и солдатам не заходить». О каком уж тут социальном равенстве говорить!

Будущий автор «Цусимы» Алексей Новиков-Прибой попал служить в Кронштадт, по его собственному выражению, «сущим дикарем». Был готов не только ударить, даже убить человека, нелестно отозвавшегося о государе императоре. Через некоторое время министр юстиции докладывал о нем: есть в артиллерийском отряде матрос, который заметно выделяется среди товарищей своим развитием, свободомыслием... Так что, как видите, мировоззрение здесь вызревало быстро...

На фотографии перед этой статьей монумент, сооруженный по проекту ленинградского архитектора Л. К. Ларионовой на главной площади Кронштадта — Якорной. Он возвышается над братской могилой матросов, павших в февральских и октябрьских боях 1917-го, в грозные дни контрреволюционного кронштадтского мятежа 1922-го. С четырех сторон окружили могилу гранитные форштевни кораблей. Они словно поднялись из моря, чтобы стеречь вечный сон героев. А к памятнику подходят балтийцы восьмидесятых, обнажают головы: «И верных матросов родная семья — твоя вековая охрана».

Истории Кронштадта более 250 лет. В ее страницы по праву вписаны подвиги на море и на суше в годы гражданской войны, героические дела комсомольцев, возрождавших флот в двадцатых и тридцатых годах, беспримерная стойкость крепости в дни обороны Ленинграда в Великую Отечественную...

После штурма Берлина на рейхстаге появилась пофлотски размашистая надпись: «Мы из Кронштадта». А где-то в бесконечном космосе плывет планета с именем «Кронштадт». Так далеко и высоко простирается его слава.

Но вернемся в Кронштадт мая 1917-го. Этот город оказался тогда **единственным** в России, где установилась власть Совета. В его ведении находились предприятия, учреждения, воинские части и команды кораблей, охрана общественного порядка... Был установлен 8-часовой рабочий день, а для подростков — 6-часовой, определен размер заработной платы, упорядочено пенсионное дело... Словом, в Кронштадте были проведены в жизнь основные большевистские требования. Аванпост русского флота стал и аванпостом революции. За жизнью острова с нескрываемым интересом следили из Петрограда. Одни — с опаской, другие — с надеждой...

О Кронштадтской республике Советов должна была узнать вся Россия — решают в ЦК РСДРП(б). И в особняк Кшесинской, где, как вы уже знаете, расположился ЦК, вызываются матросы-большевики.

Перед ними ставится задача сделать пропагандистами идей партии, идей Совета всех, кто покидает Кронштадт. А это, между прочим, почти 500 человек в месяц. Согласитесь, 500 агитаторов, каждый месяц разъезжающихся по самым разным уголкам России,— сила немалая. И хотя в Центральном Комитете понимали, что солдаты и матросы, быть может, не самые лучшие ораторы, там верили: бесхитростный рассказ земляков о жизни революционного острова будет агитировать лучше самых изощренных докладов.

— Товарищи моряки! — обратился к участникам совещания Владимир Ильич Ленин.— Это большая честь, когда вас уполномочивает Центральный Комитет выступить от имени партии и защитить ее программу. Я надеюсь, оказанное доверие вы оправдаете.

Так закончилось одно из, пожалуй, самых спокойных майских выступлений Ленина. А выступать ему тогда приходилось чуть ли не ежедневно. Путиловский, Трубочный, Адмиралтейский судостроительный заводы, I Съезд крестьянских депутатов... Вот далеко не полный перечень мест, где видели его энергичную фигуру, слышали его четко сформулированные и доходчивые речи. О чем он говорил? О самом главном: о мире, о земле, о государственном устройстве...

И, конечно же, повсюду, где выступал Ильич, появлялись его противники — эсеры, меньшевики. В мае они решили войти в буржуазное Временное правительство. Большевики выступили против этого и открыто на митингах высказывали свою точку зрения народу. Эсеры и меньшевики пытались доказать свою правоту. Шла настоящая «митинговая война». О ее накале и остроте вам лучше всего расскажут документы и газеты тех лет, которые вы увидите на следующей странице.

Владимир ЛУЦКИЙ

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАЙ 5

Москва 1987 г. ● Издательство «Правда»

ГОД 1917-ЫЙ

Мы:

«Мы, рабочие фабрики Чешера, находим вступление социалистических элементов в коалиционное министерство вредным для пролетариата и крестьянства, ибо участие в нем затушует нашу классовую политику и усилит лагерь буржуазии».

(Из резолюции собрания рабочих фабрики Чешера, 3 мая 1917 г.)

Они:

«...Когда по достижении политических целей революции рабочими был предъявлен ряд экономических требований, Общество заводчиков и фабрикантов, сознавая, что внутренняя распря может гибельно отразиться на деле обороны, что интересы защиты свободной России от вражеского нашествия властно требуют от промышленности работы во что бы то ни стало, вступило на единственно правильный путь — путь соглашения с организованным представительством рабочего класса — с Советом рабочих и солдатских депутатов. Промышленники пошли на весьма значительные уступки, принесли большую же́ртву в надежде на восстановление работ на заводах и фабриках. Однако требования рабочих и служащих перешли пределы возможного, и катастрофа промышленности надвигается с головокружительной быстротой...»

(Из докладной записки Петроградского общества заводчиков и фабрикантов министру — председателю Временного правительства, 9 мая 1917 г.)

Они:

«Русская демократия считает, что война эта необходима и неизбежна для защиты свободы наций. Всякое иное толкование уничтожило бы ее энтузиазм и не могло бы быть ею принято. Таков же взгляд Временного правительства».

(Из телеграммы министра иностранных дел М. И. Терещенко французскому министру иностранных дел А. Рибо, 7 мая 1917 г.)

Мы:

«Две программы стоят перед русским народом. Одна — программа капиталистов, перенятая Черновыми и Церетели. Это — программа наступления, программа затягивания империалистической войны, затягивание бойни.

Другая — программа революционных рабочих всего мира, защищаемая в России нашей партией. Это программа: развить братание (не позволяя немцам обманывать русских), брататься обменом воззваний, распространить и братание и фактическое перемирие на все фронты, всячески помочь такому распространению, ускорить этим рост рабочей революции во всех странах...»

(В. И. Ленин «Фактическое перемирие», «Правда», 9 мая.)

«Петроград, редакция «Правды», Мойка, 32 Ленину.

Шлем братский привет дорогому товарищу Ленину как стойкому борцу революционного пролетариата, рабочих, крестьян и солдат, всегда высоко державшему красное знамя Интернационала, и протестуем против гнусной травли, поднятой против лучших борцов за истинные интересы Народных масс. Честь и слава Вам, дорогой товарищ Ленин!»

(Телеграмма митинга солдат Воронежского гарнизона, 11 мая 1917 г.)

Мы:

«Команда линейного корабля «Заря свободы» на собрании своем 7-го сего мая в составе 600 человек, обсудив настоящее положение в стране.., находит, что единственный выход... есть передача всей власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, которые, опираясь на широкое доверие массы, могут вывести страну из этого ужасного положения, поставив ее на верный путь борьбы против угнетателей — помещиков и буржуазии...

В соглашение с Временным правительством идти не желаем и будем твердо стоять на этой точке зрения...»

(Из резолюции команды линейного корабля «Заря свободы», 7 мая 1917 г.)

МАЙ

Мы:

«Крестьяне Воронецкой волости Псковской губернии на общем сходе постановили:

1. Просить Совет рабочих и солдатских депутатов сделать распоряжение об изъятии села Михайловского из рук псковского дворянства и передаче его в общегосударственное ведение.

2. О разрешении крестьянам Воронецкой волости путем сборов устройства в селе Михайловском «Свободного Всероссийского университета имени А. С. Пушкина» с низшим, средним и высшим отделениями и бесплатным обучением всех желающих учиться граждан Воронецкой волости, в центре которой находится с. Михайловское и могила А. С. Пушкина».

(«Известия», 28 мая 1917 г.)

Они:

Верховный главнокомандующий генерал Алексеев — военному министру Керенскому (21 мая 1917 г.): «Считаю, что спасение армии требует: 1) немедленного восстановления деятельности судов, применения во всем объеме, впредь до издания новых законов, книги 22-й Свода военных постановлений; 2) скорого производства следствия и скорого предания суду виновных; 3) приведения приговора суда в исполнение без всяких смягчений и изъятий; 4) расформирования от имени Временного правительства 130-й и 177-й пехотных дивизий, среди коих нашлись полки, отказавшиеся выполнить свой долг перед родиной и исполнить боевые распоряжения начальников; 5) вернуть власть начальникам, дисциплинарную, и возможность быстро предать виновных суду, ибо сознание безнаказанности глубоко проникло в массу солдат и, к стыду нашему, в некоторую часть офицеров.

Только при такой постановке вопроса возможно водворение в армии порядка и возвращение утраченной дисциплины».

Они:

«С фронта поступили донесения о нескольких случаях совершения как отдельными лицами, группами их, так и целыми частями войск тягчайших воинских преступлений...

Виновные в этих нарушениях караются ссылкой в каторгу с лишением всех прав состояния. Семьи осужденных лишаются права на паек и пособия от казны».

(Постановление Временного правительства об усилении наказаний за антивоенные выступления на фронте, 30 мая 1917 г.)

Мы:

«Мы признаем: настоящая война — грабительская, т. е. ведется в интересах буржуазии, и отказываемся от всякой поддержки братоубийственной войны, и не дадим ни одной копейки для продолжения таковой».

(Из резолюции собрания солдат 155-го пехотного запасного полка, 27 мая 1917 г.)

Мы:

«Отныне проповедь наступления со стороны России неразрывно и явно для всего народа связана с фактической поддержкой империалистических целей войны и ее затягиванием в интересах русской и «Союзной» буржуазии».

(Из резолюции Центрального Комитета РСДРП(б), 31 мая 1917 г.)

Александр КОЧАНОВ,
токарь-расточник Муромского завода имени Орджоникидзе, делегат XX съезда ВЛКСМ

Время сейчас — молодое

В детстве я мечтал стать географом, потом — военным, а стал рабочим-инструментальщиком на заводе, который выпускает холодильники. Кто-то скажет: не повезло. А я отвечу: посчастливилось.

Работа у меня по-настоящему творческая. Каждый день сталкиваешься с чем-то новым, заставляющим напряженно думать. Приходится постоянно учиться. Вообще без знаний сейчас — никуда. Рабочему без высшего образования скоро будет трудновато: попробуй разберись в станке, «начиненном» электроникой. Вот я и учусь на вечернем отделении политехнического института, готовлюсь к «встрече» с новым станком. Но и на моем стареньком работать интересно. Влечет разнообразие, возможность «обмануть» время и сделать деталь быстрее. И дело не в деньгах, а в том, что начинаешь чувствовать уверенность в себе.

А еще уверенность чувствуешь, когда рядом хорошие друзья... Многие считают, что комсомол должен им что-то давать. Но ведь комсомол и дает — молодость, задор, беспокойство, дает товарищей. Только в обмен на взносы всего этого не получишь. Нужно, чтобы ты сам был молодым, беспокойным, был хорошим товарищем. Я — член заводского комитета ВЛКСМ, и я вижу, как начали активизироваться молодые: надоело отсиживаться по углам, а главное, ощутили, что и от нас что-то зависит. А если ощутили это, то просто невозможно сидеть сложа руки.

Конечно, мы еще в самом начале пути — впереди много работы, много трудностей. Но нам, молодым, трудности по плечу. Да и время сейчас такое — молодое!

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА

ГОВОРИТЬ ИЛИ ДЕЛАТЬ?

Материал подготовлен пресс-центром «Каравелла» в г. Свердловске. Командир редакционной группы Максим ГАРЕЕВ.

Вместо предисловия

Начнем с того, что мы не хотим публиковать этот материал под рубрикой «Юнкоровский пост «РВС». Звучит романтично, только все три глагола — «размышляем, вникаем, спорим» — отражают лишь мыслительный процесс. Пора вспомнить другие слова: «Решаем, требуем, добиваемся».

Иначе что получается! Идет поток писем в пионерские редакции. Из года в год. «Мы хотели выбрать в председатели совета отряда Петю Иванова, он боевой и активный, а учительница сказала, у него тройки, и назначила Таню...» «Дорогая редакция, я ношу очки, а весь класс меня за это дразнит, не дают проходу, как мне быть?..»

И ответ на страницах пионерских изданий обычно таков: «Дорогие ребята, а что вы думаете по поводу Машиного (Олиного, Светиного) письма? Давайте все вместе посоветуемся, подумаем, как помочь Тане (Гале, Ире). Как, по-вашему, кто должен быть хозяином в пионерском отряде?»

А давно уже известно, кто должен быть хозяином и в отряде, и в дружине. На то есть Положение о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, широко опубликованное в прошлом году. И как помогать авторам грустных писем, тоже в общем-то ясно. Прежде всего они должны быть решительнее сами. Как, например, наш юнкор Володя Томшин. Когда ребятам, не желавшим петь в хоре (якобы «не болеющим за честь школы», как будто честь и пение из-под палки — это одно и то же), поставили двойки, он пошел к директору и добился, чтобы двойки учительница зачеркнула и больше никого «музыкальной обязаловкой» не обременяла. Но это, конечно, только первый шаг. Володя отстоял справедливость в отдельном случае, в одной школе. Юнкорам давно пора поставить вопрос, чтобы Министерство просвещения СССР не только разъясняло на страницах «Пионерской правды» и других газет, что хор доброволен (так же, как добровольна и масса других внеклассных и внешкольных дел: спортивные соревнования, игры, экскурсии, ЛТО, кружки и так далее), но и наказывало учителей, которые эту добровольность нарушают. Тех, кто грубо вмешивается в дела пионерского самоуправления.

Вполне ясно и то, что делать, если человека травят в классе — за то, что носит очки, за отсутствие модных вещей или просто за то, что непохож на других. Воспитывать тех, кто травит, конечно, надо. Но не мурлыкающими речами. Если пионер издевается над кем-то, значит, он нарушает законы своей организации. И того, кто нарушает явно, нахально, не один раз, из организации надо гнать. И делать это должны ребята — организация-то их.

Пионерская организация начинается не тогда, когда все послушно приходят в школу в красных галстуках. Начинается она с интересной и важной общей работы, с уважения законов этой организации, с ощущения товарищества. Тогда пионеры не дадут в обиду слабого, не станут прятать в карман галстуки, не позволят никому превратить пионерскую работу в перечень унылых обязательных мероприятий и нарушать принцип самоуправления.

А что это такое?

О самоуправлении теперь говорят в каждой школе. Но от разговоров не становится более ясным главный вопрос: что же это такое — самоуправление? И что с ним делать, где применять?

Мы решили так: пусть каждый юнкор «Каравеллы» возьмет несколько интервью — у одноклассников, у вожатых и учителей. Заполнит анкеты. Потом проанализируем ответы и постараемся сделать выводы.

Приводим характерные цитаты. Вот что говорят учителя:

«Самоуправление — это когда человек сам собой управляет».

(Из анкеты Саши Красикова.)

«Учительница английского языка: «Самоуправление — когда ребята сами решают вопросы, когда ребята самые главные в школе, когда сами наказывают опоздавших».

Учительница истории: «Когда ребята сами следят за дежурством, проявляют инициативу».

Учительница математики: «Когда у ребят есть организация, когда они сами обсуждают провинившихся на сборе...»

(Из анкеты Андрея Торшина.)

«Точно не знаю, но понимаю, что в нашей школе этого нет».

(Из анкеты Ильи Иевлева.)

«Завуч: «А почему ты спрашиваешь это у меня? И вообще для чего это нужно? Ах, для «Пионера»... Но я сейчас занята».

(Из анкеты Оксаны Кузьменко.)

«Самоуправление — это когда школьник сознательно выполняет черную работу в школе».

(Из анкеты Кости Трясунова.)

Серьезным подходом и осторожностью отмечены ответы завуча школы, в которой учатся наши юнкоры Вера Малкова, Стас Белоглазов и Петя Киреев.

Вера пишет: «Завуч сначала выяснила, как я сама понимаю это слово, затем сказала, что не совсем со мной согласна:

— Поступки детей надо контролировать. Я считаю, что ничего плохого нет, если вам в ваших де-

лах будут помогать учителя. Самоуправление — это когда дети сами организовывают свои дела, а старшие им помогают».

А вот как выглядит ее ответ, данный Пете и Стасу:

— При самоуправлении учащиеся берут на себя часть организационной работы, сами проводят сборы и другие мероприятия, сами организуют дежурство по школе и так далее. Сами, то есть без контроля классного руководителя.

Какую часть организационной работы должны брать ребята, не совсем ясно. А вопрос контроля взрослых над «детьми» проясняет один факт. В этой школе у педагогов была странная точка зрения на факультативы. Вроде бы никто не утверждал категорически, что они так же обязательны, как уроки, но попробуй уйти с того, который тебе не нужен, если факультатив стоит в расписании вторым или третьим часом! Этим «новшеством» заинтересовались юнкоры областной комсомольской газеты. И тогда завуч обратилась к седьмому классу с вопросом:

— Это кто же посмел написать на меня в газету?

Действительно, «контроль»...

А что думает «младшее поколение»?

Печальнее всего дело с ответами пионерских вожатых. Некоторые вожатые вообще старались уклониться от беседы с назойливыми юнкорами. Другие отзывались расплывчато.

«Я не знаю... Ты хоть дай подготовиться. Ну, это когда пионер должен отвечать не только за себя, но и за всю организацию в целом...»

(Из анкеты Оксаны Кузьменко.)

«На это трудно ответить...»

(Из анкеты Алеши Федотьева.)

Или еще... А что "еще"? Оказывается, в юнкоровских анкетах почти нет ответов вожатых. Зато достаточно высказываний со стороны организаторов внеклассной и внешкольной воспитательной работы. Но нам эти ответы (кстати, очень похожие на «учительские») принимать во внимание не хочется. В Положении о пионерской организации такая должность — «организатор внеклассной и внешкольной работы» — не упоминается, и мы считаем, что командиром и организатором в жизни дружины должен быть все-таки вожатый.

Сначала нам понравился ответ вожатой, который записал Костя Трясунов: «Самоуправление — это когда ребята все сами решают и делают. Обращаются к вожатой или классному руководителю только за очень нужным советом. И когда каждый член пионерского отряда осознает, что он хозяин в отряде, классе, школе».

Но впечатление от ответа портится, когда разговор идет дальше:

— А как вы считаете, у нас в школе самоуправление есть?

— Ну, как тебе сказать... Мне кажется, что нет.

— А почему?

— Потому что плохо работают советы отрядов, очень пассивный совет дружины...

Здесь уже не у Кости, а у всех ребят, когда в пресс-центре шла юнкоровская конференция о самоуправлении, появились вопросы:

— А почему пассивны советы отрядов и дружины?

— А учил их кто-нибудь активности?

— А вообще что такое настоящая активность и как она должна проявляться?

Но вожатой на этой конференции не было. К тому же (честно говоря!) нам кажется, что она не ответила бы на эти вопросы.

И участники конференции перешли к обсуждению высказываний ребят. Как сами-то пионеры понимают самоуправление?

Всех повеселил такой диалог юнкора и председателя совета отряда:

— Есть ли в нашем отряде самоуправление?

— Самоуправления у нас в классе нет.

— Почему?

— Потому что Людмила Петровна почти все решает за нас.

— Почему?

— Потому что я, председатель, сижу на месте.

— То есть сидишь и ничего не делаешь? А почему?

— Слушай! Галинский! Отстанешь ты от меня со своим самоуправлением?!

(Из анкеты Саши Галинского.)

Много ответов на вопрос «что такое самоуправление» кратких и честных: «Не знаю», «Понятия не имею». Или таких: «Это, наверное, чтобы лучше управлять собой». Или смешных и грустных одновременно: «Это когда можно самому путешествовать, покупать что угодно».

(Из анкеты Алеши Федорова.)

Но больше всего таких мнений:

— Это «дни самоуправления», когда старшеклассники заменяют в школе директора и завуча и сами ведут уроки в младших классах.

Несколько юнкоров записали свои впечатления о таких днях.

Игра

«В прошлом году у нас в школе был «день самоуправления». Но скорее это напоминает кукольный театр: десятиклассники-«учителя» — это куклы, а настоящие учителя — как бы кукловоды. А как еще сказать? Судите сами: директор, завуч и учителя все расписали по клеточкам, «разжевали»: что сказать, что сделать и т. д. А вы, товарищи десятиклассники, будьте добры делать то, что сказано. Постигайте учительскую науку, опыта набирайтесь. Только во что им этот «опыт» обходится?

А впрочем, все по порядку.

В ту субботу вместо Веры Михайловны на урок русского языка пришел какой-то десятиклассник. Мало того, он еще и за учительский стол сел! Такая самоуверенность несколько ошарашила наших мальчишек (а смутить их — дело нелегкое). А тем временем десятиклассник заявил, что урок сегодня будет вести он. После его слов на секунду стало тихо. Но тут же поднялся невообразимый гвалт. Новоиспеченный педагог начал терять терпение...

В общем, получился не урок русского языка, а какое-то сумасшествие. Десятиклассник вначале еще пытался что-то объяснить одичавшим шестиклассникам (то есть нам), но все его обращения к нашей совести остались без ответа. Вскоре парень выскочил из класса и бесследно исчез...

Оксана Кузьменко».

«...В тот день все уроки у нас вели ученики десятых классов. Они ходили с гордым видом по школе, а на груди у каждого висели самодельные значки с надписями «Учитель истории», «Директор», «Завуч». Мы были удивлены: ребята старше нас всего на три года, а уже ведут уроки.

На следующий день о вчерашнем событии уже все забыли.

Зачем нужен такой день? Для чего его проводят? Может быть, для того, чтобы младшие могли повеселиться и подразнить старшеклассников? Причин может быть много. Но, если разобраться, ведь настоящего-то самоуправления здесь нет. Что значит один день по сравнению с целым учебным годом?

Андрей Варак».

Не все согласны с такой жесткой критикой. Четвероклассник Денис Болихов написал, что дни самоуправления в его школе напоминают веселые праздники. Интересно!

При обсуждении материала мы с этим согласились. Но все-таки что здесь от самоуправления? Кроме названия? Это игра, вроде таких же «дней» в пионерских лагерях.

На предприятиях проводятся «дни дублера», когда более молодые специалисты заменяют старших. Но там, на заводах и фабриках, те и другие — **специалисты.** А какой смысл десятикласснице подменять учительницу, которая готовилась к своей профессии не один год? Для кого здесь польза? И разве старшеклассник, надевший значок с надписью «Директор», хотя бы в этот день отвечает за школу всерьез?

А где самоуправление нужно всерьез?

Мы для себя давно уяснили: **самоуправление — это когда люди сами планируют свои дела, сами их выполняют и сами отвечают за выполнение.** Если хотя бы одного из этих условий нет, нет и самоуправления.

Насколько возможно самоуправление в учебных делах, это вопрос отдельный и вообще спорный. В конце концов не мы составляем школьные программы.

Но есть вопрос **бесспорный.** О самоуправлении там, где оно должно быть полным, настоящим, постоянным. По закону!

В пионерской организации.

Это наша организация. И мы требуем, чтобы ее оставили ребятам. Требуем от имени всех пионеров, которые действительно хотят жить интересно, самостоятельно, по-боевому.

Сейчас дикая путаница в вопросе: что такое внеклассная, а что такое пионерская работа. Многие педагоги утверждают, что разницы вообще нет. А раз нет, значит, решаем пионерские проблемы на классных часах, ставим двойки за неявку на пионерский субботник или смотр строя и песни, пишем в дневнике: «Товарищи родители, примите меры, сбежал с пионерского сбора!» И так далее. В общем-то про это мы говорили в наших юнкоровских материалах не раз. Но в ответ не слышали ничего или слышали: «Лучше бы подтянули успеваемость, чем взрослых критиковать». Так говорят те, кому очень хочется сделать пионерские дела частью обязательной школьной программы. Для своего удобства и внешней показушной дисциплины. И делают! Но даже самое интересное пионерское дело, если в нем надо участвовать под угрозой

двойки, теряет свою романтику и превращается в унылую обязанность.

Товарищи из Министерства просвещения! Перестаньте планировать учителям, директорам, завучам пионерские мероприятия! Пионерской организацией руководит комсомол. Члены этой организации должны отвечать за свои дела перед советами отряда и дружины, а не перед педсоветами.

Ох, как возмутятся сейчас многие взрослые люди:

— А кто вам не дает быть самостоятельными? А что вы сами можете придумать?! Всегда сидите и молчите! Никакой инициативы!

Так вот вы и научите ребят инициативе! Не послушному выполнению запланированных взрослыми дел, а самостоятельным мыслям и самостоятельным делам. Научите, если не боитесь пионерской активности, если можете стать **советчиками** и **помощниками**, а не надзирателями. А если не можете, тогда просто не мешайте.

— А кто вам мешает?

На словах — никто. Все взрослые в школах за самоуправление ребят. Но перечитайте анкетные ответы. Учителя почему-то видят цель самоуправления прежде всего в наблюдении за порядком.

Гибель Гринландии

Мы уверены, что педагоги школы № 12 города Первоуральска обязательно выскажутся за самоуправление. Но поверят ли им ребята из юнкоровского отряда «Алый парус», сейчас уже не существующего?

В 1985 году отряд отметил свое десятилетие. Все эти годы с ним занималась учительница этой школы Марина Михайловна Кудряшова. Кстати, вот пример, когда учитель прекрасно понимает пионерские задачи. Главным делом отряда в последние годы был школьный музей писателя А. С. Грина. Ребята все там сделали сами, взрослые не забили ни одного гвоздя. Юнкоры ездили в музей Грина в Феодосии, лазали по корабельному кладбищу в Севастополе — собирали морские экспонаты. Их школьный музей стал островком чудесной страны Гринландии. То и дело шли экскурсии — из других школ, даже из других городов. Ребята были настоящими хозяевами музея — директорами, завхозами, экскурсоводами. Был здесь и штаб «Алого паруса», занятого многими делами: юнкоровской работой, изучением морских наук, ремонтом парусных яхт...

В общем, жили дружно и интересно.

Несчастье произошло летом. Оно носило название «ремонт школы». Маляры забелили расписанные сказочными островами и парусами стены. То, что собиралось годами, было порвано, затоптано, потеряно, выброшено, растащено в течение нескольких дней. Кто виноват? Строители? Администрация школы? Ребята? Но они летом были кто в колхозе, кто в лагере. Виноватых не оказалось. И надо было начинать все сначала, а Марина Михайловна перешла работать в другую школу. Никто из учителей заниматься музеем не захотел.

— Мы сами! — сказали ребята. Но тут выяснилось, что самим нельзя. Ни за что!

Почему нельзя без учителя заниматься делом? Нужным. Любимым. Ведь оно чисто пионерское и комсомольское. Ребята, по сути дела, и раньше за все отвечали в музее сами.

— А мало ли что вы там натворите! — было сказано им.

Вот так и живут теперь бывшие члены отряда «Алый парус»: после уроков сразу домой. Ни сборов, ни дел пионерских. Казалось бы, ничто не отвлекает сейчас от учебы, а учиться стали хуже.

— Скучно теперь в школу ходить,— сказал один из капитанов отряда, Саша Ермолин.

Зато учителям спокойно — ничего не натворят. Ни плохого, ни хорошего. Разве что классный руководитель проведет однажды сбор на тему: «Что такое самоуправление и как за него бороться».

Сейчас, когда мы пишем эти строки, в городе Каменске-Уральском находится на грани гибели другой юнкоровский отряд. «Эврика». Его уже не первый год преследуют. Нынче возглавила эту борьбу директор дворца школьников Уральского алюминиевого завода. Она выселила «Эврику» из помещения при дворце и доказывала, что командир отряда Владимир Карпов не может работать с детьми, потому что на это нужны какие-то особые права. А Володя не педагог, он «всего-навсего» помощник машиниста тепловоза.

Не имеет права, и все тут! Хотя на голом месте создал отряд, хотя отдает ему все свободное время, хотя двое его воспитанников только что награждены путевками в «Артек».

А вот педагоги, спокойно наблюдающие гибель школьного музея и старающиеся загубить ребячьи отряды, имеют право работать. Учителя, которые под угрозой двоек загоняют ребят на «обязательные пионерские мероприятия», имеют право! Классный руководитель, снимающий со стены пионерскую стенгазету с непонравившейся заметкой (а сколько было таких случаев в юнкоровской жизни!), тоже, значит, имеет право!

Тогда давайте и о других правах. О наших.

А кто о них знает?

Всем известна учительская фраза: «Права-то вы знаете, а вот обязанности...»

Неправда! Почти никто из ребят не знает своих прав. Ни в учебной жизни, ни в пионерской. Знают только одно — они должны делать то, что велят старшие, иначе будут нарушителями.

А поскольку делать все, что велено, просто-напросто невозможно, почти все школьники (одни меньше, другие больше) ходят в нарушителях. Потому что «не успели», «недоучили», «не сделали» и даже «не проявили активности». А когда человек все время чувствует, что он в чем-то виноват, командовать им, конечно, легче.

Этого «комплекса вины» не было бы, а инициативы было бы гораздо больше, если бы ребята четко знали, что в школе обязательно, а что добровольно. Что входит в пионерские дела, а что в учебную программу. Где они должны выполнять распоряжения школьной администрации, а где принимать решения сами.

Кто это знает? Об Уставе средней школы слышали среди учеников единицы, а читали его и того меньше. Сейчас, когда готовится эта статья, в газетах появилось сообщение, что скоро начнется обсуждение нового Устава средней школы. Наверно, он получится неплохим. Но ведь и старый был в общем-то неплох. Если бы он еще был известен всем и выполнялся! Новое Положение о пионерской организации, опубликованное прошлым летом, прочитали тоже очень немногие (мы проводили специальный опрос — читал каждый десятый). А из тех, кто прочитал, далеко не все в нем разобрались,

потому что (пусть не обижаются авторы этого документа) написано оно таким казенным языком, что трудно дочитать до конца. Только рифмованные (как для детского садика) «Правила октябрят» запомнить несложно. Но тут другой вопрос: неужели нашим октябрятам нужны вместо серьезного разговора такие примитивные нескладушки?

Но как бы ни были написаны Устав и Положение, ребята должны их знать. Все ребята. Ведь каждого касаются эти документы. Это — первое.

Второе — пункты этих документов должны выполняться в постоянной школьной жизни. То есть **надо знать права и пользоваться ими.**

Пятиклассник Алеша Сухарев пишет в своей анкете:

«Я считаю, что самоуправления быть не может, если ребята не будут знать своих прав».

Четвероклассник Костя Попов высказывается еще решительней: «Самоуправление — это борьба за свои права».

— Подумаешь! — воскликнут те, кто с нами не согласен.— Пятиклассник, четвероклассник! Грамотеи!

Тогда еще одно высказывание:

«Детская безответственность кончается в тот момент, когда подростки получают право распоряжаться собственной судьбой».

Эти слова мы нашли в статье известного писателя Леонида Жуховицкого, когда смотрели осенние номера журнала «Смена». Есть у него там и такая мысль: «Мужское воспитание — это воспитание правами».

«Мужское» — это, наверное, не только для мужчин, а вообще для смелых и самостоятельных людей.

Четвероклассник, пятиклассник и писатель (и много ребят, и много писателей, и много учителей — стоит почитать газеты и журналы) говорят об одном и том же.

Так, может быть, хватит только говорить, надо что-то делать?

Пример из жизни

— А вы сами-то знаете, что делать? — спросил нас решительный молодой человек. Один из тех, кто приезжает в «Каравеллу» в гости: «посмотреть», «познакомиться», «обменяться опытом», «позаимствовать методы». Чаще всего это друзья и единомышленники. Но бывают и такие, кто с нами в чем-то не согласен.

— Агитировать за самоуправление вы умеете,— поддел гость. — А вы приведите пример конкретный, когда с помощью вашего самоуправления, у себя в отряде, решили какой-то действительно важный вопрос.

Мы рассказали гостю один из последних случаев. К двадцатипятилетию «Каравеллы» юнкоры и ветераны отряда подготовили книгу «Барабанщики, вперед!». Там и вся история отряда, и наши литературные упражнения, и, главное, опыт, которым ребята хотят поделиться с другими отрядами. Опыт этот далеко не мирный: споров и боев с разными недругами за четверть века хватило. И, разумеется, у издателей и их московского начальства появились всякие сомнения: не слишком ли ершистые высказывания, не чересчур ли много о конфликтах? Зачем это? Ведь отряд-то все-таки выжил!.. Кроме того, почему в отряде занимаются юнкоровской работой, а следопытской не занима-

ются? Отчего это мальчишки и девчонки далекого от моря города увлеклись флотской романтикой, а ориентация на уральские профессии в «Каравелле» отсутствует? Ну и так далее.

Самые большие возражения вызвал маленький, двухстраничный материал. Написал его наш давний друг и помощник, взрослый журналист. Написал и вскоре трагически погиб. И вот началось: нужна ли в детской книге статья умершего автора?!

— Не нужна,— сказали взрослые дяди и тети, от которых зависел выход книги.

В кают-компании «Каравеллы» собрались на совет авторы и командиры «Каравеллы». Вопрос был простой и жесткий:

— Ребята! Если не уберем эти две страницы, не будет книги — большой, в лаковой обложке, с цветными снимками, с нашими рассказами, репортажами, статьями, стихами. Весь наш опыт окажется бесполезным.

— Да, но автор этих двух страниц уже не может заступиться за себя. Получится, что мы его предали. В книге писали о честности, о воспитании характера, о принципиальности. А что же теперь? Начинать выпуск книги с предательства? Как мы потом возьмем ее в руки?

Ни один не проголосовал за книгу. Совет направил в издательство письмо. В нем говорилось, что на основании пункта Авторского права о неприкосновенности произведения отряд потребует вернуть рукопись, если нужная нам статья будет убрана.

— Из-за двух страниц...— недоуменно сказал гость.

— Из-за другого. Есть такое слово — честь,— напомнили ему.

— А по-моему, это — упрямство. Недаром про вас говорят, что больше всего вы любите спорить. Если ваша книга вся на таких принципах, то и правильно, что ее не выпустили.

— А ее выпустили. Не изменив ни слова. Вот она. Хотите экземпляр на память?

Право. Дело. Время

Итак, что же нужно, чтобы пионерская организация для всех ребят стала школой самостоятельной жизни, самоуправления?

Первое: **права.** Реальные права самих пионеров. Взрослые должны научить пионеров пользоваться этими правами. И учить этому должны только такие люди, которые знают законы и принципы пионерской организации, уважают тех, кто в ней состоит.

Теперь конкретное предложение, которое мы вносим на рассмотрение пионерской организации и комсомольского руководства.

Чтобы уберечь пионерские отряды от окончательного слияния с учебными классами и избежать постоянного смешивания этих двух понятий — «класс» и «отряд», чтобы не случилось окончательной замены пионерских командиров классными руководителями, а пионерская жизнь не превратилась полностью в придаток учебной программы с обязательными часами и неизбежными двойками, есть смысл пионерские отряды вывести из классов. Оставить их внутри школьной дружины (если без этого никак не обойтись), но сделать разновозрастными. Пусть в каждом отряде будут и старшие пионеры, и младший возраст, пусть отряд сам принимает новичков-третьеклассников, заботится о «смене поколений». Пусть большие ребята учатся заботиться о маленьких. И каждый тогда сможет выбрать отряд по душе. И отряд может выбрать достойных, а бездельникам и нарушителям пионерских законов сказать: «Ищи себе отряд с такими же разгильдяями и лодырями. Нет таких? Тогда подтягивайся, иначе выставим».

Труднее будет? Да. Зато интересней. Вся страна сейчас перестраивает работу. Надо и пионерской организации перестать жить, как малыши на продленке у заботливой воспитательницы.

Разновозрастным отрядам легче будет найти себе вожатого-старшеклассника или комсомольца-шефа. Легче, потому что будет искать: без вожатого такому отряду куда деваться? Классного руководителя, за которым привыкли жить, как за каменной стеной, уже не будет! А они, классные руководители, смогли бы, наконец, заняться своим главным делом — обучением ребят.

У таких отрядов и дела были бы разнообразнее, потому что коллектив ребят, собравшийся по желанию, гораздо инициативнее, смелее, он хочет работать творчески — придумывать что-то новое, силы свои пробовать. Классу-то терять нечего: он, хоть совсем обрасти ленью, все равно останется пятым «А» или седьмым «В». А разновозрастный отряд, чтобы не развалиться, должен иметь у себя интересное дело.

Мы подходим ко второму пункту. Нужны пионерам **интересные дела.** Не эти ежегодно повторяемые, раз и навсегда включенные в план смотры строя и песни, отрепетированные на уроках физкультуры; не «Зарницы», превратившиеся в соревнование на школьной полосе препятствий; не поиски ветеранов, о которых известно всем, кроме отыскивающих их «следопытов», а **ежедневные, творческие, придуманные самими ребятами** дела. Какие именно? Они найдутся — в каждом отряде свои,— только не надо сразу запрещать. И главное, чтобы двигали эти дела общий интерес и законы товарищества.

Конечно, для такой пионерской работы — постоянной, творческой, с настоящим самоуправлением — нужно время.

Это третий пункт. **Время.**

У нас такое впечатление, что работники Министерства просвещения, которые составляют учебные программы, забыли, что в сутках всего двадцать четыре часа.

Школьные дневники, разграфленные с расчетом на шесть уроков в день, давно уже трещат по швам: разве редкость в школе семь, а то и восемь уроков? Факультативы, то и дело объявляемые «такими же обязательными, как уроки»; дополнительные занятия, без которых «при ваших знаниях вы не сдадите экзамены»; масса мероприятий, которые теперь школьник должен посещать обязательно: все эти экскурсии, смотры, лекции, встречи, собрания, культпоходы в театр (от которых тоже не отвертишься, хотя мог бы сходить в театр и сам, в удобное время), «дни бегуна», «дни прыгуна» (за неявку — «два» по физкультуре)!

А домашние задания, сочинения, программа по внеклассному чтению...

Интересно, кому-нибудь из взрослых приходила мысль сесть с калькулятором и посчитать: сколько часов в день нужно затратить, например, семикласснику, чтобы быть хорошим учеником и считаться активным членом классного коллектива?

Мы считали. Результаты разные, но средний

таков: на сон остается семь-восемь часов, а на «непрограммные книги», кружки, секции, кино, телевизор, встречи с друзьями, на какие-то свои дела (хотя бы просто посидеть и о чем-то серьезно подумать), на то, чтобы просто поиграть, не остается вообще ничего.

— Но ведь как-то живете! — возражают нам.— Спортом занимаетесь, и книжки читаете, и у телевизора торчите, и даже на улице бегаете!

Да! Выкручиваемся, как можем. Только где уж тут думать о настоящей пионерской работе.

А те, кто должен заботиться о нашем учении, знай добавляют нагрузок. То экзамены в младших классах, то новые часы в программе. В прошлом году оказалось, что мало уроков труда. УПК, ЛТО, летних и нелетних практик, субботников и осенних работ в колхозах. Ввели еще ОПТ — «обязательный общественно полезный производительный труд» (будто на уроках, практиках и в колхозе он не общественный и не полезный).

Какой он должен быть, этот ОПТ (особенно у ребят пионерского возраста), не знают толком ни учителя, ни школьники. Устраиваются кто как может. Простор для инициативы и выдумки! Те, кто занимается в секциях, кружках, музыкальных школах, должны проявлять особую изобретательность. Раньше — до обеда в школе, потом на репетиции и тренировке, на технических занятиях. А теперь ОПТ после уроков то и дело встревает в «спортивное» и «музыкальное» расписание.

Начинаешь спорить, а тебе говорят:

— Ты кто, белоручка? Ты против трудового воспитания?

А трудовое воспитание оттого, что этот «обязательный общественно полезный труд» стал обязательным, лучше не стало. Ребята и раньше чистили от снега дорожки, помогали детсадовским малышам и рабочим на шефском заводе, собирали железо и бумагу. Только все это делалось веселее, изобретательнее, интереснее. Потому что было частью пионерской работы. Собственным делом пионеров. Сами решали, сами командовали, сами за это отвечали. Перед собой и товарищами. Потом это стало «внеклассными мероприятиями» и наконец превратилось в обязательные часы ОПТ. В уроки, за которые ставят оценки.

— Какая разница? — спрашивают нас.— Называется это «ОПТ» или «пионерская работа», вы собираете тот же лом, ту же макулатуру. Не все ли вам равно?

Нет!

Понимаете, не все равно!

Рисунки И. ПАНКОВА.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Мы очень рады, что вы так дружно откликнулись на САМУЮ ГЛАВНУЮ НАШУ ИДЕЮ: почти 2000 писем пришло на конкурс «ЕСТЬ ИДЕЯ!». При этом в каждом письме по нескольку идей сразу. Одна из них уже реализована в этом номере журнала. Почему мы не обсудили ее предварительно с вами? Да потому, что находили эту идею чуть ли не в каждом конверте. Но приоритет остался за Сашей Курдаевым из Белгорода. Его письмо пришло первым.

Хотите узнать, что это за идея и как она нами воплощена в жизнь? Смотрите страницу 62.

А теперь предлагаем обсудить идеи, которые показались нам наиболее интересными:

1. «Хорошо бы в «Пионере» проходили встречи с пионерскими газетами и журналами разных стран». Женя Новиков, г. Череповец.

2. «Нужно отвести специальную колонку, в которой каждый раз сообщалось что-нибудь о рок-музыке». Юля Лазарева, г. Ухта.

От редакции: Давайте посоветуемся! Как вы смотрите на то, чтобы говорить не только о рок-музыке, но и о музыке классической, народной, джазе?..

3. «Давайте в «Кораблике» проводить конкурсы на лучшие три стихотворения года». Лена Литвяк, г. Москва.

4. «Напечатайте, пожалуйста, образцы разных шрифтов для стенгазет». Витя Морозов, г. Краснодар.

ИТАК, ЖДЕМ НОВЫХ ИДЕЙ! А ТАКЖЕ ИДЕЙ ПО ПОВОДУ ИДЕЙ, ПРЕДЛОЖЕННЫХ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ!

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

В лесу

Скорей бы лес!
Спешу.
Спешу.
Петляет пыльная дорога.
Полуденный зеленый шум,
И птичьих голосов тревога!

Я с каждым деревом знаком,
Я с каждым говорю, как с другом.
Ручей прохладным языком
Лизнул протянутую руку.

И тучки медленно плывут
За сосен острые вершины.
Два паучка, качаясь, ткут
Сверкающие паутины.

Я обойду их стороной,
На кочку сяду под березой,
Где жук с рогатой головой
На ветке отливает бронзой.

Синица, появившись вдруг,
Роняет тоненькую песню.
И небу отомкнулся слух,
И доброй силе в сердце тесно.

Колодец

Колодца
Ребра
Прорастают в землю:
Обструганные
Бурые кряжи.
Видать, с душой
И в солнечное время
К воде дорогу
Мастер проложил.

На крюк
Ведро подвешиваю споро,
И, громыхнув
Железной бородой,
Ворчливо покачнулся
Старый ворот
И задышал
Боками под рукой.

Поверенный
Всех деревенских судеб,
Он вел рассказ
И грустен,
И удал...
Колодец жив —
Живым
и мастер будет,
Всем друг —
живая,
Вечная вода.

Под парусом

Гудят тугие паруса,
И шкот — басовою струной,
И пены белая коса
Змеится за кормой.

По спинам волн, крутых, рябых,
Проложен путь прямей луча.
За тучей
тучною, как бык,
Пропал расшатанный причал.

Пронзают брызги,
Жалит пот.
Обжег ладонь намокший шкот...
Но ветер
в грозовом огне
Держу
В саднящей пятерне!

Моряк

Из коры стругал кораблик
Мальчик для морей,
На лоскут сестру ограбил,
Выбрал посветлей.

Натянул на мачту парус,
Вымпел прицепил
И, назвав корабль «Икаром»,
В ручеек пустил.

И бежал за ним по лужам,
Палкой торопил,
И коленкой разутюжил
У настила ил.

А когда корабль подхвачен
Был самой рекой,
Пожелал ему удачи
На тропе морской,

Чтоб гудел ему при встрече
Катер боевой,
Чтоб кивнул ему сердечно
Капитан седой.

Он ведь тоже был мальчишкой,
Корабли стругал
И, дыша на руки-льдышки,
О штормах вздыхал.

Учитель

Учусь я у подсолнуха:
Он, голову подняв,
Найдет за тучей солнце
В любое время дня.

Град

Ветер тучи в поднебесье
Обнял и трясет, как сад,
И летит с веселым треском,
Что черешня,
крепкий град.

И мальчишки
граду
рады,
На лету поймать хотят.
И пригоршни сочных градин
На всю улицу хрустят.

Рисунки А. ГРИШИНА.

Микола ВИНГРАНОВСКИЙ

КОНЬ НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Мама пришла с работы, поставила в сенях лопату и сказала:

— Собирайся. Пойдешь со мною в Голованевск. Весна, а сажать нечего... Может, мы там выменяем у кого картошки...

До Голованевска было тридцать километров, я это знал, потому что прямо перед войной у одного деда из нашего села цыгане, или еще кто, увели коня. Дед схватил вилы и отправился в степь, догонять цыган. Не было его так примерно с неделю, а когда приплелся обратно, то сказал:

— Был в самом Голованевске. Тридцать верст туда, тридцать назад, а коня нет...— сказал, заплакал и потом снова исчез из села, так что с тех пор того деда никто и не видел.

За окнами уже темнело, и я спросил:

— В ночь пойдем или как?

— В ночь,— сказала мама,— председатель отпустил только до послезавтра, а дорога-то дальняя.

Люди рассказывали, что в этом Голованевске есть базар. А возле самого города даже лес имеется... Лес — это что такое? Это деревья растут, наверно, чуть ли не друг на дружке? Идешь-идешь, взглянешь туда, взглянешь сюда — одни деревья. Неужто такое может быть? — не верилось мне. Как же это: куда ни глянь — деревья! Что они растут, что ли, как чертополох у нас в степи? Чертополох и сажать не нужно, на то он и чертополох... Но чтобы деревья так же сами...

Откуда-то со двора мама принесла канистру, поставила ее под окном на лавку. В хате запахло керосином. Я шевельнул канистру, почувствовав ее тяжесть — полная! По виду наша, не немецкая. Наверно, эту канистру мамка закопала еще до войны, словно знала, что скоро керосина негде будет и понюхать.

Мы упрятали канистру в мешок.

В другой мешок, поменьше, для меня, мамка положила вдвое согнутый корж и большущую, в четыре кулака, печеную свеклу.

— Собирайтесь и вы,— сказала она брату и сестре.— Сегодня будете ночевать у тетки Варецкой.

Заложив руки за спину, брат и сестра молча, исподлобья смотрели на мамку, и по их щекам текли скороспелые слезы.

Прихватив мешок, я выбежал во двор и бросился в сарай. В сарае на чердаке за стрехой в оторванном рукаве немецкой шинели был у меня припрятан автомат шмайссер с тремя запасными рожками. Я вытащил его и вместе с отстегнутым рожком сунул в мешок. Все... Теперь можно идти в Голованевск...

Мы вышли в степь. Впереди с канистрой в мешке темнела мамка, а я со своим мешком тихонько трусил сзади. Темная степь сразу же дохнула чем-то чужим и враждебным, какой-то темной, затаившейся настороженностью.

Месяц еще не всходил, и нам тихо присвечивали звезды.

По дороге мы не пошли — мамка не захотела,— еще кто встретит да отберет канистру. К тому же на дороге вязко — ноги из грязи не вытащишь. Мы шагали степью, и хотя в степи не так топко, зато репьи цеплялись за ноги, за одежду. Чертополохи тянулись к звездному небу, и сухие лохматые их головы смотрели во тьме отчужденно и высокомерно. А один чертополох с головой огромной, как у подсолнуха, видимо, царь-чертополох, так внезапно возник из темноты, что я отпрянул и, сунув руку в мешок, схватился за рукоятку автомата.

— Ты хоть что-нибудь видишь? — спросила мама.

— Вижу...

— А я не вижу ничего...

— Так выйдем на дорогу и пойдем дорогой...

— Скоро месяц встанет,— сказала она в ответ и зашаркала чунями среди чертополохов дальше, изредка перекладывая мешок с плеча на плечо.

Вдруг возле дороги или на самой дороге сверкнул выстрел, и, словно моля кого-то о милосердии, тонко заскулил волк...

Степь точно подменили: из-под моих ног тяжело взлетели какие-то лохматые темные птицы и прошумели мимо. Вокруг все зашелестело, испуганно ожило и с писком, тявканьем, топотом кинулось врассыпную... Я никогда и не думал, что в этой глухой, неговорливой ночной степи может жить столько всякой всячины!

Мать остановилась: на дороге что-то копошилось, кто-то кого-то вроде бил, душил, и тот, кого душили, упирался, всхлипывал и хрипел.

Мамка повернула в степь и пошла быстрее. Я достал из мешка немецкий автомат, примкнул обойму и передернул затвор. Не прошли мы и сотни чертополохов, как мамка остановилась снова: теперь слева от нас что-то копошилось.

Мамка подождала меня и, оглядываясь, тяжело побежала...

Мы бежали долго. В бледной от месяца мгле из-под наших ног уже ничего не вспархивало и не взлетало: все живое было от нас далеко, лишь слышалось, как у того, кто спрятался, где-то засел или залег, бьется всполошенное сердце...

А у меня сердце бухало — не дай бог!.. Я удивлялся на свою мамку: как она бежала в чунях и валенках, в стеганке, в сером, грубом, из шинели платке, с двадцатилитровой канистрой на плече?..

Журнальный вариант.

За канистру керосина мы выменяли полмешка картошки и в придачу старый обод для сита. Однозубый дедусь, с которым мы менялись, даже помог вынести мешок на дорогу.

Но вот она остановилась, сняла канистру и сняла платок: от ее черных волос и платка, казалось, поднимался сизый туман. Я поставил автомат на предохранитель, спрятал, чтобы мать не видела, шмайссер в мешок и подошел к ней.

— Ишь, стреляют,— сказала мамка.— Не настрелялись...

— Мама, дай теперь мне понести,— сказал я и взвалил канистру на плечо.

— Возьми, подстели платок, будет мягче...

— Не нужно, мама... Я же буду плечи менять... Куда идти, прямо?

Мама хотела взять мой мешок, но я уже сам уцепился за него свободной рукой — не хватало, чтобы она еще обнаружила автомат! Тогда мать пустая пошла впереди. Я за ней...

Пот пощипывал глаза, земля стала тверже, мои деревянные ботинки били по ней, как по железу, и слышно было мои шаги, наверно, далеко, пожалуй, даже в самом Головановске. Чертополохов не стало, вместо них засеребрилась шелковая какая-то трава — может, ковыль? — я начал запинаться о камни, и снизу запахло оттаявшей водой. «А где же лес?» — думал я и точно в просеянную на густом сите кукурузную муку всматривался в лунную даль. Я ощутил, что ноги мои без моего участия притормаживают — степь опускалась в долину. И тут на глаза стали попадаться пушки. Вид они имели такой жалкий, что дальше некуда. Точно их кто жевал. Разорванными или согнутыми в дугу

стволами они смотрели туда, где черными, немыми кучами громоздились мертвые танки... Так вот откуда гремело и грохотало так, что у нас в погребе осыпались стены!..

Мамка молча взяла у меня канистру и пошла правее, обходя долину.

Уже и месяц уменьшился и побелел, начал снижаться, клониться к степи, а мы все шли и шли. И вдруг впереди нас, словно из-под земли, запел одинокий петух. Прокричал и умолк. Никто ему не ответил, и тогда он подал голос снова, на этот раз громче и тревожнее. И вновь ответом ему была тишина... Тогда петух задребезжал изо всех своих последних одиноких сил, горестно и отчаянно, но где-то посредине, на самой высокой ноте, вдруг замолк, видно, сорвался.

— Вот и Головановск,— сказала мамка и поставила канистру на землю, теперь будем ждать рассвета.

— Мам, а где лес? Что, леса и не было никогда или, может, его весь вывезли немцы?

— Лес мы обошли. Лес с той стороны.— Мамка указала головой куда-то влево и стала рвать бурьян...

Я лежал на бурьяне, головой на своем мешке, на автомате, а рядом готовила себе гнездо мамка. Я сомкнул глаза и не знал, сплю или нет, а когда глаза открыл, долго не мог взять в толк, где я...

Над головой, объятое темно-вишневой мглой, дрожало звездами небо, и с краю земли бело светился скособоченный месяц.

— Мама! — первое что вымолвил я.

— А? — Мамка подняла голову.— Ты уснул или и не спал?

— И спал, и не спал, но вроде спал...

— Тогда еще чуть поспи... Скоро уж будем вставать...

Я присмотрелся: в ярком свете месяца мамка читала какую-то книжку. Книжка была старая и затрепанная. Я наклонился и спросил:

— Что ты читаешь?

— Как что? Книжку.

— Какую?

— На, посмотри.

Я посмотрел. Посмотрел — и ничего не понял. Книжка была написана по-нашему, а по-нашему я читать не умел. При немцах в нашем селе стояли румыны — и школа была румынская. Я ходил в нее год и научился — слабенько, но научился — читать по-румынски.

Я с сожалением вернул маме книжку, написанную на родном языке, и снова лег...

Светало. Мы входили в Головановск. И не мы одни. Со степи и с дороги, по двое, по трое, а где и группками, с котомками за плечами, выползали молчаливые, в немыслимых одеждах люди.

Однако где же сам город? В серой, словно застиранной, невзрачной низинке, на кривой, безлюдной улочке сутулились землянки, и из них, точно из нор, кое-где пробивались робкие серенькие дымки. Вместо труб на землянках стояли старые, без днищ ведра или обрезанные артиллерийские гильзы.

— Мама, а где же сам Головановск?

— Как где? Вот он и есть,— сказала мамка.— Ты здесь постой, а я пойду поспрашиваю, где тут и что меняют.

Мамка пошла к крайней, с собачьей будкой на крыше, землянке, а я остался на улице у канистры...

Так это он и есть, Головановск?! А где же высокие дома с электричеством и радио, музыка где? Где мощенные камнем улицы, базар и магазины?.. Обгорелые печи да землянки, землянки да обгорелые печи... Так и у нас подобной радости хоть отбавляй!.. Ну что здесь можно выменять?

Чуяло мое сердце: будем мы нести свою канистру обратно домой. И то ладно: придем домой, да нальем в лампу керосина, да как засветим! Вот будет светло! Керосин у нас чистый, довоенный, неразбавленный, без воды. Вырежу из шинели новый фитиль, и читай, мама, при лампе, не надо тебе читать при луне, глаза портить!..

— Микитка!

Мамка стояла в том конце улочки и махала мне рукой. Микитка... Если «Микитка», если мамка зовет меня по-уличному, это обещает уже что-то хорошее и приятное...

За канистру мы выменяли полмешка картошки и в придачу старый обод для сита. Однозубый дедусь, с которым мы менялись, даже помог вынести мешок на дорогу, поклевал зубом губу и на прощание сказал:

— Будете еще — заходите, не забывайте...

Мы отправились домой. Теперь мы шли по дороге, в спину нам дул теплый головановский ветер, мама легко несла картошку, а я — свой мешок и обод. Дорога подсыхала на глазах, и идти было весело.

— Мама, а теперь лес будет? Мы же теперь идем другой дорогой...

— И здесь его не будет, сынок,— сказала мама.— Лес на той стороне, далеко...

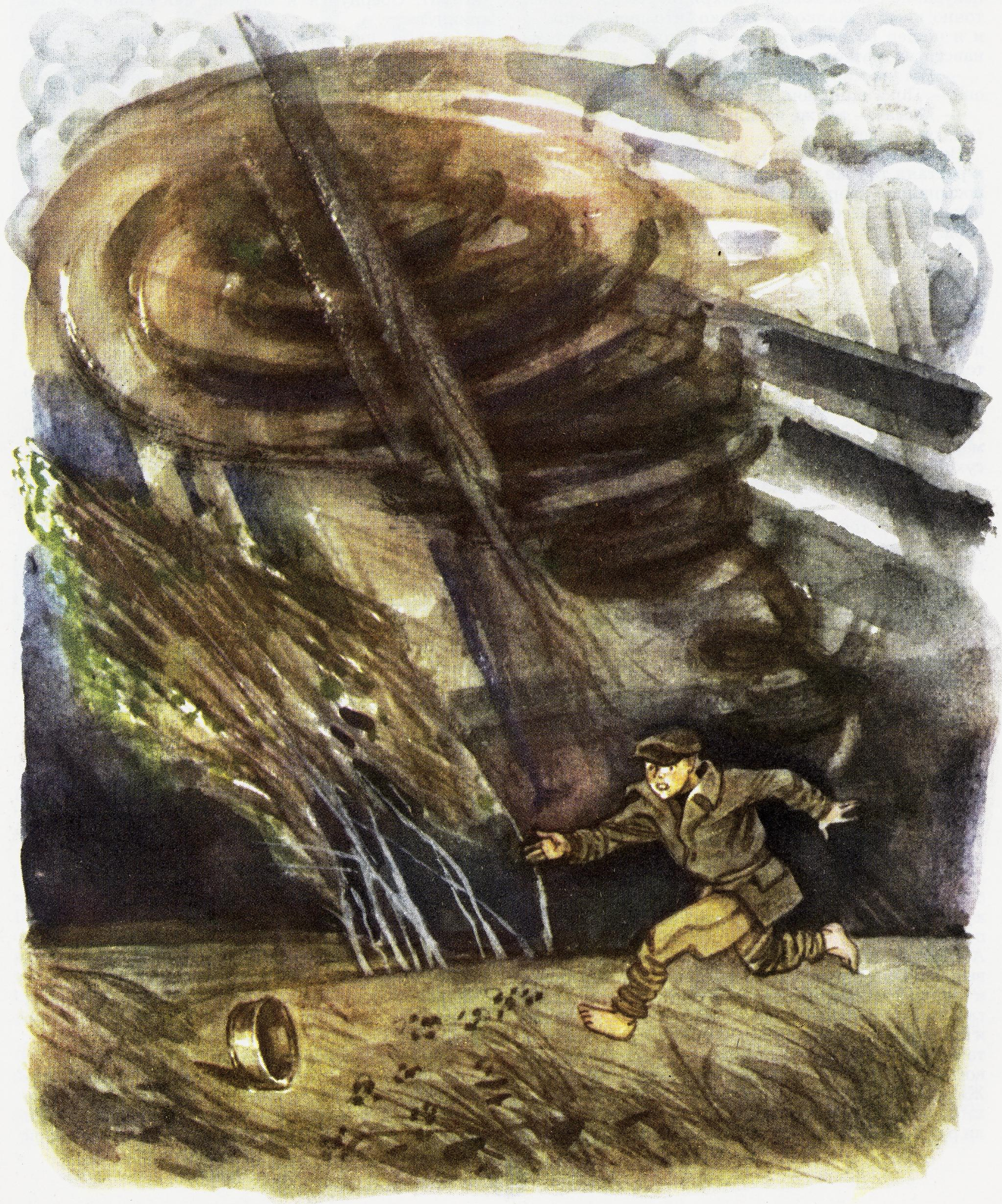
Ничего, теперь самое главное, что мы несем картошку, земля подсыхает, не сегодня-завтра начну и огород копать.

Впереди на дороге показалась машина. Она ползла тяжело, с надрывом, точно ее кто сзади держал за колеса. Я уже давненько не видел живых машин и сошел в кювет, чтобы рассмотреть ее. Мордочка у машины была приплюснута, без фар, кабина деревянная, без стекла, зато шофер с забинтованной головой был при медали. Он бибикнул мне, а машина выпустила пахучее синее облачко. Я выскочил на дорогу, вбежал в это синее облачко и стал его нюхать — ничто так чудесно не пахнет, как это из-под машины облачко! Втягивая его во все ноздри, я даже еще немного пробежал за машиной, чтобы нюхать подольше, как вдруг машину на выбоине тряхнуло и из нее в кювет скатился кукурузный початок.

Пока я запихивал початок в свой мешок, ветер подхватил обод и покатил его, как колесо, по дороге. Я — за ним. Мне было интересно: упадет обод или не упадет? И сколько еще ветер будет катить его по прямой? Обод подпрыгивал на выбоинах, легкий, как перышко, перелетал через лужи, кренился, но не падал. Ветер управлял им, как хотел: то уносил его, то придерживал почти на месте, словно ожидая, пока я подбегу. Я все время оглядывался на мамку, видит ли она, что ветер вытворяет с ободом? Мамка шла, смотрела и улыбалась. Я еще немного пробежал и уже хотел было поймать обод, потому что вспотел, да и автомат подпрыгивал в мешке и больно колотил по спине, но тут ветер подул сильнее и покатил обод так, что я от него порядочно отстал... Теперь обод не катился, а летел! Я разом скинул ботинки и побежал за ним босиком. Но где там! Обод уже был едва виден... Меня охватило отчаяние: как же так — пропадет обод! И сита у нас не будет! Придется опять одалживаться, потому что сито у нас одно на всю округу... Я оставил мешок на дороге, а сам что есть духу бросился за ободом... И что интересно: ободу на пути попадались и чертополохи, и кусты, и пере-

кати-поле, но он так ловко и шустро обходил их, как будто ветер им управлял!.. Я уже едва различал его, еще немного, и он вовсе исчезнет, и у меня уже иссякли все силы, когда ветер вдруг переменился и направил его в поле, к лесополосе. Обод упал на бок. «Вот теперь я упрячу тебя в мешок, будешь знать, как бегать! Теперь полежишь в мешке, пока я тебя не достану дома!» — говорил я ободу и уже неторопливо, выравнивая дыхание, подходил к нему. Но внезапно этот безголовый, непостижимый голованОвский ветер рванул так, что прямо перед моим носом закружился, будто взорвался, вихрь. От неожиданности я даже присел!.. Вихрь зародился в одно мгновение, словно из ничего, из пустого места, и тут же с тонким свистом спрессовал и скомкал воздух, поднял с дороги комья земли и ботву и, всасывая в себя лужи, на своей длинной, нестойкой ноге почесал вдоль кювета, подметая его, как веником. Из кювета вихрь по-

Обод не катился, а летел!
Я разом скинул ботинки и побежал
за ним босиком. Но где там!



вернул в поле — и полетели головы с чертополохов! Вихрь отрывал их легко и весело, точно потешался, он подхватывал с земли пустые гнезда жаворонков, перекати-поле, даже отыскал где-то старую, сгнившую стеганку, поднял ее, поднял, раскрутил, покрутил и, будто понюхав, бросил обратно в бурьян, понесся дальше. А дальше у лесополосы лежал мой обод... Он словно ждал этого мгновения, словно ждал и не мог дождаться, когда смерч подхватит его и понесет под облака. И правда — он взлетел, как лепесток, как молоденький весенний мотылек... А, чтоб тебе было пусто!..

Я задрал голову и смотрел, как высоко — выше некуда, на самом хохолке вихря он уселся и сидел, точно нимб... Жалко не жалко, что поделаешь! — и я пошел восвояси к своему мешку и ботинкам, навстречу матери.

— Вот уж мир посмотрит на наш обод,— сказала она.— Пока еще день не совсем погас...

— Мама! — тут же воскликнул я.— Смотри, смотри, он падает!

Ветер притих, вихрь в небе обессилел, угас и растаял так же внезапно, как и родился, из него посыпались хворост и ботва, а за ними, покачивая боками, на лесополосу снижался кругами и мой обод.

Не сводя с него глаз, я рванул, не разбирая дороги, к лесополосе.

Да где его в этой лесополосе будешь искать? С обеих своих степных сторон она опоясалась такими зарослями терновника, что их не пробил бы и снаряд. Я послонялся-послонялся около нее, желтое мое румынское галифе покрылось репьями — я уже переваливался в нем, как медведь,— как тут над тернами, на ветке акации, далеко высунувшейся в степь, увидел свой обод. Он грустно висел над моей головой и чуть покачивался. Я поднял один сухой ком, другой, бросил, попал, но акация поймала обод крепко, словно навсегда... я побежал на дорогу.

— Что с тобой? — спросила мамка, глядя на мое галифе в репьях.— Оставь, ради бога, свои поиски!

— Мама, я — мигом! — крикнул я и схватил свой мешок.

У шмайссера голос был сравнительно тихий, обод вместе с веткой упал мне почти на голову... Не успел из ствола выйти пороховой дымок, как в терновнике что-то зарычало и из кустов прямо на меня вывалился неведомый зверюга.

Я попятился, а шмайссер так и приклеился к моим рукам.

Если уж говорить о репьях — так вот на ком их было!.. Смешанные с ботвой и каким-то мусором, они облепили странного зверя лохматой броней с головы до ног, лишь на боку — видно, он на нем лежал — было несколько светлее, и там я рассмотрел выжженного черного немецкого орла, а под орлом, тоже выжженные, цифры, не иначе как это был какой-то порядковый номер... Я пригляделся к зверю. Да неужто это конь?! Если конь, так почему не ржет, а рычит? И откуда он здесь и чей? А орел? А цифры?.. Он стоял на высоких костлявых ногах, со взъерошенной проволочной гривой и хищно рассматривал меня какими-то странными глазами. Один глаз у него был зеленый. Зеленый и как будто с крылышками. Я присмотрелся внимательней... Там, где был раньше глаз, багровела воспаленная рана, и на ней сидели зеленые мухи. Живот и шея у коня, изорванные, вероятно, волчьими зубами, хоть немного и зажили, но еще пунцовели рубцами, а ноги... его ноги были точно из железа, ими он, видимо, отбивался от волков... Потому и рычит, перенял у них, а ржать по-своему разучился...

Задом-задом, не опуская автомат, я стал отступать к дороге. Но конь своими зеленым и черным глазом точно взял меня в клещи и двинулся за мною. «Бежать?» — подумал я. Если буду удирать, повернусь к нему спиной, он еще за мною погонится! А может, дать в небо очередь и отогнать?.. Его отгонишь! Такого не только не испугаешь — еще больше разозлишь... И я продолжал пятиться. И так пятился до самой дороги. Здесь конь остановился, фыркнул и дальше не пошел. Я спрятал автомат. Обернулся к матери, маячившей вдали, крикнул:

— Мама, иди-ка сюда ближе, посмотри — кто это?

— Как кто? — ответила она, подходя.— Конь. Только на всех чертей похожий. Где это ты его взял?

— Да я его нигде не брал. Сам из кустов, из терновника вылез. И рычит. Рычит, как собака. Мама, посмотри, это случайно не тот конь, что у деда украли?

— Может, и тот,— сказала мама.— Так разве по нему теперь разберешь? Он же вконец одичал.

— Тот самый,— сказал я.— Я почему-то вижу, что он. Дед пропал, а конь нашелся. Он у немцев был, немцы его забрали. Вот видишь, их орел у него на крупе и номер? Но он от немцев удрал и теперь один живет в степи.

— Сильно, видать, они ему сала за шкуру залили,— сказала мама.— Дай ему свеклы. Только смотри, чтобы он тебя не укусил. Лучше положи свеклу перед ним.

Я достал из мешка свеклу и осторожно подошел к коню. Он еще раз фыркнул, ноздри его раздулись и затрепетали.

— Пускай себе ест, а мы пойдем,— сказала мама.

Но я уже так близко стоял перед конем и его губы так жадно потянулись к сладкому, что я дал свеклу ему из рук. Конь откусил, и его губы как-то болезненно задрожали... Он ел не торопясь, видно, растягивая удовольствие... А когда доел, облизал мне руку!

Мы шли дальше домой, и конь тащился за нами. Может, думал я, проводит до рубежа своих владений и вернется? И он, похоже, так думал, потому что шел-шел и останавливался. Останавливался, оглядывался на лесополосу, на акации и терновник, встряхивал головой и снова топал.

— А что, мама, если он будет наш? Деда же нет. Отведу его в колхоз. Только глаз у него пропал. Керосином бы промыть, чтоб мухи не лезли. Так керосина у нас ни капли...

— Есть,— сказала мама.— У нас еще одна канистра в саду зарыта...

Конь будто услышал мамины слова, потому что вдруг хрипло заржал. Не зарычал, а заржал, вспомнив, что он конь.

В селе появился учитель, и по селу полетела весть, что завтра открывается школа.

Утром матери погнали нас в школу. Погнали, потому что мы уже от нее отвыкли, а если по правде, то мы к ней никогда и не привыкали. Ну, ходил я год в румынскую. А как? А так: ходил пятое через десятое. Научился кое-как читать, а писать... То ли я боялся букв, которые надо было выводить, а у меня не хватало терпения, то ли клякс, за которые наш учитель-поп бил линейкой

У учителя пустые рукава пиджака
были засунуты в карманы.
— Значит, так, пиши! — сказал он мне.
Похолодевшей рукой я взял его черную,
словно раздувшуюся от чернил, ручку.
Писать я не умел...

и таскал за уши. В общем, за меня писала Галя Белостенная. Она и по-нашему писать умела. Мы с Галей сидели рядом за столом, и когда поп отворачивался к окну и о чем-то задумывался, а задумывался он все чаще и чаще, я подсовывал Гале свой листок, и она быстренько списывала с доски нужную букву или слово.

— Я уже однажды в нее ходил! — ворчал я из сеней, одеваясь и глядя на улицу, на выгон, на реку, прощался со своей свободой.

— Так это же ты ходил не в нашу. Теперь будешь в нашу,— говорила мама.

— Так мне и писать не на чем...

— Как это не на чем? А где тетрадка, которую я тебе из бумажного мешка сшила и выгладила,— где она?

— Исписалась...

— Покажи.

— Исписалась, и ее мыши в сарае сожрали...

— Вот видишь — мыши. А тебя мыши не тронули. А ты не мог ее где-нибудь так спрятать, чтобы мыши не достали? Будешь писать теперь у себя на лбу, у нас таких мешков больше нет.

Галя Белостенная уже сидела в классе за столом на нашем месте.

— Что-то, Галя, я тебя давненько не видел. Где ты была?

— Как где? Я все время дома... А нам поросенка из колхоза дали — будем откармливать.

— Чем вы его будете откармливать?

— Пока нечем. Но скоро ведь лебеда пойдет! А теперь я травкой его кормлю. Нарублю травки с водой, и он ест... Садись, что стоишь?

Я сел.

Галя была, как ласточка: в черном пиджаке и в белой, из парашютного шелка, кофте. А сапожки желтые, не чуни, а из той же желтой, что и чуни, резины склеены сапожки.

— У тебя ручка есть? — спросила Галя.

— Ручка есть, пера нет. Сломалось. И не на чем писать.

— А у меня вот и ручка, и перо, и бумага.— Галя положила на стол тоже сшитую из парашютного шелка торбочку, достала из нее ручку и пожелтевший кусок газеты.— Только чернил нету.

— Чернила, Галя, я сделаю. Из свеклы. Из бузины оно бы лучше, да где теперь та бузина, на дворе — весна, не осень.

Дружки мои Блоха и Пуп сидели вообще без ничего: у них не было ни ручек, ни перьев, ни бумаги, ни чернил. На столе лежали только их пропитанные дегтем, смолой, тавотом руки, перед которыми бессильно было любое мыло... Блоха горестно смотрел в окно и поеживался: прямо на спину ему с потолка капала талая вода. Пуп, чтобы зря не терять времени, дремал.

В класс вошел длинный, как дышло, учитель. Пустые рукава пиджака были у него засунуты в карманы. За ним вошла женщина в серой юбке, в ботах и в аккуратной стеганке и остановилась у дверей. Мы встали.

— Добрый день,— сухим степным голосом сказал учитель.

— Добрый день.

— Садитесь.

Мы сели.

— Ну, как? — спросил учитель.

Мы молчали.

— Ну, так как? — спросил он еще раз и наткнулся глазами на Пупа.

Пуп встал.

— Как? — вопросом ответил ему Пуп.— Никак.

— И все?

— А что еще?

— Садись.

Пуп сел.

— Ну, как? — нашел учитель меня.

Я встал.

— Как? — снова, уже в который раз, спросил он.

— А что? — спросил я, в свою очередь.

— Я спрашиваю, как? Наши фашистов теснят?

— Давят,— ответил я.

— Молодец! — сказал учитель.— Так фашистам и надо. Писать умеешь?

— Умею,— промямлил я и посмотрел на Галю.

— Иди сюда.

Я подошел.

— Возьми вот у меня из планшета блокнот и ручку, садись и сейчас будешь писать...— Учитель потер подбородком о воротник кителя и повысил голос: — Дорогие дети наших бойцов, летчиков и матросов! Я, к сожалению, никакой не учитель. Меня попросили в районо поехать к вам в село и записать вас: фамилию, имя, отчество, кто какого года рождения, пол — мужчиненский или женский, семейное положение и так далее. У меня все там в блокноте записано, как и что. А поскольку учителей в районе не хватает, да и вам учиться в этом году уже некогда, потому как скоро лето, да и работы всякой невпроворот, я сейчас вас всех перепишу, передам список начальству в районо, а там оно пусть уж само разбирается... У вас тут, случайно, воды не найдется? Что-то у меня от волнения во рту пересохло. Никогда перед такими, как вы, еще не выступал... Пойди достань где-нибудь воды,— сказал он Блохе.— Если нет колодезной, и снеговая из бочки сгодится.

Блоха побежал.

— Значит, так, пиши! — дальше сказал «учитель».

Похолодевшей рукой я взял его черную, словно раздувшуюся от чернил ручку. Из-за стола, из глубины класса, с нашего места на меня смотрела Галя, и в ее глазах вызревал страх.

— Твоя фамилия?..— учитель указал подбородком на Галю.

Галя встала.

— Белостенная...

— Пиши — «Белостенная»... стоп! стоп! — остановил он себя.— Ты, случайно, не дочь того Белостенного, что в нашем взводе был?

— Не знаю...— как птица перед полетом, сразу напряглась Галя.

— Как звать отца?

— Иван...

— Иван? — учитель наморщил лоб.— Нет, не тот. Того звали Дмитро. А может, он брат твоего отца? У твоего отца брат есть?

— Нет...

— Тогда не тот. Ну, да ничего! Ты, Белостенная, главное, не журись: все Иваны на фронте живучи! Я сам Иван!.. Записал «Белостенная»? — Учитель посмотрел через мое плечо в блокнот.— Что же ты не пишешь? Пиши.

— Этой вашей ручкой я не умею... я такою никогда не писал...—промямлил я.

— Вот тебе и раз! Бери тогда свою и пиши своей. Где твоя ручка?

— Вон там на столе. Но она без пера...

— У кого ручка с пером? — спросил учитель.

— У меня! — быстро подняла руку Галя.

— Тогда ты иди и пиши...

Держа в руках за ушки белую кастрюлю, в дверь просунулся Блоха.

— Кружки нигде нет, не нашел. Хотите, пейте из кастрюли. Вода чистая, колодезная...

Женщина, которая все стояла у двери, взяла у Блохи кастрюлю, поднесла учителю ко рту и стала его поить. Учитель, наклонясь, пил, и ни одна капля не упала с его губ на пол...

Шли в школу — лишь кое-где цвела мать-мачеха. Вышли — от цветков желтел весь школьный двор, да так, что Галя зажмурилась.

Учитель и эта, в ботах, женщина сели на двуколку, женщина взяла вожжи, и чумазая лошадка покатила их на Забары.

— Ты где поросенку траву рвешь? — спросил я у Гали.

— А тут, за школой, в окопе.

— Иди домой, переоденься и приходи на кладбище, там знаешь, какая трава! Ого-го! Придешь?

— Приду.

— У вас дома парашюта немножко найдется?

— Зачем тебе?

— Возьми ножницы и вырежь из него ленту — вот такой длины и ширины,— показал я Гале руками.— Мне нужно.

Я пошел в сарай и сел делать для Гали монисто. Нарезал тонкий телефонный кабель, сначала выдернув проволоку,— у меня этого кабеля был целый пук — и синего, и красного, и зеленого, и белого,— на тонкую медную проволоку нанизал те разноцветные обрубки вперемежку, и получилось монисто хоть куда!..

На кладбище глухо пахло землей, и серые кресты то там, то сям стояли кучками и как будто держались за руки. Трава на могилах и между

могилами перла сочная, душистая, уже басили редкие медлительные шмели.

Галя шла, озираясь, и искала меня глазами.

— Галя,— позвал я ее,— иди сюда!

Она приблизилась.

— Галя,— сказал я вдруг,— я тебя люблю...

Она будто и не удивилась, только опустила голову и, казалось, внимательно стала изучать муравьиную тропу, что проходила у наших ног. Потом прошептала:

— И я тебя люблю...

— Ты замуж за меня пойдешь?

— Пойду.

Блоха лег на спину и сказал:
— Ты, Микитка, как себе думаешь:
сколько за один раз человек может выпить молока?
Что до меня, так я выпил бы ведро.
Только бы дали...

— Закончится война, и пойдешь?

— Пойду...

— Давай поцелуемся.

— Давай! — сказала Галя.— Только как?..

— Как, как! Ты меня, а я тебя.

Потом я надел Гале на шею монисто, и мы стали рвать поросенку траву...

На скотном дворе лентой из Галиного парашюта я перевязал коню глаз. Конь в кротком окружении трех коров — все наше колхозное стадо — жевал в яслях кукурузные объедья и укоризненно смотрел на меня: дескать, куда ты меня завел и как мне жить в такой компании дальше?

Тут подоспел председатель колхоза, дядя Дузь, он же и кладовщик, и конюх, и сказал:

— А чё ты, Микитка, не в школе?

— А нас распустили на каникулы,— ответил я.

— Собрали на один день и уже распустили?

— Переписали, кого как звать, и сказали: приходите осенью.

— Тогда так: бери коня, только спутай, иначе

удерет, я вижу, что он из таких, бери коров и гони на выгон, пусть немного проветрятся.

Я свистнул Блохе и Пупу, мы стреножили коня и с коровами выгнали в степь. Конь пасся отдельно от коров и то и дело задирал голову и затуманенным глазом всматривался в степь...

Блоха лег на спину и сказал:

— Ты, Микитка, как себе думаешь: сколько за один раз человек может выпить молока?

— Сколько? А сколько влезет.

— Нет, ты мне скажи: сколько? Кружку, две, три, четыре, пять?..

— Пять? Сомневаюсь.

— А я не сомневаюсь,— сказал Блоха.— Что до меня, так я выпил бы ведро. Только бы дали...

— Гей, вы! — закричал со степи Пуп.— Идите сюда, что покажу!

То, что показал Пуп, и впрямь было интересно: там, где недавно был немецкий аэродром, в какой-то яме, из-под ноздреватого, почерневшего снега выглянули друг на дружке лежавшие метровые авиабомбы. Сверху на них еще валялось несколько разбитых ящиков автоматных патронов.

— А что, попробуем рвануть? — разгорячился Пуп.— Чего они здесь будут лежать, кому они нужны? Еще, гляди, кто подорвется! Давай, Витек, дуй за огнем, а мы пока натаскаем бурьяну да отгоним подальше коров.

— Нет,— сказал Блоха,— я не побегу, меня мамка потом обратно не пустит...

— Тогда побегу я,— сказал Пуп и побежал.

Мы отогнали коня и коров подальше, наносили полную яму бурьяну. Пуп принес в гильзе углей, мы их раздули, подожгли бурьян и залегли за холмом.

Сначала из ямы шел дымок, бодренький, подсвеченный пламенем, он клубился довольно высоко, но вскоре наша затея уже едва курилась и вроде намерилась погаснуть.

— Беги глянь, горит ли, а если надо — раздуй,— сказал я Пупу.

— Хитрый какой! Беги сам,— сказал мне Пуп.

— Тогда идем все вместе,— сказал я.— Была не была, не будем же мы здесь загибаться до самого вечера и смотреть, как оно дымится... Оно...

Взрыва я не слышал. Я только почувствовал, как мои уши что-то начало вталкивать внутрь, в голову, и носом пошла кровь...

Окна в селе остались без последних стекол. С коня взрывной волной содрало все, какие на нем были, репьи, и он стал как молоденький.

Я как раз докапывал огород, когда бледная и запыхавшаяся, в сером немецком френче, прошмыгнула в наш двор тетка Варецкая, задергала на себя дверь, точно забыла, что дверь у нас открывалась в хату, а не на улицу. А когда докумекала, мамка уже стояла на пороге. Тетка Варецкая что-то ей прошептала, и я с огорода увидел, как побледнела вдруг моя мама.

Я оцепенел от догадки: неужели отец! Нет больше у меня отца...

Мама как встала, так и стояла — ни живая ни мертвая. Тогда тетка Варецкая закричала. Кот, который на яблоне пас воробьев, в испуге стреканул прямо в небо, рухнул опять на яблоню, присыпал маму и тетку лепестками и, сам с лепестками на когтях, прыснул за сарай в кусты.

Закричал кто-то и на том краю села, и, как по команде, в селе началась стрельба. «Не иначе как банда какая напала, а то и немцы какие приблудные»,— подумал я, бросил лопату и побежал к сараю за автоматом.

В небе стали лопаться ракеты. Бежали и плакали женщины. Между ними носились мальчишки и палили в небо. А дед Варецкий вынес из землянки трофейный патефон, поставил на него какой-то марш и с тем маршем и патефоном на руках через наш двор протанцевал на выгон. «Что же это? — думал я.— Все что-то знают, лишь я не знаю ничего!»

Дед увидел меня.

— Жми, сыночек, на станцию, тато с победой встречай!

Меня как будто что покачнуло, как был со шмайссером в руках, в галифе, шапке и рубашке из плащ-палатки, так и побежал за село в степь, к райцентру, на станцию, словно на коне галопом. В лесополосе под пеньком спрятал шмайссер и — дальше. Пробежал Конецполь, Дроздовку, выбежал на железнодорожную колею и по ней, по шпалам, вбежал в Первомайск, на станцию Голта. В Голте я перевел дух и на перроне стал ждать отца. Колея была одна, и по ней, прогибая рельсы, как по волнам, с той стороны, из Одессы, друг за другом проскакивали тяжелые эшелоны. И хотя бы тебе один остановился! Пролетали они куда-то мощно, точно Победы для них и не было. Лишь их колеса отстукивали мне: «та-то», «та-то», «та-то»...

Так я простоял долго, дежурный по вокзалу уже давненько приглядывался ко мне, подошел и спросил, что я здесь делаю. Я ответил этому дедуле, что пришел встречать с войны отца. Возбужденный, веселенький дедуля, не переставая пожимать руки знакомым и незнакомым, сказал мне, что товарняк, тот, что у нас останавливается, уже был и больше сегодня не будет, а если я хочу воды, то надо выйти с вокзала, и тут же по правую руку есть колодец.

Я вышел с вокзала и остолбенел: людей — море, и все эти люди, точно самые родные родственники, обнимаются, целуются, плачут, и все какие-то вроде помолодевшие и даже светятся... Девушки в завивках «на пару́», с золотыми фиксами, в темно-синих и коричневых жакетах, с высокими на вате плечами, в блестящих резиновых с пуговицами на боку ботах танцевали с офицерами под баян. А тут как раз к колодцу на тачке какая-то тетка в стеганке с белыми нарукавниками привезла в белом бидоне мороженое. Что вокруг нее началось! И старшие, и младшие, и такие, как я, и вовсе мелюзга, даже офицеры с барышнями обступили ее. В руках у нее был белый алюминиевый стаканчик, она ложкой из бидона набирала мороженое, набивала им стаканчик, а потом снизу металлическим толкачом — раз — и порция готова.

Я стоял за колодезным срубом, тот сруб был мне как раз по глаза, и не то чтобы облизывался, а просто смотрел... Здесь меня и заметил какой-то летчик с барышней. У них в руках уже было мороженое. Летчик был худой и длинный, без фуражки, с расстегнутым воротничком, с орденами и медалями, с большими молодыми губами. Он как-то вроде мимоходом взглянул на меня и, расталкивая толпу, подошел к продавщице.

И вот я бегу по шпалам из Голты домой... Бегу и слизываю мороженое то сверху, то снизу, то сбоку, останавливаюсь, оглядываюсь и снова лижу. «Вот жаль, что Гали нет!..» И как только какой идет эшелон — отхожу от колеи и лижу себе дальше. Машинисты с помощниками, проносясь надо мною, улыбаются, а колеса говорят мне «та-то».

Перевел с украинского
Н. КОТЕНКО.

Николая Владимировича Богданова многие из вас уже знают. Вы читали его книги «Партия свободных ребят», «Пропавший лагерь», «Чудесники», «Когда я был вожатым» и другие.

А те, кто слышит о нем впервые, пожалуйста, знакомьтесь.

Он — один из первых пионерских вожатых в стране.

Написал первую книгу о пионерах, которая сначала называлась «Пионер в деревне», а сейчас переиздается под названием «Один из первых».

Был хорошо знаком с Надеждой Константиновной Крупской, Аркадием Гайдаром, Николаем Островским.

Участвовал в создании журнала «Пионер».

Великую Отечественную войну прошел военным корреспондентом.

Сейчас Николай Владимирович — известный детский писатель. Этот веселый, мудрый человек — свидетель прекрасного, яркого времени. На глазах Николая Владимировича и его поколения рождалась, развивалась, крепла пионерская организация, которой в этом месяце исполняется 65 лет.

ИНТЕРВЬЮ С САМИМ СОБОЙ

в день рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

— Скажи, Коля, что тебе запомнилось из тех лет, когда ты был вожатым? Как жили пионеры двадцатых годов?

— Жили — не тужили,— улыбается мне с фотографии паренек в заломленной по тогдашней моде фуражке, в рубашке с открытым воротом.— У нас и поговорка такая была: пионер — веселый человек, сам жизни радуется и радует других.

— Но, по свидетельству Маяковского, планета наша тогда была «для радости мало оборудована»?

— Так ведь мы для того и объединились в организацию, чтобы помочь отцам и старшим братьям получше ее «оборудовать»!

С великим увлечением занимались этим делом ребята моего отряда номер шестнадцать Бауманского района Москвы.

Представьте: раннее утро, темное, неуютное депо курских вагоноремонтных мастерских — наследие прежних времен. Огромные окна так закопчены, что и днем в помещениях мрачно, как ночью. У верстаков, у токарных станков ни души: воскресенье.

Прокрадываясь по одному, мальчишки лезут протирать высоченные окна, девчонки моют, чистят рабочие места. Каждый трудится изо всех сил. И когда в чистые окна врываются лучи солнца — ребята стоят, любуются, как стало хорошо!

Так же незаметно ребята исчезают, предвкушая удивление отцов и старших братьев, которые завтра явятся к станкам и верстакам.

Игра? Пожалуй. Каждое наше дело переплеталось с игрой. Когда пионер или пионерка обучали дедушку или бабушку грамоте, разве это была не игра? Ребята чувствовали себя учителями, а бабушки и дедушки им подыгрывали. А поиски беспризорников в подвалах и трущобах Москвы? Это была тоже увлекательная и серьезная игра.

Как же мы были счастливы, когда «сын отряда» — были такие! — беспризорник, которого мы нарекли Маем, дав ему фамилию Пионерский, выводил каракулями «прашу прнять маня в пинаеры»... Были у первых пионерских отрядов дела и помасштабней. Буржуазное правительство Германии не пропустило через границу эшелон пшеницы, посланный Советским правительством голодающим детям немецких рабочих, и мы, пионеры, с азартом принялись за сбор «пионерской копейки». Ходили по заводам и фабрикам, разъясняли, на что пойдут деньги, вручали взрослым на память самодельные значки.

Ребята танцевали от радости, узнав, что их деньги вместе с «комсомольскими пятачками» успешно переведены через международные банки и на них германские профсоюзы закупили продовольствие для детей безработных. Здорово мы утерли нос германским буржуям!

— Мы тогда сами еще небогато жили. Вот фотография тех лет — шагает первый пионерский отряд Красной Пресни. Четкий строй, бархатное знамя с золотыми словами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а многие ребята топают по булыжной мостовой босиком!

— Было такое... Построил я как-то в начале лета свой отряд на линейку в парке школы имени Радищева. Гляжу, некоторые ребята с ноги на ногу переминаются: то одну под себя подожмут, то другую.

Что это вы, как журавли на болоте?

— Тропинка холодная!

Оказывается, многие пришли босиком, родители приберегали обувку для школы.

— Всем снять ботинки! — скомандовал я. — В связи с каникулами переходим на летнюю форму одежды!

И сам разулся.

«Делай, как я» — вот девиз вожатых тех времен. И это была самая лучшая педагогика. Не рассказом, а показом, не рассуждением, а поступком учили мы ребят.

— Скажи, Коля, а что это за «система скаутинг», на основе которого Вторая Всесоюзная конференция комсомола рекомендовала воспитывать пионеров?

— Скаутизм... Эта жар-птица к нам с туманного Альбиона залетела и зачаровала своим ярким оперением. Представьте себе — английский бой-скаут, мальчик-разведчик... Он должен быть неутомим, вынослив, как волк, хитер, как лисица, ловок, как белка. Он ныряет и плавает, как щука. Ползает по земле бесшумно, как змея... Скачет на коне, как скиф!

А чем русские мальчишки хуже? Кто из нас за грачиными яйцами по высоченным ветлам не лазил, кто в чужие сады бесшумно не прокрадывался, кто в ночном на неоседланных конях по-скифски не скакал?!

Получив от комсомола «добро», стали мы применять систему «скаутинг» на русский манер.

Наше увлечение скаутизмом высмеяла Надежда Константиновна Крупская.

— Да что это вы, товарищи? Конечно, в скаутизме много увлекательного — и военизированные походы, и ночевки в лесу, и бдения у костров, но нельзя забывать, что девиз этой буржуазной организации: «Скаут верен богу, королю и своим начальникам!»

— А пионер — коммунизму, Советской власти и своим вожатым,— нашелся кто-то из бойких ребят.

Надежда Константиновна рассмеялась:

— Скаутов выдумал писатель Баден-Поуэлл, бывший полковник колониальных войск, для подготовки кадров английского империализма. А пионеров никто не выдумывал, никто не придумывал. Коммунистическое движение наших детей и подростков возникло из страстного желания ребят участвовать в борьбе взрослых за новую жизнь. Из этого надо исходить!

Время заставило мальчишек и девчонок стремительно взрослеть. Сначала они сменили лапти и пастушьи кнуты на оружие, чтобы отстоять свое будущее. А оружие они сменили на барабаны, горны, учебники и ручки, чтобы интересно и свободно жить в настоящем.

И конечно, она была права. Еще до того, как Надежда Константиновна подсказала нам слово «пионер», которое понравилось, показалось созвучным таким гордым словам, как «революция», «пролетарий», уже появлялись детские отряды, дружины, клубы — «Красные муравьи», «Пчелки», были даже «Красные дьяволята». В Туле действовала «Детская коммунистическая партия», а в Москве — ЮКи — «юные коммунисты».

— Коля, это те самые, которым Ленин сказал, что стать коммунистами не так просто, надо многому поучиться, много знать да и подрасти к тому же?

— Да, те самые. Вожатый ЮКов Георгий Актан (Гуля, как его ребята звали) попросил Ленина побеседовать с его отрядом на параде Всевобуча 25 мая 1919 года.

Владимир Ильич устал, много раз выступая перед полками,

уходящими на фронты. Он уже собирался домой. Но, увидев ребят в красных галстуках, подошел своей легкой походкой — пальто внакидочку, и спросил:

— Почему дети на военном параде?

— Готовятся в разведчики Красной Армии,— был ответ.

Ленин тогда призвал ребят стать разведчиками будущего. И произнес вещие слова о необходимости создания коммунистической организации детей.

— Помнишь, Коля, Ленин был для нашего поколения очень близким, своим человеком. Среди нас жили, играли, занимались пионерскими делами мальчишки, дружившие с ним.

— Да, верно. Володя Стеклов, Шура Калинин, Коля Дубинин, Петя Мельников катались с Владимиром Ильичем на санках с кремлевского холма, помогали Надежде Константиновне наряжать елки для малышей. Лева Подвойский еще в Питере разъезжал с Лениным в автомобиле. И если бы спросить тех ребят, какой он, Ленин,— ребята ответили бы — веселый!

Да и все ребята моего отряда видели Ленина. Правда, с отцовских плеч, во время праздничных шествий. Ребятам казалось, что это именно им улыбается Ленин.

Думали, Ленин будет с нами всегда. Когда приходилось трудновато, мы говорили:

— Ничего, была бы Советская власть на земле да Ленин в Кремле!

И вдруг узнаем — Ильич в Горках, он болен.

Сейчас даже трудно себе представить, как это сообщение взволновало всю детвору. Детдомовцы Подмосковья звали Владимира Ильича попить вместе с ними парного молока и подышать целебным воздухом хвойных лесов. Дальневосточники слали корни лекарственных трав. Из Вятки вожатый Саша Волков привез в подарок самодельные игрушки. Надежда Константиновна поставила их на видном месте. По ее свидетельству, Ильич при виде этих нехитрых поделок улыбался.

Да и первый номер журнала «Пионер», который начал выходить стараниями Крупской, готовился в подарок Владимиру Ильичу как бы от имени всей советской детворы.

Мой отряд в этом деле принимал самое активное участие. Я вожатый, заведовал отделом пионерской жизни, готовил материалы о делах пионерии, а ребята доставляли из редакции в типографию правленые гранки и молоко.

— Зачем молоко?

— Затем, что печатникам, по вредности их профессии, связанной со свинцом и типографской краской, оно полагалось по закону. Днем о молоке заботилась администрация типографии, а наш журнал «Пионер» рабочие взялись набирать и печатать сверхурочно, ночами. Вот и приходилось вместе с материалами, идущими в набор, добывать к ночи и молоко...

Торопились, ах как торопились мы порадовать Владимира Ильича новым журналом для детей... и опоздали.

Мальчишки и девчонки в красных галстуках, стоявшие в почетном карауле у гроба Ленина, видели, как плакали, прощаясь с Ильичем, закаленные в боях герои — командиры Красной Армии, его соратники, товарищи по тюрьмам, ссылкам, борьбе и победе.

Но слезами горю не поможешь. Более двухсот тысяч рабочих в те горькие дни 1924 года влились в ряды осиротевшей партии. Миллионы ребят захотели продолжить дело Ленина, отряды возникали везде и всюду, и комсомол принял решение: присвоить детскому коммунистическому движению Советского Союза имя Ленина.

На торжественном параде на Красной площади десять тысяч пионеров Москвы, среди которых был и мой отряд номер шестнадцать Бауманского района города Москвы, дали клятву на верность ленинской партии.

Прошло всего два года после рождения детской организации, и разрозненные отряды имени Спартака превратились в могучую державу юных ленинцев.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

РВС

Размышляем,
Вникаем,
Спорим

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1 мая — *День международной солидарности трудящихся.*

Весна с кипучими ручьями,
Весна с цветочными коврами,
Мой край с раздольными полями,
Навстречу Маю выходи!
С весеннею травой зеленой
И с песней птиц неугомонной,
Заря, вздымай свои знамена,
Навстречу Маю выходи!

Кудрат Химкат «Навстречу Маю»

9 мая — *Праздник Победы советского народа в Великой Отечественной войне*

Фоторепортаж «ДЕНЬ ПОБЕДЫ» восьмиклассника Глеба БАБКИНА и Тимура ГРИБА из фотостудии Минского Дворца пионеров и школьников.

СПОР-ПЛОЩАДКА

На XX съезде комсомола говорилось о том, что комсомольцы и пионеры должны больше проявлять инициативы «снизу», что вся основная комсомольская и пионерская работа должна вестись в первичных комсомольских организациях, группах, пионерских отрядах и звеньях.

Звено — самая маленькая ячейка пионерской организации, самая боевая и дружная. Потому что в звенья вы объединяетесь по своему желанию, по интересам и привязанностям. От того, как будет работать твое звено, зависит жизнь всей пионерской организации.

Поэтому сегодня на нашу спор-площадку мы пригласили артековцев из дружины «Лазурная». Тех, кто участвовал в работе **IX Всесоюзной смены звеньевых,** проходившей в «Артеке» в конце прошлого, 1986 года.

Ребята обсуждают вопросы: ЧТО ТАКОЕ ПИОНЕРСКОЕ ЗВЕНО? КАКИМ ОНО ДОЛЖНО БЫТЬ?

Лена МОРОЗОВА, 6-й «В» класс, школа № 27, г. Саранск, Мордовская АССР: — Здесь, в «Артеке»,

19 мая — *День рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.*

С днем рождения, пионерия!

я поняла: **звено — самый первый коллектив в пионерской организации.** Если ты звеньевой и твое звено будет плохо работать, равнодушно относиться к пионерским делам, значит, менее дружными, активными будут отряд и дружина. А может быть, и вся пионерская организация.

Оксана ЛОЮК, 5 «А» класс, школа № 1, г. Няндом, Архангельская область: — Раньше я не знала, что **в звене тоже должны проходить сборы. И могут они быть самыми разными.** Например, собрались ребята, пошли в кино, а потом обсудили героев фильма, кто из них и почему может быть для нас примером,— и это тоже будет сбор.

Сергей СЫСОЕВ, 5 «А» класс, школа № 3, г. Закаменск, Бурятская АССР: — Мне кажется, что мое звено мало проявляет инициативы, хотя ребята в нем дружные. **Без инициативы не будет интересной работы в звене.** Недавно мы провели два дела по собственному желанию. В сентябре наш класс решил помочь подшефному совхозу. На поле мы устроили соревнования между звеньями и собрали пять мешков моркови.

Рядом с нашей школой есть садик, посаженный учениками. Раньше вокруг деревьев был забор, но его кто-то поломал. И мы с ребятами решили оградить садик старыми автомобильными покрышками, врыв их в землю. Нашему отряду помогали 3, 4, 5-й классы школы.

Раньше, до «Артека», я думал: два таких дела — это уже много, но, побеседовав с ребятами из дружины «Лазурная», понял, что делаем мы мало: **надо больше предлагать идей и дел и не ждать, пока за нас все сделают другие.**

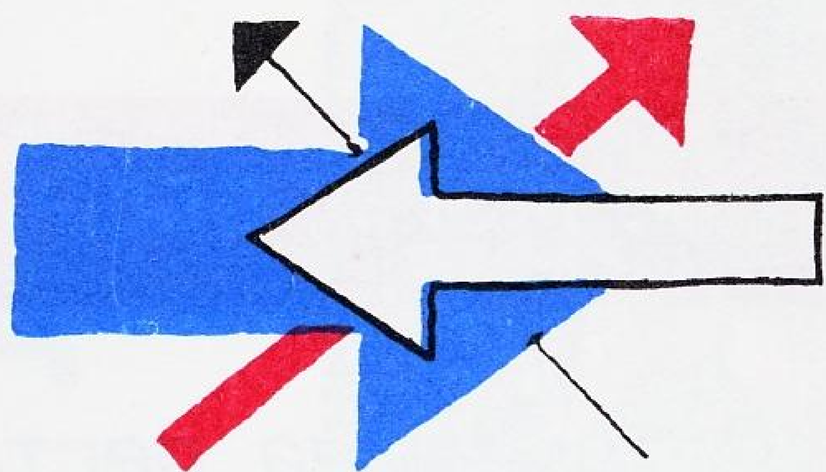
Эдита БАЛАШОВА, 8 «А» класс, школа № 41, г. Каунас, Литовская ССР: — **«Артек» — это копилка пионерского опыта.** Все, что мы здесь узнали, я привезу в свою дружину, и прежде всего в свое звено. Например, здесь проходили викторина «Знай Страну Советов», беседы о дружбе, современной музыке, пионерских проблемах, деловые игры — в них не просто играешь, а как бы тренируешься для какой-либо общественной роли. Мы все участвовали в деловой игре «Ты — организатор», учились быть организаторами в пионерских коллективах.

Юля ОГЛЫ, 6 «А» класс, школа № 73, станция Горохон, Бурятская АССР: — Эдита права. Все, чему научили нас в «Артеке», необходимо каждому пионеру. Мы же сюда приехали не для собственного развлечения, а чтобы передать полученные здесь знания нашим товарищам. Многие ребята из дружины «Лазурная», и я тоже, ведут дневники, в которых записывают все, что узнали на занятиях в школе пионерского актива, артековские песни, адреса новых друзей.

И я другим ребятам хочу посоветовать: **ведите дневники.** И не только когда приезжаете в «Артек», «Орленок», «Океан». Ведите их везде, где идет разговор о пионерских проблемах,— на совете дружины, сборе отряда, звена.

А о звене я хочу сказать вот что: **оно должно быть дружным. Без дружбы никаких дел не получится.**

ОТ РЕДАКЦИИ: Наш корреспондент попросила артековцев показать эти деловые дневники. Выдержки из них мы сегодня публикуем.



Обязанности звеньевого

I. Распределить поручения среди ребят, учитывая их желания.
  а) Юнкор.
  б) Член санпоста.
  в) Член поста бережливых.
  г) Член редколлегии.
  д) Организатор дел по спорту.
  е) Организатор дел по труду.
  ж) Организатор дел по искусству.
  з) Организатор шефской работы.

Формы деятельности звена

I. Турнир смекалистых.
  В турнире можно использовать:
  — викторины,
  — ребусы,
  — инсценировки,
  — игры юных географов, математиков, историков...
  — конкурсы художников,
  — выставки коллекционеров.
  Цель — углубить свои знания.

II. Конкурс звеньевых «Знай свою пионерскую организацию».
  Конкурс проходит в 3 тура — в звене, отряде, дружине.
  Содержание:
  — знание истории Всесоюзной пионерской организации,
  — знание символов и ритуалов Всесоюзной пионерской организации,
  — умение проявить организаторские способности: провести конкурс, разучить песню со своим звеном...
  Цель — воспитать в пионерах чувство гордости за свою организацию.

III. Соревнования:
  — трудовых бригад (звеньев),
  — спортивных команд (звеньев).

Список литературы, необходимой звеньевому в его работе:

Сборник «Товарищ»; «Книга вожатого»; «Вожатый отряда и звена» — в книге «Отрядному вожатому», «Что звено может?» — № 8, 1983 г., журнал «Вожатый»; «Программа обучения актива» — №№ 9, 10, 1986 г., журнал «Вожатый».

Итак, подводим итоги сегодняшнего разговора на «Спор-площадке». Пионерское звено должно:

— быть первым коллективом в пионерской организации;

— все, что волнует пионеров, обсуждать на сборах звена;

— проявлять постоянную инициативу;

— быть дружным.

Юнкоры! А ВЫ КАК СЧИТАЕТЕ — КАКИМ ДОЛЖНО БЫТЬ ПИОНЕРСКОЕ ЗВЕНО? Пишите! На конверте поставьте девиз «Звено».

ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

Летом — на реставрацию!

Прошлым летом мы с мамой были на экскурсии в подмосковной усадьбе Гребнево. Там меня поразили две вещи. Первая — что прекрасный архитектурный ансамбль находится в полуразрушенном состоянии. Второе — что ребята-пионеры расчищали дорожки рядом с усадьбой и восстанавливали прежний облик старинного парка. Так, значит, мы, школьники, можем участвовать в восстановлении памятников архитектуры?

И по заданию **юнкоровского поста «РВС»** я обратился с этим вопросом к **заместителю председателя Президиума Московского общества охраны памятников Сергею Владимировичу КОРОЛЕВУ.** Вот что он ответил:

«Несколько лет назад общество охраны памятников через газету «Московский комсомолец» обратилось к москвичам с просьбой помочь реставраторам. На объявление откликнулось множество людей, и половина из них — школьники.

Год от года добровольных помощников становится все больше. На реставрационные работы ребята приезжают из всех районов Москвы и даже из Подмосковья. Они берутся за любую работу: расчищают стены, подвалы, убирают территории от мусора.

Эта, казалось бы, немудреная помощь очень кстати. Реставраторы не успевают закончить все работы к установленному сроку. Одна из причин — нехватка рабочих рук.

Мальчишки и девчонки работают на всех объектах реставрации, куда мы их приглашаем. Это и музей-квартира Ф. М. Достоевского, и дом, где жил Ф. И. Шаляпин, и старое здание Московского Художественного театра имени М. Горького, и музей-заповедник «Коломенское»... В 1986 году на работах по восстановлению 56 исторических памятников нашего города приняло участие около 14 тысяч добровольных помощников. Тем, кто особенно отличился, мы присваиваем звание активиста шефской работы и вручаем памятные значки. Отработавшим пять субботников — значок I степени, двадцать пять субботников — значок II степени и пятьдесят субботников — значок III степени...

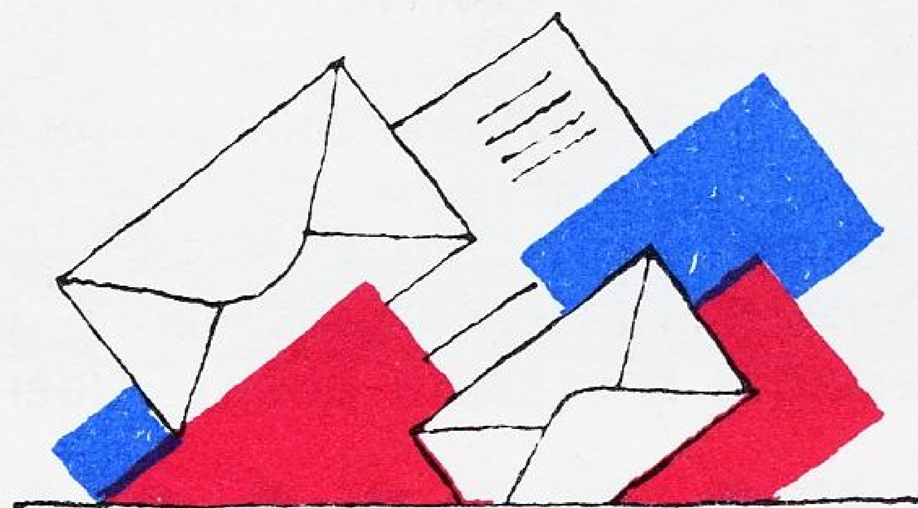
Помогают нам школьники, начиная с 4-го и 5-го класса.

Возрождая памятники, ребята узнают их историю, судьбу людей, связанных с этими реликвиями, своими руками прикасаются к прошлому».

После разговора с Сергеем Владимировичем у меня возникла вот какая идея — ПОЧЕМУ БЫ ВСЕМ РЕБЯТАМ — ПИОНЕРАМ, КОМСОМОЛЬЦАМ — В ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ НЕ ПРИЙТИ НА ПОМОЩЬ РЕСТАВРАТОРАМ?

Михаил КОСТИН, г. Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ: Отличная идея! Юнкоровский пост «РВС» объявляет трудовое задание на лето. Ребята! ОБРАТИТЕСЬ В ОБЛАСТНЫЕ, РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ, СПРОСИТЕ, ГДЕ НУЖНА ВАША БЕЗВОЗМЕЗДНАЯ ПОМОЩЬ. А 1 СЕНТЯБРЯ ЖДЕМ СООБЩЕНИЙ О ВЫПОЛНЕНИИ НАШЕГО ЗАДАНИЯ.



ОТРЯДНАЯ КОПИЛКА

Ребята! Многие из вас не знают, В КАКИЕ ИГРЫ МОЖНО ИГРАТЬ В ОТРЯДЕ.

Поймай замыкающего

Одна из игр артековских ребят.

Ребята становятся в цепочки по три — пять человек, в затылок друг другу, лицом в центр. В центре круга — водящий. Его задача — осалить последнего в любой цепочке. А первый всячески мешает этому, преграждая путь разведенными руками. Вся цепочка помогает первому и двигается по площадке так, чтобы последний находился как можно дальше от водящего. Если водящему все же удается осалить последнего, то они меняются местами.

При большом количестве цепочек выберите двух водящих — игра станет живее. В этом случае водящих нужно предупредить, что на одну цепочку вдвоем нападать нельзя.

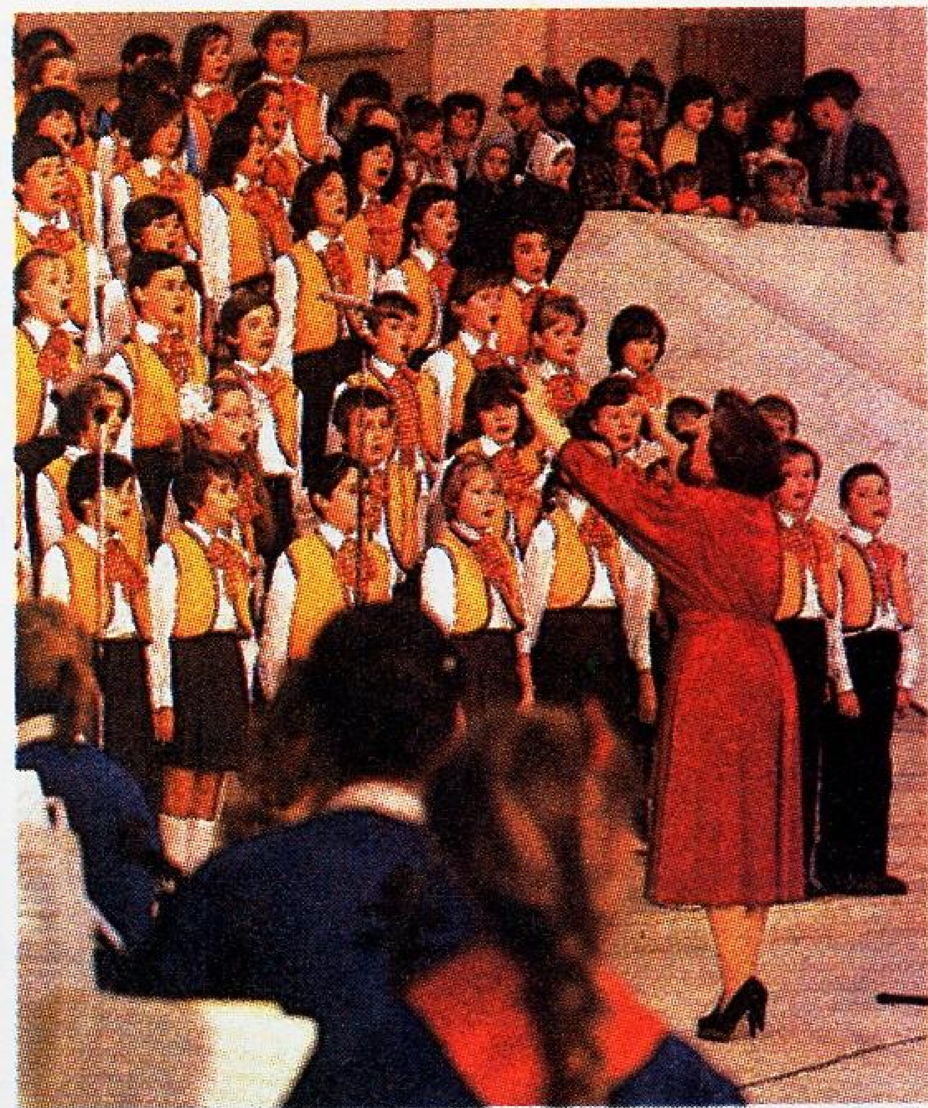
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

В отряде я — ответственная за культсектор. Те ребята, кто не знает, как организовать культмассовую работу, пусть пишут мне по адресу: 493740, Восточно-Казахстанская область, Зыряновский район, с. Лесная Пристань, ул. Больничная, д. 16, Валентине Черношвец.

* * *

Вот уже четвертый год мы в младших отрядах — вожатые. Можем поделиться своим опытом. Пишите: г. Куйбышев, ул. Никитинская, д. 75, кв. 57, Наташе Фистиной (для девочек 7-го класса).

НА БЕРЕГУ КОМСОМОЛЬСКОГО ОЗЕРА



Несколько лет назад белорусским пионерам был предложен конкурс: нарисовать, написать, каким они хотят видеть Минский городской Дворец пионеров.

Проекты были смелыми, порой на грани фантастики. Но архитекторы, познакомившись с ними, не удивились. Более того, их захватили ребячьи идеи, и в главном проекте взрослые постарались их учесть.

Дворец строился долго. И стоил немало — 4,5 миллиона рублей. Но дороже всяких денег была та радость, которую он принес детворе. Началась эта радость с открытия Дворца.

...Звонкий голос отдал команду:

— Парад! Равняйсь! Смирно! На торжественное открытие Минского Дворца пионеров и школьников — шагом марш!

Сводные пионерские отряды — представители всех районов города — двинулись по площади перед Дворцом.

Парад принимали почетные гости — комсомольские работники, ветераны пионерского движения, бойцы батальона белорусских орлят. Были сердечные напутствия взрослых, был импровизированный концерт.

И вдруг на площади показался пони в сопровождении сказочного Буратино и его друзей.

Пони вез повозку, в которой лежал разноцветный ключ.

— Ой, да это же торт!..— раздался удивленный голос.

Действительно, это был торт в виде ключа.

— А где же настоящий ключ от нового Дворца?

Высоко в небе раздался рокот. И над притихшей площадью показался вертолет. Он облетел Дворец, снизился, замер. Раскрылся люк, и из него стал медленно опускаться настоящий огромный ключ.

А потом Дворец гостеприимно распахнул двери. И все, кто был на параде, увидели, какой он внутри необыкновенный. Похожий на замок и на корабль одновременно. Белый корабль на берегу синего озера...

Каждый день теперь спешат пионеры в белоснежное здание на берегу Комсомольского озера и знают, что они хозяева этого чудесного Дворца.

М. ГЕЛЛЕР

Владислав КРАПИВИН

Оранжевый портрет с крапинками

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 4.

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Во дворе Фаддейка повел Юлю в угловой сарайчик. Там стоял верстак с тисками, лежали обрезки досок.

— Смотри,— прошептал Фаддейка и плотно прикрыл дверь.

Над верстаком, на стене, обитой довольно чистой фанерой, выступило яркое пятно. На нем ясно обозначились качающиеся ветки рябины с оранжево-красными гроздьями, край крыльца, забор, желтые облака над забором. Точнее — под забором, потому что все было перевернуто... Вниз головой сошла с крыльца маленькая тетя Кира в ярко-синей кофточке. Она, кажется, созывала кур.

— Как интересно!— восхитилась Юля. Но не удивилась. Такой фокус ей был известен еще с уроков физики: маленькое отверстие может служить объективом, как увеличительное стекло, и давать четкое изображение. Темный сарайчик превратился как бы во внутренность громадной кинокамеры, а объективом была дырка от сучка — она светилась в двери.

— И правда кино,— сказала Юля.

— Сейчас еще не очень интересно. А позже, когда закат, тут знаешь какие сказки получаются! Можно что хочешь увидать, особенно когда облака горят... Все такое красное и золотистое, и будто... Ну, как на другой планете.

— Фаддейка, но ты же не любишь выдумки,— осторожно поддразнила Юля.

Он настороженно огрызнулся:

— Кто тебе сказал?

— Нина Федосьевна. Как ты разругал «Аэлиту»!

— «Аэлита» — другое дело. Потому что все там не так. А тут, наоборот, так.

Юля почуяла его ощетиненность и примирительно сказала:

— Хорошее кино. Только жаль, что вниз головой.

— Ничего не жаль, даже интереснее!.. А если надо, я могу и так!— Фаддейка вскочил на чурбак, подпрыгнул и повис на турнике — это была тонкая труба, вделанная между стенкой и столбом, подпирающим крышу.

Фаддейка покачался, роняя незашнурованные кеды, крутнулся, закинул ноги на трубу и повис вниз головой. Столб качнулся. Толчок передался всему сарайчику, дверь с тонким пением отошла, и в открывшемся свете перевернутый Фаддейка возник во всей красе. Красно-апельсиновые клочья волос разметались, как борода Барбароссы. Широкие губы расползлись улыбкой-полумесяцем. Майка съехала до подмышек. На уровне Юлиных глаз горели на тощем Фаддейкином животе свежие царапины — следы недавней возни с поленьями, и темнел аккуратный, как электрическая кнопка, пуп.

Юля засмеялась, хлопнула Фаддейку по пузу и сказала, что он свихнет шею.

— Не-а! Я могу так хоть сколько висеть. Хоть две серии настоящего кино...

Он закачался, устраиваясь поудобнее,— как летучая мышь, которая отдыхает вниз головой. Из карманов посыпались пятаки, карандашики, мелкие гайки и стеклышки. Следом за ними на дощатом полу звякнула плоская медяшка. Фаддейка разогнул колени, мягко упал на руки и быстро накрыл ее ладонью.

Но Юля уже спросила:

— Ой, что это?

Фаддейка подумал немного, не подымаясь

с корточек. Потом встал и протянул непонятную штучку Юле.

Это была бляшка из красноватой меди или бронзы. С неровно обрубленными краями, с коротким обрывком цепочки. Размером с очень крупную монету. Красиво и точно был отчеканен на металле вздыбившийся жеребец — каждый волосок можно разглядеть. Крошечный выпуклый глаз жеребца горел живой красной искрой. Над конем разбрасывало колючие лучи маленькое солнце. По краю этой медали (или талисмана, или еще чего-то) шли непонятные значки. А может, буквы, только совсем незнакомые.

Обратная сторона медяшки была гладкая.

Юля поддержала странную медаль на ладони — тяжелую и удивительно холодную, словно с зимней улицы принесли.

— Что это, Фаддейка?

Он сказал не очень охотно, однако без промедления:

— Это тарга.

— Что?

— Ну... такое старинное украшение одного племени.

— А откуда оно?

— Ну... тут ведь много всяких старых редкостей находят. Потому что исторические места.

Юля покачала таргу на цепочке.

— Интересная вещь... Только не похожа на старинную.

— Почему?— спросил Фаддейка почти испуганно.

— Смотри, она совсем не потемневшая. Даже обычная, не старинная медь быстро темнеет, а эта будто только что из-под штампа...

Фаддейка взял таргу, тоже подержал на цепочке и сказал непонятно:

— Это особая бронза. Когда воздух очень редкий и холодный, она в нем будто заколдованная делается... И потом уже никогда не темнеет.

...В редком холодном воздухе медный сплав не темнел. Ветер и время изглодали, изрыли камни сигнальных арок и башен, которые там и тут поднимались над красными дюнами в лиловом небе, а колокола блестели на них, как новые. Маленькое, почти не греющее солнце отражалось в полированных боках колоколов колючими звездами.

Эти слепящие вспышки сердили коня. Он мотал головой, фыркал, рывками выдирал из песка увязающие копыта и выгибал длинную шею, оглядываясь на всадника. Но закутанный в плащ всадник был неподвижен. Он знал, что конь помнит дорогу и сам отыщет ее в песках.

Второй конь, без седока, был спокоен и шел позади, не натягивая повода. Это был длинногривый смирный конек из породы низкорослых песчаных лошадок.

Скоро подковы стукнули по разломанным полузасыпанным плитам — лошади ступили на остатки древнего тракта, когда-то тянувшегося по границе пустыни и Леса. Лес давно отступил к Северу, кругом лежали только вылизанные ветром плоские красные холмы. Ветер, постоянный и бесконечный, прижимал к холмам черные стебли стрелоцвета и нес тонкую песчаную пыль. Этот невидимый песок еле слышно звенел вокруг колоколов, начищая и без того сверкающие бока...

Безлюдье оказалось обманчивым. Из-за ближнего холма метнулись к дороге три всадника. Встали на пути. Тот, что был впереди, поднял над кожаным шлемом руку в боевой перчатке. Громко сказал:

— Кто ты? Остановись и ответь!

Но одинокий всадник не задержал коня. Он подъехал к начальнику патруля вплотную и лишь тогда поднял медный козырек глухого шлема.

— Простите меня, Фа-Тамир,— вполголоса проговорил начальник.— Я не узнал. Как я мог думать, что вы здесь...

— Это ты, Дах? Здравствуй, старый дружище... Сколько же мы не виделись?

Дах наклонил украшенный командирской цепочкой шлем.

— Одному владыке времени ведомо, сколько... По-моему, с похода через Черные Льды... С тех пор вы стали знамениты...

— Ты по-прежнему начальник сторожевой сотни, Дах?

— По-прежнему, Фа-Тамир.

— Зря ты не поехал тогда со мной в королевский стан.

— Я не жалею, Фа-Тамир. У каждого свой путь по Кругу времени. И моя судьба легче вашей...

— Наверно, ты прав, Дах. Но разве мы искали легкой судьбы!

— Не искали, Фа-Тамир. Судьба решает сама.

— Ты думаешь?— Фа-Тамир внимательно глянул в лицо давнего товарища по боям и походам. Это было лицо старого бойца — коричневое, с похожими на шрамы морщинами и черными точками въевшихся песчинок. Ветер шевелил седую бороду. Широкие глаза с пожелтевшей, не боящейся песка роговицей смотрели устало и спокойно.

«Мы все такие,— подумал Фа-Тамир.— Мы все устали...»

— Как служба? Спокойно ли вокруг?

— Пустынный край, Фа-Тамир. За сорок дней вы первый на этой дороге... Можно ли спросить, куда ваш путь?

— Наклонись.

Дах нагнулся в седле и снял шлем. Фа-Тамир сказал ему тихо несколько фраз.

— Вот как...— Дах удивленно шевельнул рыжими бровями.— Но разве не могли послать гонцом простого воина?

— Рядового гонца к сету? Что ты, Дах! Король не нарушит обычая... Да и откуда простому воину знать этот путь?

— Вы правы... Король мудр, и мудрость его велика так же, как загадки Круга времени...— Дах не договорил, и в наступившем молчании Фа-Тамир уловил вопрос. Он оглянулся. Двое всадников почтительно держались поодаль.

— Говори, Дах, что думаешь. Мы давно знаем друг друга.

— Простите, Фа-Тамир, не мне судить о решениях повелителя иттов... Но почему он дал титул сета безродному найденышу? Ведь сеты равны воинам с королевской кровью.

— В нас одна кровь, Дах... А мальчик оказался храбр, ему сразу покорился самый огненный конь... К тому же мальчик знал то, чего не знали итты. Он сказал, что ветер — вечный враг наш — может стать помощником. Научил натянуть над колесницами похожие на крылья шкуры и ткани, и колесницы сами побежали по пескам...

— Разве у иттов нет лошадей?

— Лошадям нужен корм, а его все меньше среди песков, ты знаешь это сам. Ветер же неутомим и не требует ничего... А еще мальчик рассказал, как разжигать огонь с помощью льда.

— Не может быть!.. О, простите, Фа-Тамир.

— Он научил нас вырубать из ледяных глыб ровные круги с выпуклыми, как щиты тауринов, поверхностями. Эти поверхности женщины заглаживали мягкой кожей и теплыми ладонями до блеска. И поверь мне, Дах, я видел это сам — такой прозрачный круг собирает лучи солнца в жгучую точку, и она зажигает сухую траву...

— Это немыслимо, Фа-Тамир...

— Но это так. Теперь наши мастера научились делать такие круги из ясных горных кристаллов и отливать из расплавленного песка. У этих нетающих льдинок есть еще одно непостижимое свойство. Когда смотришь сквозь них на мелкий предмет, он видится во много раз крупнее. Благодаря этому чуду наши собиратели знаний открыли множество тайн, которые раньше были скрыты от человеческого взгляда.

— Откуда такая мудрость в ребенке?

— Здесь много непонятного, Дах... Когда мальчик ушел, король долго печалился. А теперь...— Фа-Тамир снова склонился к начальнику патруля. Услышав тихие слова, Дах долго молчал.

— Печальная весть,— наконец сказал он.

— Да. И потому я спешу. Спокойной стражи, Дах.

— Прощайте, маршал. Счастливого пути по Кругу...

...Фаддейка опустил таргу в карман. Он пятерней причесал вихры, заправил майку, натянул кеды. На Юлю не смотрел. Было заметно, что ему больше не хочется говорить о тарге. А Юле хотелось расспросить подробнее. Но она взглянула на часики и спохватилась: уже начало седьмого, а почта закрывается в семь.

Письма для нее на почте (конечно же!) не было. Просто свинство какое-то! По всем срокам ему полагалось прийти. Юрка должен был вернуться из плавания в середине июля и обещал написать немедленно. Ну, ладно, знаем мы эти «немедленно»! Три дня на раскачку. Пускай еще задержка какая-то. Но все равно пора...

Вернулась Юля в унынии, за ужином была хмурая. Фаддейка куда-то умчался, и Юля была даже рада: не хотелось разговаривать.

Но когда она пришла к себе, легла не раздеваясь и начала грустно размышлять, что же с Юркой и с письмом, а Фаддейка возник в окошке, она обрадовалась. Потому что письмо, наверно, завтра придет, и сидеть одной весь вечер в тоске и печали — это уже чересчур.

Фаддейка высунул из-за подоконника голову и вопросительно кукарекнул.

Юля улыбнулась ему.

Фаддейка обрадованно взгромоздился в оконный проем и вдруг встал на подоконнике на голову, а прямыми, как трости, ногами в «языкастых» кедах лихо уперся в верхний карниз. Майка опять съехала на грудь.

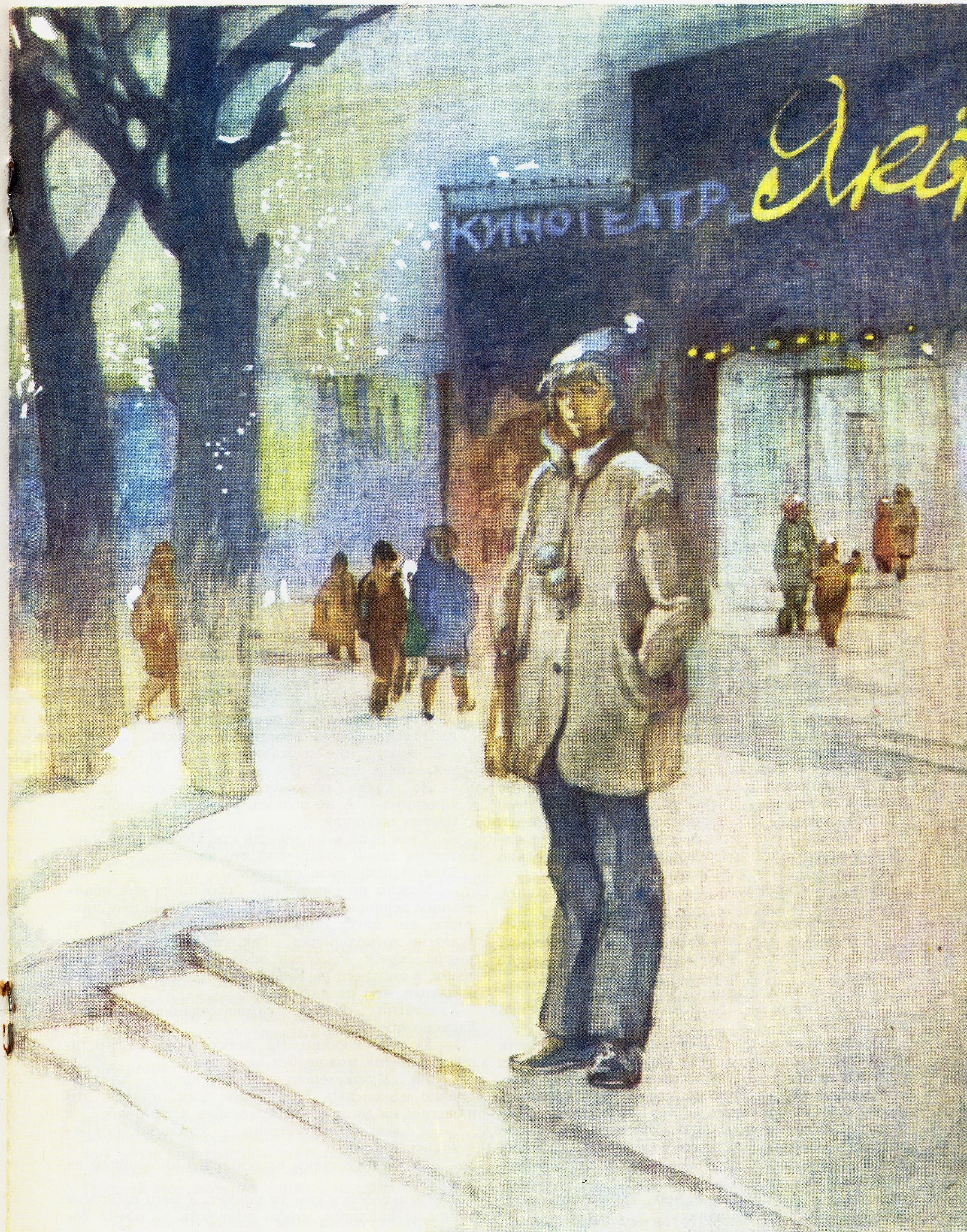
— Откуда вы, сударь?— спросила Юля.

— «Сударь» опять смотрел кино вниз головой,— сообщил он, пребывая в перевернутом состоянии.

— Падай сюда,— пригласила Юля.

И Фаддейка со стуком рухнувшей поленницы свалился на пол.

Юрка появился у кинотеатра «Якорь», где шли «Мушкетеры», за две минуты до начала фильма. И не один, а с двухлетней закутанной девочкой, которая цеплялась за его штанину.


КИНОТЕАТР

Юрка

Деловито поплевав на ладонь, Фаддейка потер ушибленный локоть, уселся на подоконнике, свесил ноги, покачал ими. Проницательно глянул на Юлю.

— Почему ты кисло-вареная?

Юля не стала хитрить и отпираться.

— Письмо жду, а его нет.

— От кого письмо-то?

— Все тебе надо знать... От одного знакомого.

— От того моряка, да?

— Фаддей...— вздохнула Юля.— У тебя ногти не стрижены и пальцы в цыпках. Не лезь ими в мою страдающую душу.

— Он твой жених, что ли?

Юля скорбно сказала:

— Нахал. Иди, я тебе ухи надеру.

— Пожалуйста...— Фаддейка хихикнул.— Если твоей страдающей душе будет легче от этого...

Он подошел, сел на край топчана, подставил тонкое розовое ухо с чешуйками облезающей кожи.

Юля засмеялась:

— Сперва пыль с них отряхни... Ох, и дурень ты, Фаддейка.

— Я же еще и дурень!

— А кто? Я?

— А, может, я?.. У всех девушек бывают женихи, и все почему-то делают из этого секрет. Смех да и только.

Юля вдруг сказала с перепадом в голосе и настроении:

— Ох, Фаддейка, я секрета не делаю, просто это для меня самой секрет. Мы про такое с ним никогда не говорили.

Но она сказала неправду. Про такое говорили. Юрка говорил. Еще в девятом классе, весной. Он пришел к ней после футбольной свалки, которую сам деловито организовал с пятиклассниками на покрытом грязью и талым снегом пустыре. Штаны его были мятые и перемазанные, а старый школьный пиджак лопнул под мышкой.

— Зашей,— сказал Юрка.

Юля зашивала и пилила его за то, что такая верзила, а все как маленький. Он и в самом деле вел себя иногда как первоклассник: прорезалась в нем этакая октябрятская дурашливость. Но чаще было наоборот — рассуждал Юрка обстоятельно и умудренно. Тоже сверх меры.

Сейчас из коридора, где Юрка чистил штаны, донеслось:

— Не скрипи, не жена еще.

— Че-го?— изумилась Юля.— Что значит «еще»?

— То и значит. Вот выйдешь замуж, тогда и ворчи.

— Это за кого я выйду? За тебя, что ли?

— А за кого же?— отозвался он совершенно хладнокровно.

Юля так и не поняла: настоящая это серьезность или скрытое издевательство. Он умел, Юрочка, под наивной невозмутимостью спрятать жало.

В любом случае Юркины слова были достойны всяческого негодования, и это негодование Юля бурно излила на нечесаную голову самозваного жениха и даже бросила в него через дверь тапочкой. Юрка снисходительно увернулся и проговорил, отряхивая брюки:

— Дак я не понимаю: чего ты бесишься-то? Я думал, это дело решенное.

— Что решенное, идиот?!

— Что мы в конце концов распишемся.— Он нагнул голову под второй свистнувшей тапочкой и пожал плечами:— Ты же сама никогда не спорила, если говорили «жених и невеста».

— Кто нам говорил такое?! Когда?!

— В седьмом классе еще...

— Не было такого ни разу!

— Было. За что я, по-твоему, Андрюхе Пылину шею мылил?

— Ты? Мылил? О, господи...

— Ну, значит, ты не помнишь,— миролюбиво разъяснил Юрка.— Было такое один раз... А может, ты и не знала.

— Дурень. Это же еще детство было. Мы тогда только познакомились.

...«Познакомились» — это неточное слово. Учились вместе они с четвертого класса. Но были друг для друга — что есть, что нет. Чем он мог быть интересен девчонке, этот неразговорчивый тощий мальчишка — нестриженый, в потертых на коленях штанах, с исцарапанными и перемазанными краской запястьями, которые торчали из слишком коротких рукавов?

Впрочем, и Юля большой популярностью в классе не пользовалась. Тем более что в замшевых курточках в школу не ходила, в музыкальных записях не разбиралась, хотя отец и подарил ей на день рождения японскую «коробочку» знаменитой фирмы «Сони». Прозвище «Спица» в глаза Юле никто не говорил (за это можно было и плюху схлопотать), но за спиной кличка порой шелестела и не отлипала от Юли все годы.

Однажды в октябре, в седьмом классе это было, Юля дежурила в кабинете литературы. Она вытирала пыль на книжных полках и услышала разговор, который вела с тремя девчонками первая красавица класса Настенька Прокушина. Речь шла о ее, Настином, дне рождения, обсуждался список гостей.

— Надо и Спицу позвать,— предложила Настенькина адъютантша Светка Терещенко. Юлю девчонки не видели, ее закрывал стеллаж.

Анастасия Прокушина томно сказала:

— Девочки, мне не жалко, но она танцует, как отравленный страус. Что она будет у нас делать?

— На кухне поможет,— предложил кто-то и хихикнул.— А не позвать все-таки неудобно.

Светка добавила:

— У нее папа сама знаешь кто. Небось раскошелится на такой подарочек, что ахнешь...

Юля вышла из-за стеллажа.

— Можно просчитаться,— сообщила она обалдевшим девчонкам.— У папы служебные неприятности, его могут понизить в должности, тут уж будет не до подарочка... Так что я лучше в кино завтра схожу. Расходов всего полтинник на две серии, а смотреть на Клаудию Кардинале все-таки приятнее, чем на вас.

Анастасия обрела самообладание быстро. Ласково пропела:

— Юлечке хорошо. На любое кино «детям до шестнадцати» можно без паспорта.

— На «Мушкетеров» всех пускают,— хладнокровно отозвалась Юля.— Не всем, правда, это понятно: ни машин, ни красавцев в джинсах...

— И с кем это ты пойдешь? — ехидно поинтересовалась Светка.

— Да уж не с твоим Коленькой Каплуновым из восьмого «В».

— Он с тобой и сам не пойдет. У него каблуков таких не найдется, чтобы тебе хоть до плеча достать...

— Вот именно,— отрезала Юля и неожиданно сказала: — Шумов, пошли завтра на «Мушкетеров».

Юрка вытирал доску. Он был настолько «из других сфер», что девчонки при нем обсуждали свои дела не стесняясь.

Интересно, что Юрка не удивился. Согласился неторопливо и спокойно:

— Завтра? Ну давай...

— Два сапога — пара,— хмыкнула Светка.

— Две оглобли — упряжка,— со вздохом уточнила Анастасия. А юркая и ехидная Танька Бортник довела характеристику до точки:

— Два столба — виселица.

— Пять куриц — суп с потрохами,— сообщила в ответ Юля и секунду размышляла, не пустить ли в Таньку тряпкой, но решила быть выше мелочей и гордо ушла из класса.

О разговоре с Юркой Юля забыла, тем более что завтра ей полагалось идти на занятия в турсекцию Дворца пионеров. И она удивилась, когда Юрка подошел на следующей перемене и деловито спросил:

— Дак насчет кино-то как?

Ей сказать бы сразу: ерунда, мол, это я пошутила. А она с чего-то растерялась и брякнула:

— Договорились же. Давай на четыре часа.

— Давай. Только ты билеты возьми сама, заранее. А то я смогу лишь к самому началу прийти, не раньше.

Тогда Юля рассердилась. То есть не очень даже рассердилась, а удивилась такому нахальству. И оскорбленно сказала:

— Балда! Его девочка в кино приглашает, а он: купи билеты!

С Юрки ее оскорбленность — как с гуся вода. Он объяснил вразумительно:

— Девочка должна понимать, что у меня завтра дел дома вот столько,— он чиркнул ладонью по тощему длинному горлу. И Юля, вместо того чтобы оскорбиться снова, вдруг согласилась:

— Ладно уж, раз ты такой занятой...

...Если бы она знала! Он появился у кино «Якорь», где шли старые «Мушкетеры», за две минуты до начала. И не один, а с двухлетней закутанной девчонкой, которая цеплялась за его штанину и смотрела снизу вверх преданными глазами-пуговками.

— Это что? — изумленно выдохнула Юля.

— Не что, а кто,— уточнил Юрка.— Маргарита.

— Зачем?

— А с кем я ее оставлю? Ясли на карантине, Ксенька вторую неделю в больнице с воспалением, мать мотается между больницей и работой...

Дребезжал уже второй звонок.

— Идем,— ледяным тоном произнесла Юля.

Маргариту пустили, конечно, без билета. Места были недалеко от края, Юрка сказал:

— Давай я ближе к проходу сяду. Две серии без перерыва, она все равно запросится...

Юля мысленно застонала и уставилась на экран, где еще ничего не было.

Маргаритка оказалась покладистой девчонкой, не возилась и не хныкала, добросовестно таращилась на машущих шпагами мушкетеров и гвардейцев. Но в начале второй серии она в самом деле беспокойно забормотала Юрке в ухо. Что-то шепотом объясняя соседям-зрителям, Юрка выбрался из ряда, а через пять минут так же вернулся. Грузной тете, которая сердито шипела и не хотела подобрать ноги, Юрка внушительно сказал:

— У самой, видать, маленьких не было. Ребенок разве виноват?

Тетя задышала, как перегретая кастрюля-скороварка. Она была жутко противная, и Юркино поведение Юле понравилось. И слова его показались справедливыми. В самом деле, ребенок разве виноват? Досада на Юрку еще сидела в Юле, но к досаде примешалась непонятная виноватость. Юля оторвалась от кино и покосилась вбок. Освещенное экраном Юркино лицо — худое, с торчащими скулами — казалось бледным и даже чуточку красивым. Почти как у Атоса. А смирная Маргарита ласково посапывала, прижавшись щекой к Юркиной куртке.

И Юля прошептала:

— Давай, я ее подержу. У тебя, наверно, уже колени онемели.

И Юрка согласился:

— Подержи.— А обеспокоенной Маргарите сказал: — Не бойся, это Юля. А я тут, рядышком...

После кино, несмотря на Юлины возражения, Юрка с Маргаритой на плечах проводил Юлю до подъезда. Юля завела их к себе (тем более что Маргарита опять шептала Юрке на ухо), напоила чаем и сама проводила их до дома. Тогда Юрка оставил Маргариту с вернувшейся матерью и опять довел Юлю до ее подъезда...

Через месяц они как-то просто, ни у кого не вызвав удивления, стали для всех в классе «Ю в квадрате». Чаще всего это говорилось по-хорошему, без ехидства. Не все ведь были такие, как Анастасия Прокушина или глупый Андрюха Пылин...

...Но при чем тут женитьба?

Отношения с самого начала их были... ну, такие, которые старшеклассники с усмешкой называют «пионерскими». Так по крайней мере казалось Юле.

— Пень ты, Юрка, и чучело,— сказала Юля и швырнула ему зашитую куртку.— За будущими невестами ухаживают, их на руках носят и вообще...

— Тебя поносишь,— хмыкнул он.— А что «вообще»?

— Я же сказала.. ухаживают...

— А я разве не ухаживал?

— Ты-то? Вот балда! Ухаживальщик! Мы даже...

— Что?

Ее будто за язык дернули:

— Даже не целовались ни разу.

Она тут же перепугалась, а он сохранил спокойствие:

— За этим все дело стало? Вообще-то, по-моему, это предрассудок, но если тебе очень хочется...

— Больно надо... Юрка, ты чего? Уйди, балбес! Я кому говорю! Юрка, я стукну!.. Ну, ты с ума сошел?! Ма-ма-а!!

— Мамы же нет дома,— хладнокровно напомнил Юрка.

— Уйди, говорю! Ай!! Вон папа приехал!

За окном правда прошуршала отцовская «Волга».

— Пап всегда приносит не вовремя,— заметил Юрка дурашливо, вытирая губы.

— Пошел вон, дубина! Видеть тебя не хочу!

— Ты же хотела мне еще штаны погладить,— напомнил он.

— Нахал!.. Поглажу, и убирайся...

В восьмом классе все думали, что Юрка после экзаменов пойдет в ПТУ. Но он весной заявил, что останется в девятом. Это, конечно, всполошило и классную, и завуча — не подарок, мол. Но Юрка деловито сдал экзамены без троек и забирать из школы документы отказался. Попробовали вручить их почти насильно — тогда Юрка сказал, что

не имеют права, и пообещал сходить к собкору «Комсомолки».

Услышав о собкоре, от Юрки отступились. Но классная, которая считала откровенность своим большим достоинством, Юрке сказала при всех:

— Ты что, после школы в университет собрался? Из тебя студент, как из снежной бабы кочегар.

Юрка поблагодарил за остроумное сравнение и ответил, что куда он собрался, это его собственное, сугубо личное и никого других вот ни настолечко не касающееся дело.

Классная тогда выдала, уже не сдерживаясь:

— О матери бы подумал! В училище же стипендия, потом зарплата, стал бы помогать.

— Ничего, мы пока не голодаем,— хладнокровно сказал Юрка.

...Конечно, они не голодали. Но сказать, что у Юрки дома все благополучно, тоже было нельзя. Еще в седьмом классе, перед Новым годом, он зашел за Юлей, чтобы пойти в парк на лыжах, и вдруг вынул из оттопыренного кармана пачку трешек и пятерок.

— Спрячь куда-нибудь пока, а то потеряю.

Юля вытаращила глаза:

— У тебя откуда столько?

— У папаши получку забрал.— Юрка сказал это, как всегда, спокойно, только острые скулы его слегка затвердели. На секунду. Потом Юрка объяснил:— Он пришел и сразу — брык отсыпаться. Я и вынул. У него если деньги не забрать, может закеросинить с друзьями. А так проспится — и все в норме... Ты не думай, он не так уж часто этим балуется, только с получки. Его приятели подбивают. Понимаешь, он хороший мужик, но бесхарактерный.

Юля слушала, мигая от удивления и неловкости. До сих пор она с такими жизненными драмами не сталкивалась. Немыслимо было, чтобы ее папа вернулся домой пьяным.

Отец командовал большим строительным управлением, пропадал на своих «объектах», «мотал нервы» на работе и совершенно «не умел жить». Жить умела мама. Благодаря маме у них был «дом, как у приличных людей». Именно она вовремя давала умные советы отцу: с кем знакомиться, где что говорить, что когда покупать и какие куда брать путевки. Отец отмахивался, но потом как-то незаметно соглашался. Это было проще, чем тратить время на споры. Несмотря на все различия с Юркиным отцом, папа тоже был «хороший, но бесхарактерный». На нем, по словам мамы, «ездили, как хотели».

Но однажды Юля услышала, как отец взорвался. Во время телефонного разговора. Он кричал сбивчиво, хрипло, безудержно швыряя слова. Словно все вокруг рубил шашкой:

— ...Но, черт возьми, почему я в мирное время должен постоянно «бороться»?! Не выполнять план, а «бороться» за него! Бороться с ЖБИ из-за их бракованных плит, которые пускать в дело не имею права, а вы заставляете! Бороться с Петряковым, который забрал у меня два крана, а требует сдачи корпуса к декабрю! Бороться с этим жуликом Сочневым, которого вы навязали мне в замы, а он крадет плитку для дач!.. Вы прекрасно знаете, чьих!.. И с вашим собственным идиотизмом бороться надоело, потому что план планом, но в домах-то этих люди жить должны!..

Он швырнул трубку, прошел мимо бледной мамы и очень спокойно сел смотреть телевизор.

— Все,— в тихой панике сказала мама.— Это конец. Завтра он пойдет в дворники.

Но отец не пошел в дворники ни завтра, ни в следующие дни, хотя все знали, что говорил он так с человеком, чье имя в городе произносили с почтительным придыханием. Ничего плохого не случилось, даже «зама» Сочнева куда-то перевели...

Но через месяц отца увезли на «скорой» со вторым инфарктом. И не спасли...

Это случилось в сентябре, когда Юля и Юрка начинали учиться в десятом.

Все переменилось. Постарела и сникла мама. Пустой и чужой какой-то сделалась квартира с холодными, как льдинки, люстрами и громоздким югославским гарнитуром. Пропали куда-то знакомые...

Одно только изменилось к лучшему, если можно говорить так после всего, что случилось: мама, которая раньше Юрку едва терпела, сейчас встречала его доброй и немного виноватой улыбкой.

Юрка в те дни все время был рядом — молчаливый, мягкоделовитый и ненавязчиво-ласковый...

Той осенью Юля навсегда перестала писать стихи. Здесь не было прямой связи со смертью отца. Просто она стала гораздо взрослее и серьезнее, однажды перечитала все свои сонеты и баллады о дальних островах и влюбленных флибустьерах и поняла, какая это чушь. На свете и так полным-полно скверных стихов, зачем же еще увеличивать и без того несметное их количество? Зачем маяться над глупо-напыщенными своими строчками, когда другие написали столько замечательных стихотворений и поэм?

И романов!

И рассказов!

И вообще всяких удивительных книжек!

Книги Юля полюбила в те дни еще больше. И теперь в споре с самой собой все сильнее склонялась к решению, что быть ей не географом, не бродягой-геологом, а тихим и усидчивым работником библиотеки (а потом, может, и ученым-библиографом). Потому что в походах любила она не открытия, не находки всякие, не выкапывания минералов, а просто пути-дороги. И красоту этих дорог, лесов, озер и скал. Костры на привалах. Чуткие переборы ночных гитар среди дремлющих палаток. Утреннее солнце над росами и хитроватую желтую луну, что сквозь черные ветки поглядывает на притихших у огонька ребят... Но ведь такое любование и бродяжничанье не сделаешь своей работой. А книги — это была целая жизнь. Надолго, навсегда. До самой старости. Потому что когда ты с книгами — ты сразу с тысячами разных людей. А Юле были интересны все человеческие жизни, во все времена, хотя со стороны она казалась сдержанной и даже замкнутой. Не только с посторонними, а даже и с друзьями. В туристской секции Юлю Молчанову звали «Молчулия», ловко соединив имя, фамилию и характер. А иногда и «Гран-Молчулия»— имея в виду ее рост и отличие от «Пти-Молчулии»— тоже очень выдержанной, но маленькой Юльки Карпенко...

Впрочем, сдержанность Юлина не была сумрачной. Иногда «Гран-Молчулия» на привалах дурачилась не хуже мальчишек-пятиклассников. И песни у костра пела вместе со всеми...

Библиотечную работу Юля не считала ни однообразной, ни «малопрестижной». На чужие суждения

Царапая о камни колени,
Фаддейка начал спускаться.
Держать его Юле было не трудно:
весу в Фаддейке, как в котенке.

о «книжных червях» и «библиотечных крысах» плевать она хотела. А что зарплата будет так себе, то и здесь причин для тревоги она не видела. Проживет! Во-первых, при ее внешности лишние наряды все равно ни к чему. Во-вторых... Несмотря на внешность, не будет же она до конца дней жить только с мамой...

А как она будет жить? Где?

Скорее всего в каком-нибудь приморском городе. Лучше всего на Дальнем Востоке. Светлая библиотека с застекленным фасадом будет стоять на склоне сопки — оттуда, с высоты, открывается вид на синюю бухту с белыми теплоходами, деловитыми буксирами и портовыми кранами... Конечно, среди множества судов Юля будет легко узнавать его корабль, когда он станет возвращаться из дальних рейсов... А пока он в рейсе, она будет ждать, грустить по вечерам, а днем выдавать неугомонным ребятишкам из соседних школ самые лучшие книги, проводить читательские конференции и... по выходным и во время отпуска опять же отправляться в походы по тамошним заповедным местам...

Помечтав так минут пять, Юля беспощадно обхихикивала себя за бестолково-детскую наивность, по-взрослому напоминала себе, что жизнь скорее всего окажется совершенно не такая: никаких библиотек над морем нет, мальчишки будут терять и рвать книги и курить потихоньку в библиотечном коридоре, времени на туристские развлечения не останется, а он...

Он между тем, как и хотел, поступил в Калининградское высшее морское училище рыболовного флота. И приезжал на каникулы, сверкая шевронами и якорями (от блеска которых растопыривали глаза и распускали губы все знакомые и незнакомые девицы). Приезжал он нечасто и ненадолго: осенью и зимой отпуска короткие, летом — практика. Переписывались они аккуратно, однако письма получались суховатые и все както о делах, а вовсе не о каких-то там чувствах. У нее — про училище и про то, где теперь бывшие одноклассники. У него — про занятия штурманскими науками и плавания. Но если в Юлиных письмах была скрытая неловкость и скомканность, то в Юркиных — спокойствие и краткая деловитость.

Ни о каких семейных планах Юрка не писал и не говорил. Даже в шутку. То ли считал прежние разговоры дурашливой болтовней (и думал, что Юля так же считает), то ли, наоборот, полагал, что все решено и нечего зря тратить слова. А может быть (Юля догадывалась об этом, все-таки она его характерто изучила), он отчаянно стеснялся писать о главном. Несмотря на всю свою решительность, в каких-то вопросах он был до безобразия деликатен. Целоваться тогда полез, дубина такая, потому, что вроде бы игра была, а потом, когда принес букет на день рождения, краснел, как эти самые розы...

В общем, поди разберись! Да и в чем разбираться? Откуда она взяла, что у Юрки есть к ней что-то, кроме обычного приятельского отношения? Если есть, мог бы сказать в конце концов, а то чурка какая-то... И Юля прошлой осенью назло ему (а также потому, что любопытно и приятно) поддалась ухаживаниям длинного изящного «политехника» Бори Шуйского, знакомого по туристскому клубу «Азимут». Значит, не такая уж она уродина, если Боря что-то в ней нашел!

Они ходили в кино, на выставку местной живописи и в кафе-дискотеку. И завистливые бывшие одноклассницы шепотом удивлялись им вслед.

А Юрка, прилетев на Октябрьский праздник, два дня спокойно и снисходительно смотрел на это безобразие. На третий день он встретил Юлю и Бориса в скверике у городского театра, и в руке у него был прямой железный стержень.

Юля обомлела от страха — и за Бориса и, главное, за Юрку: попадет, балда, в милицию, и прощай, училище. Но все кончилось очень деликатно. Юрка улыбнулся, взял под козырек, потом под носом у слегка побелевшего Бори крепкими пальцами завязал на восьмимиллиметровой проволоке изящный узел, который на флоте называется «беседочный», а у туристов и альпинистов — «булинь». Затем он подарил стержень с железным узлом Боре на память, а Юлю взял под локоть и сказал:

— Извините, у нас дела.

Обмякшая от переживаний Юля покорилась молча и только через сотню шагов жалобно сказала:

— Ох и нахал...

— Я понимаю,— сочувственно отозвался Юрка.— Нахал и хлыщ. Конечно, ты стеснялась ему это сказать, вот я и решил помочь.

— Ты нахал! — уже решительнее уточнила Юля.

Юрка остался невозмутимым:

— Да? А я думал, что нахальство, когда человек приезжает на несколько дней, а у него под носом такой спектакль.

— Тебе не кажется, что это мое личное дело?

— Кажется. Вот я и не вмешивался в него целых два дня.

— А зачем вмешался?

— Ну...— Он еле заметно усмехнулся.— Я же понимал, что тебе это будет приятно.

— Нахал,— сказала Юля третий раз, потому что ей на самом деле было приятно (хотя и жаль чуточку Борю Шуйского).

Юрка снисходительно разъяснил:

— Я же понимаю: бывает скучно одной, поразвлекаться хочется. Я ничего, не против. Только знай меру...

Это было уж совсем чересчур! И Юля собралась выпалить Юрке все свои мысли о его бессовестной наглости. Но одумалась и только ехидно спросила:

— А ты там тоже «развлекаешься»?

— Там — некогда,— вздохнул он.

— Ах, только поэтому...

Он не обратил внимания на издевательскую нотку. Серьезно спросил:

— Как ты думаешь, куда распределение просить? Можно остаться в «Запрыбхолоде» на Балтике, можно на Тихий океан.

— А я почем знаю?

— На Востоке лучше. Но больше хлопот, конечно. Стариков придется перевозить и девчонок... А твоя мама согласится?

— А... моя-то мама при чем?

— А ты что, одну ее тут оставишь?

— Нет, ты в самом деле чудовищный и безграничный нахал. Ты меня-то спросил?

Он посмотрел на нее, пожал плечами:

— Все-таки женская психика — загадка... Ладно, получу диплом, тогда уточним.

... Летом он приехать не смог: курсанты сразу после сессии уходили в дальнее плавание — аж до самой Канады. Готовилась международная гонка больших учебных парусников. Так она и называлась — операция «Парус». Юрка вызвал Юлю к телефону, слышимость была неважная, минут на разговор отводилось немного, и весь разговор

этот свелся к тому, что Юля уедет в Верхоталье на практику, а он ей обязательно туда напишет. Потому что она ему писать не сможет: куда пошлешь письмо? «Атлантика, до востребования»?

— Ну и вот...— вздохнула Юля.— Было это в мае, а уже август к концу пошел. А писем нет ни одного... Я-то думала, их здесь целая пачка лежит... Может, случилось что в плавании? Ураган какой-нибудь...

— Если бы что случилось с «Крузенштерном», про это бы в газетах написали,— утешил Фаддейка.— Это же такой знаменитый корабль. Просто почта барахлит. Бывает... Юль, а у тебя его карточка есть?

Юля кивнула. Дотянулась до сумки, достала конверт, а из него — снимок.

Фаддейка разглядывал его недолго, но внимательно. Одобрительно сказал:

— Ничего он у тебя. Красивый.

Юрка не был красивый: скулы торчащие, нос сапогом, светлая клочкастая прическа. Но это был Юрка, и Юля не возразила. Кроме того, Фаддейка имел в виду, наверно, красоту курсантской формы.

— А это сестры его? — спросил он.

— Да...— Юрка был снят с обеими девчонками.— Они в нем души не чают. До десятого класса так и таскались за ним, как хвостики.

— Старшую как зовут? — деловито поинтересовался Фаддейка.

— Ксения... Славная такая. Маргарита вредная стала, как подросла, а эта спокойная, умница. Твоя ровесница.

— Вижу,— коротко ответствовал Фаддейка. Повертел в пальцах конверт.— Говоришь, писем нет, а это что?

— Это же старое еще, весеннее. И даже не мне, а сестрам, посмотри внимательно! Я конверт у девчонок взяла, потому что индекс училища забыла...

— Юль, он напишет, ты про это не бойся,— сказал Фаддейка.— Ты на него посмотри: это человек надежный.

Старая монета

Утром Фаддейки дома не оказалось. Кира Сергеевна объяснила, что раным-рано за ним пришли двое мальчишек с соседней улицы. Там они строят не то плот, не то фрегат с громким названием «Беллинсгаузен», и Фаддейка у них главный советник.

— А правда, что Беллинсгаузен ваш предок? — поинтересовалась Юля.

Кира Сергеевна только рукой махнула. Она была не в духе. Юля знала, почему: у старшей дочери начались нелады с мужем, а сын написал, что после армии хочет остаться во Владивостоке; влюбился и думает жениться...

Когда Юля шла Песчаным переулком к берегу, ей показалось, что за деревьями мелькнула морковная майка. Но далеко было, не разглядела. А на углу Песчаного и Береговой она услышала скандальный крик:

— Ну чего ты! Чего надо! Пусти, балда лысая, все равно ничего у меня нет!.. Пусти лучше, я укушу!

У забора, за пыльными кустами желтой акации, опять мелькала знакомая майка, да и голос был Фаддейкин. Юля ринулась через кусты.

Длинный, стриженный наголо парень держал Фаддейку за штаны, обшаривал его карманы и равномерно отпускал ему аккуратные щелчки. Фаддейка извивался и подпрыгивал. Один кед его слетел и застрял среди веток.

Юля скачком преодолела три метра и ладонью длинно, с оттяжкой, вытянула хулигана по упругой шее. Тот икнул, завалился в кусты и завопил:

— Ты что, идиотка! Из психбольницы сбежала?

Юля шагнула к нему. Парень сделал кувырок назад, проломился сквозь ветки и скачками бросился вдоль берега. Оглядывался и орал:

— Психопатка! Оба вы! Фадька, я тебе припомню!

Юля мчалась за ним, и оба бежали очень быстро, но Фаддейка догнал ее и повис на локте.

— Да подожди ты! Ну, постой! Не надо, он же понарошку!

Юля остановилась, запальчиво дыша.

— Что понарошку?

Фаддейка хмыкнул:

— Успокойся...

И пошел обратно, к злополучной лужайке в кустах. Встрепанный, измятый, без одного башмака, майка скособочилась, гольфы сползли, один съехал с ноги наполовину и волочился по доскам тротуара.

Юля мигала и шла следом.

Фаддейка отыскал в ветках кед и покосился на Юлю. Стрельнул искоркой.

— Похоже получилось, да? Я его нарочно подговорил, а вообще-то он никогда не дерется. Это Санькин брат...

Юля еще шумно подышала, отряхнув платье и сухо спросила:

— Зачем такой спектакль?

Фаддейка вытряс из кеда сухие стручки, крепко дунул в него, старательно натянул кед на ногу, потоптался и глянул на Юлю с виноватинкой, но и опять же с искоркой.

— Я посмотреть хотел, что ты будешь делать.

Юля представила, как она выглядела в этой дурацкой погоне, и застонала про себя. А отвратительному Фаддею сказала:

— Хотел узнать, что я буду делать? Иди сюда...

Он засопел и подошел с послушным лицом. Юля крепко взяла его двумя пальцами за круглое холодное ухо. Фаддейка покорно зажмурился, но из-под ресниц левого глаза опять скользнула искорка.

— Ладно...— выдохнул Фаддейка.

— Что «ладно»?

— Дергай...

— Авантюрист рыжий,— сказала Юля. Отпустила ухо, заправила на Фаддейке майку, отряхнула от мусора и листьев пятнистые шорты и заодно хлопнула.— Нет, ты меня в гроб загонишь...

Он хихикнул, но тут же серьезно объяснил:

— Я хотел проверить, очень ли ты надежная...

Юля опять потянулась к облупленному уху. Фаддейка отскочил.

— Зачем тебе моя надежность? — сердитым голосом спросила Юля.

— На одно дело пойдем. Понимаешь, там риск.

— А ты меня спросил, пойду ли я «на дело»?

— Пойдешь, конечно.

— Фигушки! Опять на ночное кладбище или еще куда-нибудь. Или в плавание на вашем «Беллинсгаузене». Вместо мачты меня поставите... Нет уж, у меня морских предков не было.

— Это сухопутное дело,— успокоил Фаддейка.— Вечером узнаешь.

В конце рабочего дня он явился в библиотеку с мотком бельевого шнура на плече.

— Здрасте, Нина Федосьевна. Юля уже кончила работу?

— Забирай свою прекрасную даму,— улыбнулась Нина Федосьевна.— Юля, а говорят, что рыцари на свете повывелись.

— Это не рыцарь, а пират. Знаете, что он утром учудил? — Она увидела укоризненный Фаддейкин взгляд.— Ладно уж, молчу...

На улице Фаддейка зашагал впереди. Не к лестнице, а в другую сторону.

— Могу я хотя бы узнать, куда меня ведут? — хмуро спросила Юля.

Не оглядываясь, Фаддейка объяснил:

— Тут недалеко стена и остатки башни. От крепости остались... Недавно земля сползла, а в камнях щель открылась. То ли ход какой, то ли подземелье там. Надо же узнать! Щель узенькая, но я пролезу... Привяжусь веревкой, а ты меня вытащишь, если что случится...

— Еще чего! Никуда я не пойду! И тебя не пущу одного!

— Вместе мы все равно не сможем, ты не пролезешь.

— Не выдумывай! — с непритворным страхом сказала Юля.— А если там обвалится?

Фаддейка оглянулся и поддернул шорты — они сползали под тяжестью длинного фонарика, который торчал из кармана.

— Я мог бы ребят позвать, да не хочу раньше срока всем разбалтывать. Вдруг там открытие какое-нибудь...

Юля решительно заявила:

— Я сейчас утащу тебя к Кире Сергеевне и попрошу снова запереть в чулане, пока дурь из твоей головы не вылетит.

На ходу Фаддейка небрежно разъяснил:

— Я посижу и скажу, что она вылетела. А как выйду, сразу сюда, один-одинешенек. И если будет несчастное происшествие, тебя совесть замучает.

— Ну что ты за бессовестное создание! — жалобно проговорила Юля...

Фундамент развалившейся башни уходил в толщу речного обрыва. Обвалившийся земляной пласт открыл его нижнюю часть. Среди гранитных валунов, переложенных кирпичами, в самом деле чернела щель — около метра в длину, а шириной как раз для тощего пацаненка. Увидеть ее можно было, если заглянешь с обрыва вниз. А чтобы попасть в нее, надо или спуститься метра на три от основания башни на веревке, или снизу, от воды, забраться метров на пятнадцать по отвесу.

Фаддейка деловито и неумело начал обвязывать себя под мышками.

— Дай-ка,— обреченно сказала Юля и сделала ему альпинистскую страховку.— Ох, в недоброе дело ты меня втягиваешь...

— Да не бойся! Если там узко, я далеко не полезу.

Юля с нехорошим чувством и со вздохами забралась на обломки башни. Земляная площадка среди камней поросла пыльной травой.

— Хотя бы дал сходить переодеться...— уныло проговорила Юля и легла в эту траву в своем сером платье.

— Ага. И дома ты еще проговорилась бы тете Кире,— проницательно заметил Фаддейка.— Держи веревку, я пошел...

Держать было нетрудно: весу в Фаддейке, как в котенке. Царапая о камни живот и колени, цепляясь за трещины в камнях, Фаддейка начал спускаться по кладке фундамента. Сразу же сорвался и повис на шнуре. Над пятнадцатиметровой пустотой. Не пикнул.

«Ох, что я, дура, делаю»,— подумала Юля. Но спустила Фаддейку до щели. Потому что была уверена: иначе он полезет один, без страховки.

Фаддейка воткнулся в щель плечом, поелозил, влез в нее наполовину. Потом выбрался опять, глянул снизу на Юлю и пообещал:

— Я далеко не пойду!

— Если что — дерни три раза, я потащу! А если я сама три раза дерну — значит, вылезай!

— Ага! Я пошел!

И он исчез. Двадцатиметровый капроновый шнур быстро заскользил у Юли в ладонях: видимо, проход был свободный, и Фаддейка лез по нему без остановки. В полминуты ушло на глубину больше половины веревки.

Потом она перестала скользить.

— Эй, Фаддейка! Как ты там?! — крикнула Юля со страхом и без особой надежды, что он услышит. Кажется, из земных недр донеслось что-то вроде «уор-мр-м»... «Нормально»? Или послышалось?

Юля сосчитала до десяти, натянула шнур и решительно дернула три раза. В ответ она ощутила слабые рывки. Но сколько? Три? Или просто беспорядочная возня? Она перепуганно дернула снова!.. И веревка заскользила назад без сопротивления.

Еще не понимая, что случилось, Юля с нарастающей паникой тянула, тянула ее, и вот из щели выскочил и закачался отвязавшийся конец. Юля уставилась на него, как на кобру.

Батюшки, что случилось? Веревка отвязалась, и Юля оставила Фаддейку без спасательного конца? Нет, страховка сама собой не развяжется. Значит, он нарочно освободился от нее? Зачем? И где он сейчас? Лезет в неизведанную глубину? Или придавлен осевшим камнем? Или задыхается под обвалом?

— Фаддейка-а! — отчаянно заголосила Юля.

И в ответ услышала удивительную тишину. Спокойную летнюю тишину, равнодушную такую... Только в бойницах развалившейся стены чирикали и копошились воробьи. Да на том берегу мычала корова.

И пусто кругом. Никогошеньки...

А если кто и будет? Чем поможет, как раскопает эту каменную толщу? Как пролезет в щель?

— Фаддейка!! Где ты?!

Ох как тихо! До звона. Это так звенит ужас. До сих пор не знала она такого страха и отчаяния...

Зачем отпустила? Где он там? Живой еще? Или... Ой, мамочка! А что она скажет Кире Сергеевне? Позвать кого-нибудь? Саперов, пожарников, горных спасателей? Где их взять?

Хоть бы он выбрался обратно! Ничего ей больше не надо! Ни письма от Юрки, ни диплома в училище, никакой счастливой жизни! Лишь бы Фаддейка оказался невредимый! Почему его нет? Сколько времени прошло? Пять минут? Час?

— Фаддейка! Ой, мама...

— Ну, чего ты так вопишь? — сказал он откуда-то сверху.

Юля дернулась и села в траве. Фаддейка стоял среди тонких березок на осыпавшемся гребне стены и смотрел оттуда, будто так и было задумано.

— Пошли! — сказал Фаддейка и зашагал впереди Юли.

— Миленький мой! Ой, счастье какое!.. У, дурак проклятущий! Изверг!.. Хорошо-то как... Скотина бессовестная! Чтобы я еще куда-нибудь с ним...

Юля быстро шла через сорняки прибрежного сада. Фаддейка шагах в трех позади еле поспевал за ней. И говорил:

— Ну чего ты... Ну, не хватило веревки, я и отвязал. А то ты сразу бы назад потянула. А там совсем свободно... Ну чего ты... Там сперва прямо, а потом вверх и вверх, а потом смотрю — светло... Ну, Юль...

Из-под глыбы гранита выбивался и бежал по бетонному желобку очень чистый ручеек. Юля перешагнула. Фаддейка проскочил вперед, остановился на пути и сказал решительно:

— Умойся хотя бы. Большая такая, а вся зареванная.

— Из-за тебя из-за дурака...

— Ну, из-за меня. Что теперь, так и будешь неумытая ходить?

— Дурак...

— Ну пусть дурак. Все равно умойся.

— Не хочу с тобой разговаривать...

Юля вернулась к ручейку, присела, плеснула в лицо несколько пригоршен. Вода пахла вялыми тополиными листьями. Юля вздохнула и стала умываться как следует. Сквозь мокрые пальцы взглянула на Фаддейку. Он стоял в трех шагах и хлестал мотком веревки по кривой садовой скамейке. И смотрел куда-то в сторону. И был весь такой сердито-обиженный, шея тонкая, майка в пыли и глине, а в рыжих космах — земляные крошки и, кажется, сухие пауки. Щеки и руки-ноги тоже перемазанные землей.

Юля платком вытерла лицо и сказала мимо Фаддейки:

— Еще и дуется...

Он обрадованно стрельнул в нее глазами.

— Сама дуешься.

— Знаешь, что мне хочется с тобой сделать?

— Ага! — с готовностью отозвался он. — Опять за ухо!

— Нужны мне твои уши... Выстирать бы тебя, выжать и высушить на веревке. Чтобы и мозги заодно прополоскались и проветрились... Иди сюда.

Фаддейка подошел с дурашливо-покаянным лицом. Юля отряхнула его вихры и майку. Мокрым платком стала вытирать нос и конопатые щеки. Фаддейка фыркал и жмурился, но не спорил. Потом пробубнил в платок:

— Сама не знаешь, чего перепугалась.

— Тебя бы на мое место! Я такого натерпелась...

— Когда ты успела? Я там три минуты был!

— Балда, это для тебя три минуты. А для меня три часа... Брысь!

Она повернула его, хлопнула платком по шее, заросшей желтым пухом. Фаддейка потер шею и насупленно сказал, не обернувшись:

— Даже не спросила, что там такое в этой дыре.

— Дыра — она и есть дыра. Насквозь. Чтоб такие шалопаи лазили.

— А вот и нет! — Он обернулся и прищурил правый глаз. — Там подземелье! Комнатка такая с кирпичным потолком. Там, наверно, раньше казна хранилась.

— Обормотов таких туда сажали... Пошли домой.

— Я хотел там все внимательно осмотреть, да подумал, что ты волнуешься...

— И на том спасибо...

— Хватит уж рычать-то,— сказал Фаддейка серьезно. — Смотри, что я там нашел.

Он запустил руку в отвисший карман и протянул Юле на растопыренных пальцах темный кружок. Неровный, шириной во всю его ладошку. Пряча любопытство и все еще с недовольным видом, Юля взяла находку. Это была монета. Тяжелая и такая большущая! К ней крепко присохли чешуйки сухой земли и кирпичной пыли, зеленели пятнышки медной окиси, но Юля сразу разглядела вензель Екатерины Великой: букву Е, перечеркнутую римской цифрой II, корону и всякие завитки по краям.

— Ух ты... — прошептала Юля и перевернула монету. Потерла платком. На другой стороне какие-то два зверя — не то лисы, не то куницы — стояли на задних лапах и держали свиток с мелкой надписью:

Де
сять
копе
ек

А по кругу шли четкие большие буквы:

МОНЕТА СИБИРСКАЯ

Внизу были выбиты цифры: 1772.

— Вот это старина... — Юля с уважением покачала на ладони медную тяжесть. — И громадная. Ничего себе гривенничек, да, Фаддейка?

Он довольно хмыкнул.

— А что за звери здесь? — спросила Юля. Она радовалась и находке, и тому, что можно уже не сердиться.

Фаддейка снисходительно объяснил:

— Соболя. Потому что такие деньги специально для Сибири и для Урала делались... Это не такая уж редкость, здесь их часто находят...

— Все равно интересно...

— Ага... Я ее, знаешь, как нашел? Локтем зацепился, посветил, а она торчит между кирпичами. Если кирпичи разобрать, там, наверно, еще есть. Может, целый клад.

— Ты что, еще раз туда собираешься? — снова перепугалась Юля.

Он засмеялся:

— И не раз даже. Там от стены-то совсем свободный проход, только никто про него не знал... Да ты не бойся, это я потом, с ребятами... Ну, чего ты такая прямо вся осторожная? А еще первый разряд по туризму!

— Это же у меня разряд, а не у тебя...

Юля еще раз опасливо вздохнула и протянула Фаддейке монету. Он сказал:

— Возьми ее себе.

— Да что ты! Это же твоя находка... Такая интересная.

— Вот и возьми, раз интересная... Ну, чего ты? Если не возьмешь, я ее с берега кину. Честное пионерское! — Он решительно свел реденькие рыжие брови.

— Ну... тогда ладно,— смущенно сказала Юля. И усмехнулась: — «На память»... Как посмотрю на нее, так и вспомню про весь сегодняшний страх.

— Хватит уж об этом,— ворчливо отозвался Фаддейка. — Пошли домой.

— Сперва на почту зайдем.

— Не работает почта. Все в колхоз уехали морковку дергать.

— Откуда ты знаешь?

— Объявление висит. Я сегодня ходил туда, видел.

Юля про себя засомневалась: не сочиняет ли? Может, просто не хочет идти лишние три квартала? Или боится, что она опять не получит письма и расстроится.

— Что ты там делал, на почте-то?

— Письмо хотел отправить... Пошли! — Он зашагал впереди Юли, помахивая веревкой.

Юля недоверчиво сказала ему в спину:

— Кому это ты письма пишешь?

— Ну, кому... Маме. А что такого?

— Да нет, ничего,— смутилась Юля. — Просто я подумала, что на нашей улице тоже почтовый ящик есть.

— А я заказное решил послать, чтоб надежнее. А то она не пишет и не едет. Давно уже обещала приехать...

— Скучаешь? — осторожно спросила Юля.

Фаддейка сказал с усталой ноткой:

— А ты как думала...

Кира Сергеевна по-прежнему была не в духе. Увидев перемазанного Фаддейку, она обратила глаза к небесам и спросила, за что ей на старости лет такое наказание. Небеса остались безмолвны. Тогда тетя Кира заявила:

— Бери таз, снимай все и стирай. Хватит с меня. И есть не проси, пока не выстираешь.

Это было не очень-то логично: есть он никогда не просил, приходилось загонять за стол силой.

— Подумаешь... — хмыкнул Фаддейка.

Через несколько минут он в одних плавках танцевал во дворе у табурета с большущим тазом. Разлеталась пена и снежными хлопьями садилась на листья рябин. А мыльные пузыри уплывали под ветви разлапистой ели — будто ель заранее примеряла новогодние украшения из прозрачных шариков. От вечернего солнца в них играли рыжие искры, словно там сидели крошечные Фаддейки.

Юля подошла:

— Давай помогу.

Фаддейка презрительно дернул худыми лопатками:

— Чего помогать? Первый раз, что ли...

Кира Сергеевна, проходя рядом, заметила:

— Никакой другой одежды не признает, все ему рыжее надо. Вредина...

Юля села на перевернутый ящик и полушутя заступилась за Фаддейку:

— Нет, он добрый. Он мне сегодня подарок сделал. Вот... — Она показала Кире Сергеевне монету. И сразу испугалась: чуть-чуть не проговорилась о сегодняшнем приключении.

Кира Сергеевна, однако, расспрашивать не стала. Покосилась на монету и заметила:

— И впрямь... Целый год с этим сокровищем носился, а тут взял да и подарил.

Юля поглядела на замершую Фаддейкину спину, потом на Киру Сергеевну. Потом на монету. Затем снова на Фаддейку, который согнулся над тазом. По спине его шел большой муравей, но Фаддейка не шевелился.

Надо было, конечно, деликатно промолчать, но Юля не сдержала удивления и досады:

— А говорил, что... говорил, что сегодня нашел на берегу.

Фаддейка деловито выкрутил майку, развесил на веревке и ушел в дом. Ни на кого не взглянул.

— Вы его слушайте больше,— сказала Кира Сергеевна. — Сочинитель... Эту деньгу ему в прошлом году Василий подарил, когда был на каникулах. Соседский сын, студент. Фаддейка тогда за ним по пятам таскался... — И она ушла.

Юля молча погладила монету мизинцем. Было и неловко, и Фаддейку жаль, и... приятно тоже: отдал свое сокровище ей, не пожалел... Но сейчас он, кажется, крепко обиделся.

Фаддейка вышел в накинутой на плечи старой школьной курточке: видно, зябко ему стало. Опять подошел к тазу. Юля тихо сказала:

— Ты не сердись. Я же не знала, что ты нарочно...

— Что нарочно? — спросил он, бултыхая в тазу штаны.

— Ну, вся эта история. С подземельем... Только непонятно, зачем ты мне голову морочил.

— Обиделась...

— Нисколько. Наоборот... Так даже интереснее. Только зачем было такой страх устраивать?

— Я же не знал, что не хватит веревки!

Юля с сомнением спросила:

— Ты что? Хочешь сказать, что в самом деле первый раз туда полез?

Он обернулся:

— Конечно! Там до меня никто не был! Не веришь?

— Наверно, не очень верю,— честно призналась Юля.

Фаддейка пожал плечами. Выжал шорты, аккуратно развесил рядом с майкой и гольфами. Сверху ему на волосы аккуратно опустился маленький мыльный пузырь. Посидел и лопнул. Фаддейка вытер о курточку ладони и проговорил с усталой укоризной:

— Все-таки ты ужасно большая. Ну, то есть взрослая. Ничему не веришь.... И что я на почту ходил сегодня, не поверила.

— Про почту поверила,— смутилась Юля.

— Не сразу... Все изводишься из-за письма от своего Юрочки...

— Фаддей!

— Что Фаддей? Я же сказал, что будет письмо, только потерпи, а ты опять не веришь.

Юля печально сказала:

— Если бы знать, когда тебе верить...

— Всегда,— решительно ответил Фаддейка.

— Ага! И насчет монеты? — не удержалась Юля. «Ой, что меня за язык дергает? Ведь он же подарил, не пожалел, а я...»

Фаддейка неторопливо подошел к Юле. Еще раз вытер о курточку руки. Взял Юлины ладони, раскрыл их. На левой лежала монета, его подарок. Фаддейка запустил пальцы в нагрудный карман, вытащил другую монету, положил на правую ладонь. И молчал.

Монеты были очень похожи. Только вторая, Фаддейкина, гораздо чище. Фаддейка колупнул ногтем грязную.

— Сравни. Не видишь разве: эта только что из земли.

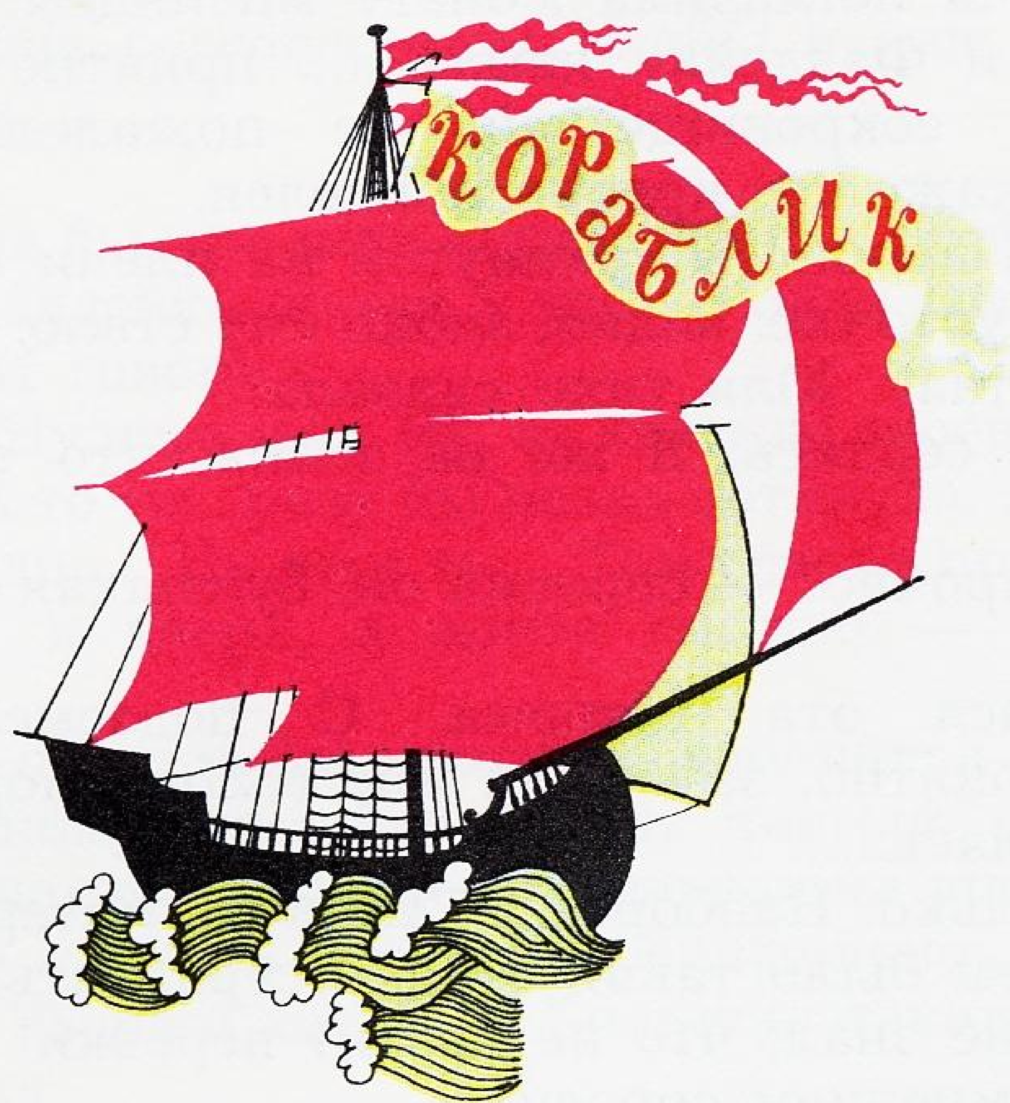
Юля посидела, глядя на могучие медные гривенники. Прижала их ладонями к щекам — тяжелые и холодные. Жалобно попросила:

— Фаддейка, ты меня прости.

Он засопел, отобрал у нее монету — свою, чистую — и приставил к правому глазу как монокль. А левый глаз прищурил, стрельнул искоркой и показал Юле язык. Потом вдруг спросил, подбросив монету:

— А похожа она на таргу, верно?

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.



В гостях у «Кораблика» — литературное объединение «Алые паруса». 35 лет работает оно в Челябинском Дворце пионеров и школьников. Руководит объединением писательница Лидия Александровна Преображенская.

Вика ГУРЬЯНОВА, 14 лет.

Елочки

Перед зданием центральным
Пионерского дворца
Восемь елок нас встречают
У высокого крыльца.
Словно восемь пионерок
В строгой форме круглый год
Там стоят, как на линейке.

Ветер ветки шелохнет —
Нам покажется: салют
Пионерки отдают.

Красное облако

Тихая, спокойная
Вечером река,
И плывут над речкою
Облака.
А вот это облако —
Словно конь,
От заката красное,
Как огонь.
Будто конь
С Чапаевым
Впереди промчал.

Память о герое
Все хранит Урал.

Вячеслав ЛЮТОВ, 15 лет.

Музыка дождя

Майский ветер дует.
Капельки дождя
Словно бы танцуют
Польку для меня.
Все вдали укрылось
Дымкой голубой.
В лужи превратились
До, Ре, Ми, Фа, Соль.
Как в концертном зале,
Дождик-виртуоз
Играет на рояле
Песенку берез.

Игорь НЕУЙМИН, 10 лет.

* * *

Белая береза
В саду у нас растет,
Ей скворец веселый
Песенки поет.

Весной она, нарядная,
Листвою шелестит,
Девчонкам и мальчишкам
Сказки говорит.

«ВЕСНА НА ПТИЧЬЕМ ДВОРЕ» — *работа Лены КУЗНЕЦОВОЙ, 12 лет.*

«БУРАТИНО»
нарисовала шестилетняя Лена КУРИЛЕНКО.

Ира ТРОФИМОВА, 8 лет.

Серый птенчик

Серый птенчик-воробей
Из гнезда и в пыль
Свалился.
Испугался и затих.
Взял в ладонь его
Антошка,
Посадил на кирпичи.
Вдруг увидел он,
Что кошка
Притаилась у двери.
Отогнал он кошку палкой,
А птенца забрал
С собой.
Воробьишку очень жалко:
Проиграл бы этот бой.

Лена БАВИЛЬСКАЯ, 10 лет.

Портниха

Режу ножницами я —
Я портниха, я швея.
Только мало, только мало
Матерьяла у меня.

Галя КУПРИКОВА, 12 лет.

Дракончик Рыры

СКАЗКА

Из одного кукольного театра сбежал дракончик. Звали его Рыры. Он очень любил конфеты и сахар. Поэтому, вылетев из дверей театра, он сразу же направился в кондитерскую.

До дома, от которого пахло так заманчиво вкусно, было недалеко, но Рыры успел испугать девочку со скакалкой, бабушку с внучкой, мальчика с собачкой, милиционера со свистком, водителя с машиной и старого уличного кота без ничего, потому что мышка убежала (она тоже испугалась дракончика). А Рыры как ни в чем не бывало залетел в кондитерскую. Там румяная продавщица тоже испугалась и спряталась за горы ящиков с конфетами.

— Тетенька, не бойтесь меня,— жалобно заскулил дракончик.— Я очень люблю шоколадные конфеты.

Услышав это, хозяйка сладостей осторожно протянула необычному покупателю плитку шоколада.

— «Зо-о-парк»,— прочел дракончик по слогам и радостно подпрыгнул,— а не навестить ли мне своих сородичей?

И Рыры, весело порыкивая, полетел в зоопарк. Там в клетках сидели обезьяны, волки, летали птицы. В огромном бассейне развалился бегемот, а рядом, чуть пошевеливая хвостами, лежали крокодилы.

Дракончик увидел их, и ему показалось, что это точно такие же, как и он, драконы, потому что у них спина была с рубчиками, и большой драконий рот, и лукавые глаза. Рыры обрадовался, и ему так захотелось туда, в воду! Он прыгнул в бассейн и...

— Помогите! Расклеиваюсь! — закричал он.

На крик прибежал сторож. Он выхватил дракончика из воды, встряхнул и спросил:

— Кто же ты?

— Я... я... дра-кон... Из бумаги и клея... Я... я... я... хочу домой...— захныкал дракончик.

— А где твой дом?

— Мой дом — театр кукол.

— Ну что с тобой делать? Так и быть, помогу.

И сторож отнес дракончика в театр.

— Мой дом самый лучший! — сказал дракончик Рыры, обсыхая в театральной мастерской.

ПЬЕСА ДЛЯ ДОМА НА МАЛОЙ ОРДЫНКЕ

Летом окна распахнуты настежь, так что теплый ветер может пробегать по комнатам, играть белыми занавесками. Занавески парусами вылетают из окон, на дощатом полу, на тесовых стенах колеблются солнечные блики. Дом представляет себя кораблем, а улицу, на которой стоит,— Волгой. Но это только на мгновение. Дом с грустью вспоминает, что ему никогда не стать кораблем и, что еще печальнее, ему никогда не стать Настоящим Домом. Стены настоящего дома сохраняют эхо голосов своих хозяев, полы помнят звуки их шагов. А ему всего несколько лет. Где уж тут помнить о мальчике, что родился больше ста шестидесяти лет назад. Да, может, и старый, прежний дом не запомнил мальчика — всего три года жил он здесь. И все-таки старый дом был подлинным. А он только копия.

Вдруг дом задумывается: так ли уж плохо, что он декорация? Настоящий дом обветшал и разрушился из-за долгого небрежения. Не восстановили бы его, а по правде, не построили бы заново, не было бы у Москвы дома, в котором сохраняют память об Александре Николаевиче Островском — великом драматурге, создателе русского национального театра.

Домом Островского часто называют Малый театр. Но, приходя в театр, люди встречаются только с героями драматурга. А в доме на Малой Ордынке, на улице Островского,— с самим Александром Николаевичем.

И эта встреча помогает лучше понять особенности его творчества...

Грусть дома совершенно исчезает. Для настоящей жизни он, может быть, не годится. Но для театра хорошая декорация просто необходима. Островский, в память о котором построен дом, был рыцарем театра, всю свою жизнь посвятил театру, и если уж не удалось сберечь его настоящий дом, то правильно сделали, построив дом-декорацию.

В этом доме каждая комната — как сцена из спектакля. И когда гости проходят комнаты одну за другой, перед ними разворачивается как будто представление о жизни драматурга Островского и его пьесах. В этом представлении участвуют фотографии, картины, афиши на стенах, старинная мебель, вещи Александра Николаевича и его друзей-актеров. У каждой вещи — своя роль...

Действие первое. Замоскворечье

Лица:
картина В. Астрахова «Купцы, играющие в шашки»,
самовар,
вышитая скатерть,
фикус в кадке на расписной подставке.

Сцена представляет собой пространство от берега Москвы-реки против Кремля до Серпуховской и Калужской застав. Пространство это называется Замоскворечьем.

Пятницкая, Ордынка, Полянка, Якиманка веером расходятся от Замоскворецкого торга к заставам. Одноэтажные и двухэтажные дома с мезонинами прячутся за высокими заборами, тонут в садах. Слышен многоголосый колокольный звон.

Живут в Замоскворечье купцы, мещане, ремесленники, средние чиновники. Жизнь однообразная: рано встают, идут в церковь, потом в город — в лавки, в конторы. Купцы и чиновники друг друга не терпят, а друг без друга жить не могут. Чиновникам с кого, кроме купцов, взятки брать? Купцам кто, кроме чиновников, закон обойти поможет? Придет чиновник к купцу. Его встречают с наружными знаками дружбы, а то и уважения, смотря по чину. Но стоит гостю, сделав свое дело, уйти, как купеческое семейство начинает смеяться над ним, бранить его, называть крапивным семенем, чернильной крысой, пиявкой... Но и сами купцы по большей части не лучше чиновников. Главная цель купца — барыш. Неправедно богатство нажил — ничего; с деньгами для всех хорош будешь, а грехи можно замолить. Если уж особенно велик грех — можно и церковь построить (потому и церквей в Замоскворечье множество). Нового купец не любит, своим умом не живет: жизнь в Замоскворечье идет по правилам и обычаям дедовским. Книг не читают, в театр не ходят. Жены и дочери купеческие разговоры ведут одни и те же, вроде того, который подслушал в детстве и запомнил один из жителей Малой Якиманки — будущий купец.

— Что бы такое значило, что Ольги Семеновны не было нынче у обедни?

— Кажется, ничего такого про нее не слышно. Уж не уехала ли на богомолье куда?

— Разве собиралась? Недавно была у меня Аграфена Харлампиевна. Она ничего не говорила. Не была ли она у Петра и Павла в приходе с Сорокоумовскими вместе?

— В такой-то праздник? Неужели от своего прихода ушла? Как будто не очень складно...

— Капитолина Андреевна, правда ли, будто Любенька Носова хорошую партию делает?

— Ах, орел-то высоко летает и все смотрит, а кто может сказать, какую овечку выберет?! Так-то и тут. Хотелось бы мне перейти на ту сторону улицы, да дождик идет, ноги промочишь...

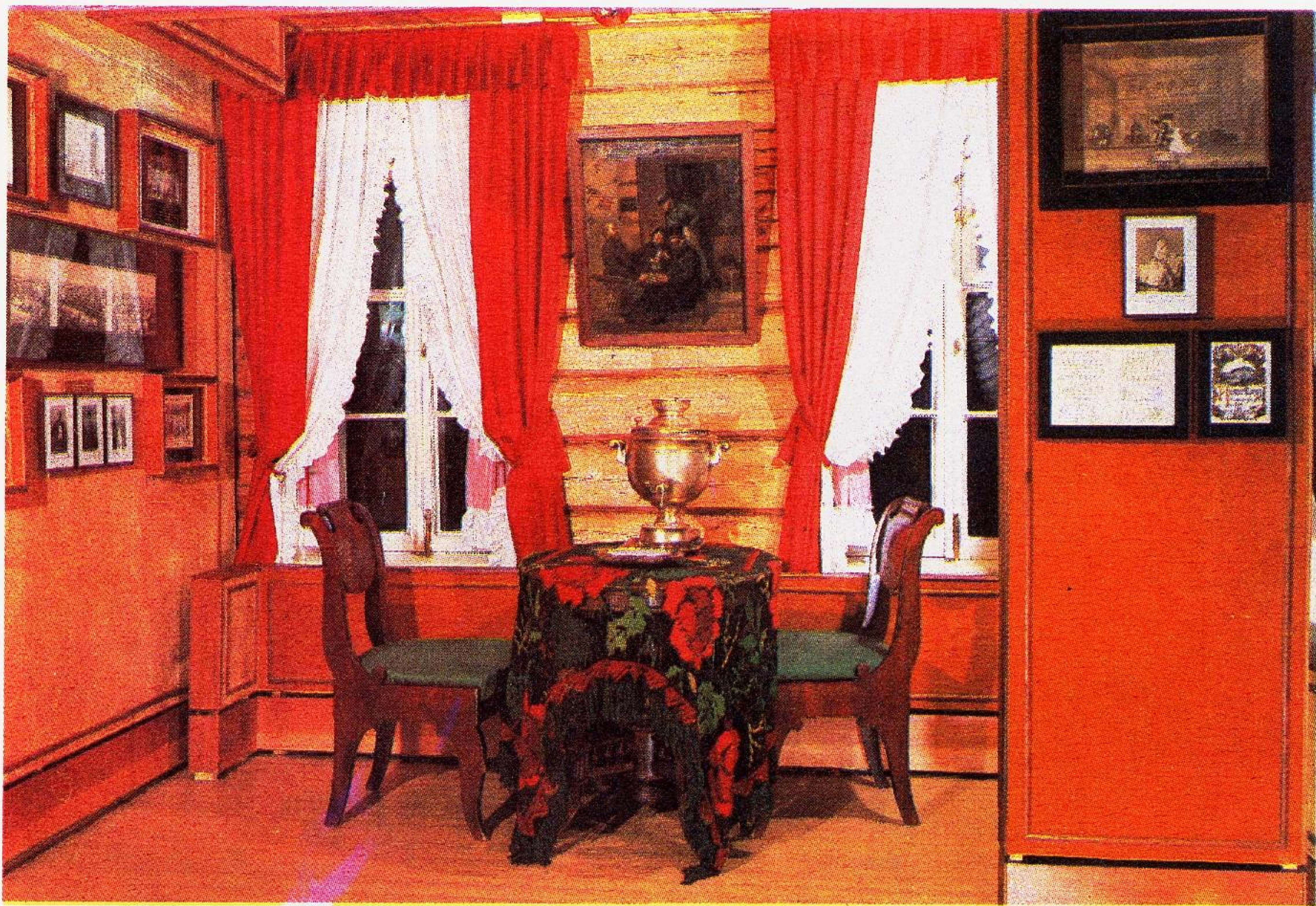
И все-таки Замоскворечье прелестно. И тишина зеленых улочек, и особенная, замоскворецкая архитектура, и устойчивость родственных связей, и хлебосольство. Человек с сердцем, с умом, с совестью, с талантом, если он вырос между Якиманкой и Пятницкой, может понимать все недостатки своей малой родины, но не может не любить ее. И, любя, стремиться сделать ее лучше.

Каждый это стремление осуществляет по-своему. Купец старается торговать честно. Чиновник старается не обходить закон, а судить по закону. А что делать внуку священника, сыну стряпчего, недоучившемуся студенту юридического факультета Московского университета, чиновнику сначала Московского совестного, а затем московского коммерческого суда Александру Островскому? Все, что видит он и слышит вокруг себя, остается в памяти, преобразуется в фантазии и соединяется в нечто невероятное для Замоскворечья — в пьесы о Замоскворечье...

«БОЛЬШОВ. А что, Сысой Псоич, с этим крючкотворством на своем веку много чернил извел?

РИЗПОЛОЖЕНСКИЙ. Хе, хе... Самсон Силыч, материал не дорогой. А я вот забежал понаведаться, как ваши делишки.

БОЛЬШОВ. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, крово-



В уголке купеческой гостиной так и хочется присесть, чтобы вдоволь попить чаю из пузатого самовара...

пийцы какие-то: только б вам пронюхать что-нибудь эдакое, как уж вы и вьетесь тут с вашими дьявольскими наущениями».

Пьесу «Свои люди — сочтемся» («Банкрот») в марте 1850 года печатает в журнале «Москвитянин» знаменитый историк М. П. Погодин.

После выхода мартовской книжки «Москвитянина» в городских трактирах, где этот журнал получают, образуется очередь читателей. В трактире Градобоева у Чугунного моста каждый день какой-то доброволец по нескольку раз прочитывает «Банкрота» вслух «за приличное угощение».

Пьесу читает вся Москва. Одни восхищаются, говорят о пьесе, как о чем-то чрезвычайном. Поражает язык — живой, яркий и сильный. Современники Островского вспоминают позже: «...купеческий быт, способы мышления и жизненные приемы этого сословия нарисованы были могучею, широкою кистью... как бы опытного художника, о существовании которого никто не знал; никто не видал его постепенного развития, разных мелких, робких, отроческих статей. Сразу явилось мужественное произведение, совершилось нечто вроде чуда!»

Действие второе. Театр

Лица:

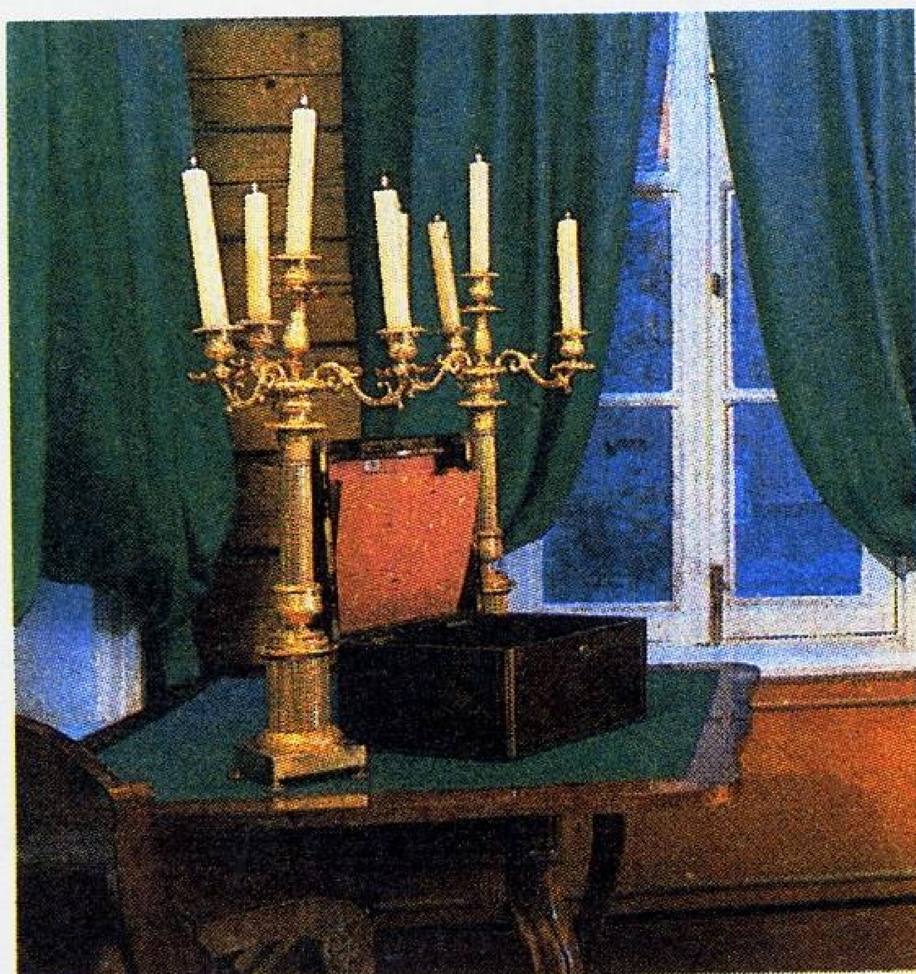
макет Малого театра, выполненный смотрителем театра И. Покровским в 1840 году,

фотографии и личные вещи Л. П. Никулиной-Косицкой, П. М. Садовского, В. И. Живокини, других актеров — друзей А. Н. Островского.

Сцена представляет собой Малый театр. Электричество еще не изобретено. Чтобы зажечь или потушить люстру, ее поднимают в отверстие потолка. В особо торжественных случаях зажигают свечи в прикрепленных к бортам лож бра. В антрактах играет оркестр. Если идет драма, исполняется меланхолическая музыка, если комедия — веселая.

Ставят Шекспира, Мольера, Гоголя, Фонвизина, Грибоедова. Блистают на сцене Щепкин, Садовский, Шумский, Самарин, Живокини, Никифоров, Васильева, Акимова, Медведева, Колосова, Федотова, Никулина-Косицкая.

Веер, перчатки, заколки, бусы... Они принадлежали актерам и актрисам — друзьям Островского.



Так думают одни, но другим это чудо Островского приходится не по душе. Купцы и чиновники считают, что пьеса «наводит на них мораль». Попечитель московского учебного округа делает «вразумление» двадцатисемилетнему драматургу. За Александром Николаевичем начинается секретное наблюдение.

На «вразумление» Островский отвечает: «Согласно понятиям моим об изящном, считая комедию лучшей формою к достижению нравственных целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме, я должен был написать комедию или ничего не написать...»

«ПОДХАЛЮЗИН. Какой горячий-с! (К публике). Вы ему не верьте, это он, что говорил-с,— это все врет. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во сне приснилось. А вот мы магазинчик открываем: милости просим! Малого ребенка пришлете — в луковице не обочтем».

Кроме Большого и Малого, иных театров в Москве нет. И никого не удивляет, что наравне с Шекспиром и Гоголем в репертуар Малого включены совершенно ничтожные мелодрамы, водевили, фарсы, оперетки. Афиши объявляют о спектаклях с интригующими названиями: «Дома ангел с женой, в людях смотрит сатаной», «Я съел своего друга», «Муж пляшет, жена скачет», «Прежде скончались — потом повенчались», «Дядюшка на трех ногах»... Персонажи водевилей надуманны, каламбуры плоски, куплеты пошлы. Портится вкус публики, уничтожается талант актеров.

Театр ждет настоящей пьесы, настоящего автора...

«В бенефис Л. П. Косицкой, 14 января 1853 года, я испытал первые авторские тревоги и первый успех»,— записывает позже Александр Николаевич... 14 января 1853 года на сцене Малого театра играют комедию «Не в свои сани не садись».

Фотографии А. ЗАХАРЧЕНКО.

И начинается не просто сценический успех пьес Островского. Начинается новая эпоха в жизни русского национального театра.

Александр Николаевич пишет новые по форме и содержанию, по языку и идеям пьесы. Но еще делает он то, что не делал ни один драматический писатель,— работает с актерами...

До Островского настоящей актерской «школы», театральной системы в России не было.

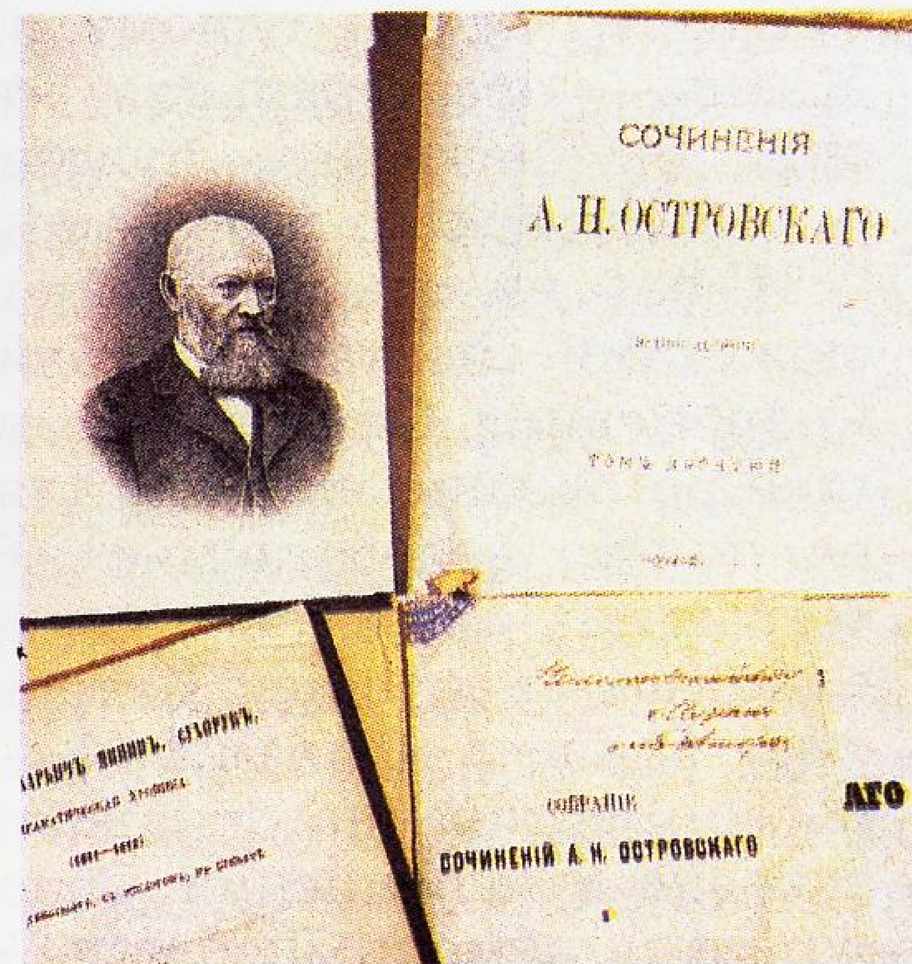
Знаменитый провинциальный актер Рыбаков говорил:

— Все мое искусство состоит в том, чтобы выучить свою роль и передать ее на сцене так, как мне господь бог в этом поможет.

То же мог сказать о себе любой российский актер. Нужны были лишь природный талант и везение, чтобы достичь славы. Но и бесталанным часто жилось не худо, особенно в провинции.

Островский, если его очередная пьеса разрешена цензурой к постановке, начинает с того, что читает текст актерам. Чтец он неподражаемый. Сразу становятся ясны характеры героев, манера их

В мемориальной комнате хранятся вещи, принадлежавшие отцу драматурга.



поведения. Многие спектакли Александр Николаевич сам режиссирует. Зачастую делает особые указания — как играть ту или иную роль. Правда, бывают случаи, когда можно обойтись и без этого... Одной из исполнительниц роли Катерины в «Грозе», Полине Антипьевне Стрепетовой, Островский пишет: «Делать Вам какие-нибудь указания я считаю лишним. В Вашем таланте есть в изобилии все то, что нужно для этой новой роли».

Отношения Александра Николаевича к актерам Малого театра в Москве, Александринского в Петербурге да и вообще ко всем актерам не просто отношения автора пьес к исполнителям ролей. Это отношения истинно дружеские. Ценя в актерах способность «оживлять» выдуманных драматургом героев, «завладевать помыслами» публики, Островский с особой мягкостью, добродушием относится к их человеческим качествам, привязывается к ним и со многими сохраняет дружбу долгие годы. Уважение Островского к профессии актера, его великодушие так велики, что он никогда не бранит их за плохую игру, а даже защищает:

— Нет, он, право, не так плох, как вы говорите! Он употребил все старание, но что делать, если у него мало сценического таланта.

Друзьям своим актерам Александр Николаевич незлобиво прощает многие слабости, проступки, подчас больно задевающие его сердце... Обожаемый Островским Пров Михайлович Садовский играет как-то роль воеводы в спектакле «Воевода, или Сон на Волге». И в сцене сна засыпает по-настоящему. Спектакль срывается. Обида Александра Николаевича велика — он даже перестает разговаривать с Садовским. Все ожидают, что драматург будет мстить. И он действительно «мстит»: вскоре, на читке «Горячего сердца», объявляет, что роль Курослепова, одну из главных в пьесе, он предназначает Прову Михайловичу Садовскому...

Роль эту Садовский исполняет блистательно.

Актеры появляются среди персонажей пьес Островского. Любя театр, как он любит Замоскворечье или волжские, костромские места, Александр Николаевич выводит на сцену людей театра так же, как он выводит на сцену любых своих героев —. купцов, чиновников, мещан, дворян: не приукрашивая, не принаряжая, со всеми их недостатками и слабостями.

И оказывается, что актеры, которых зачастую «доброжелательные граждане» презирают, чище и выше окружающих...

«НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Комедианты? Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты — вы. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете. Вы комедианты, шуты, а не мы. Когда у меня деньги, я кормлю на свой счет двух-трех таких мерзавцев, как Аркашка, а родная тетка потяготилась прокормить меня два дня. Девушка бежит топиться; кто ее толкает в воду? Тетка. Кто спасает? Актер Несчастливцев!»...

Действие третье. Мир Островского

Лица:
728 героев сорока семи пьес драматурга.

Сцена представляет собой то Замоскворечье, то вымышленный уездный город Калинов, то вымышленный губернский город Бряхимов — те места, в которых Александр Николаевич поселяет своих героев...

Островский пишет о том, что он любит, о том, что он знает:

— Драматург не изобретает сюжетов, все наши сюжеты заимствованные. Их дает жизнь, история, рассказ знакомого, порою газетная заметка. У меня, по крайней мере, все сюжеты заимствованные. Что случилось, драматург не должен придумывать: его дело написать, как оно случилось или могло случиться. Тут вся его работа. При обращении внимания в эту сторону у него явятся живые люди и сами заговорят.

И правда, сюжеты комедий и драм Островского незамысловаты. В одной пьесе купец объявляет себя несостоятельным должником, пытаясь ускользнуть от выплат кредиторам. В другой умный и злой пройдоха пытается достичь жизненного успеха, обманом и лестью втираясь в доверие к знатным и богатым. В третьей — красавец мужчина обманывает доверчивую женщину и оставляет ее одну, без копейки денег. Публику такими сюжетами не удивишь. Все они и впрямь из жизни взяты, и уж по одному этому очень заурядны. Жизнь — она серенькая, что ее на сцену тащить: туда бы неземные чувства, громовые страсти! А у Островского все обыкновенное.

И вот на эти с обыкновенными, «скучными» сюжетами спектакли публика торопится попасть. Современник Островского вспоминает: «Мы, бывшие рогожские жители, для которых театр казался чем-то недосягаемым, были поражены игрой тогдашних артистов... мы плакали горькими слезами над утонувшей Катериной в «Грозе» и серьезно боялись Рыкаловой — Кабанихи в той же пьесе. Бесконечно поражались Тит Титычем Брусковым в исполнении Садовского, и ужасно нам хотелось помочь Любиму Торцову. Когда видишь, бывало, какую-нибудь сплетницу на сцене, чувствуешь, что эта сплетница принесет много горя другому, так и хочется крикнуть: «Дяденька, не верьте ей, она все врет!» Нам казалось, что это не «представление в театре», а что это «всамделишная» жизнь. Словно только что был в гостях у этих людей и от них поехал в театр, а они вот на сцене, и я опять с ними, опять у них в гостях. Театра, так сказать, не чувствовалось, а жилось настоящей жизнью...»

Но что же, что заставляет публику в театре Островского жить настоящей жизнью?

Слово. Речь персонажей.

Речью, для каждого из героев своей, драматург заставляет их «проговариваться», выводит «на свет» их мысли и чувства...

«БАРАБОШЕВ. У меня разговор свободный, точно что льется, без всякой задержки и против кого угодно. Такое мне дарование дано от бога разговаривать, что даже все удивляются. По разговору мне бы давно надо в думе гласным быть или головой; только у меня в уме суждения нет и что к чему — этого мне не дано. А обыкновенный разговор, окромя сурьезного, у меня все равно что бисер».

Герои Островского — болтуны. Но в том-то и секрет, что «болтовня» эта — та единственная форма, в которой наиболее совершенно могут воплощаться идеи писателя. И дело не только в том, что Островский пишет пьесы, то есть диалоги. Дело в том, что пьесы его не похожи ни на какие другие: то, что герои пьес Шекспира или позже Чехова лишь думают, герои пьес Островского говорят вслух. Александр Николаевич хочет научить людей жить по правде и совести. Но учит он этому трудному делу, не проповедуя. Он поступает иначе: показывает людям их жизнь, высвечивая в ней все темное и низкое и одновременно все лучшее. Если и проповедуют, то герои Островского. Люди, встречаясь в театре со своей жизнью, узнавая в героях Островского самих себя, своих родных или соседей, своих недругов или друзей, со смехом или слезами, незаметно, может быть, для самих себя изменяются...

«ПЛАТОН... Всякий человек, что большой, что маленький, — это все одно, если он живет по правде, как следует, хорошо, честно, благородно, делает свое дело себе и другим на пользу,— вот он и патриот своего отечества. А кто проживает только готовое, ума и образования не понимает, действует только по своему невежеству, с обидой и с насмешкой над человечеством, и только себе на потеху,— тот — мерзавец своей жизни».

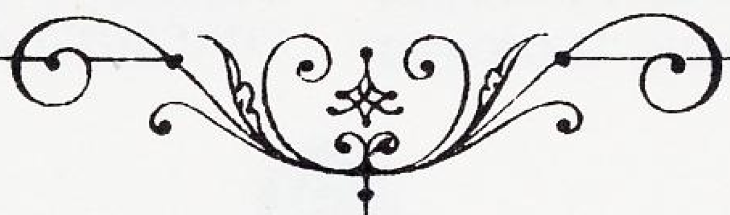
Пьесы Островского кажутся такими правдоподобными. Но это особое правдоподобие. Словно где-то рядом живут Самсон Силыч, Большов, и Егор Дмитрич Глумов, и Сергей Сергеич Паратов. Но если бы драматург переносил своих героев из жизни на сцену без изменений, представлял публике конкретного человека, публика в крайнем случае могла узнать этого человека, но не более того. Островский же как бы вышелушивает главное в своих героях, отсеивает все мелкое, обыденное, поднимает их до художественного обобщения. Герои Островского не из жизни поднимаются на сцену, а со сцены спускаются в жизнь...

«ДУДУКИН. ...Мы спим, господа, так будем же благодарны избранным людям, которые изредка пробуждают нас и напоминают нам о том идеальном мире, о котором мы забыли. Талант и сам по себе дорог, но в соединении с другими качествами: с умом, с сердечной добротой, с душевной чистотой, он представляется нам уже таким явлением, перед которым мы должны преклоняться».

* * *

В доме и вокруг него — солнечная тишина. Дом уверен, что такая же тишина бывает в театре, во время представления хорошей пьесы. Дом-музей рассказывает своим гостям об Александре Николаевиче Островском по-театральному. Да и как иначе можно рассказывать о человеке, который написал: «Все порядочные люди живут или идеями, или надеждами, или, пожалуй, мечтами; но у всякого есть какая-нибудь задача. Моя задача — служить русскому драматическому искусству».

Елена СЕЛЕЗНЕВА



Виктор ПОТИЕВСКИЙ

СНЕЖНЫЙ БАРС

РАССКАЗ

Рисунки В. ДУДКИНА.

Человека он заметил, когда уже приготовился прыгнуть на добычу. Горный козел тоже заметил человека и насторожился. Хотя его, ирбиса, не видел. Эти крупные козлы с длинными массивными полукруглыми рогами ловко бегают по скалам, вверх и вниз. У них зоркие глаза, быстрые ноги и острый слух. Они осторожны и стремительны. Но ирбис осторожнее и стремительнее их. Иначе бы погиб с голоду.

Он опасался людей, сторонился их следов, хотя здесь, в горах, эти следы были редки. Зверь заволновался, длинный его хвост стал нервно подергиваться. Но снежный барс был очень голоден, долго выслеживал добычу, а человек появился пока вдалеке. И ирбис только на миг задержал свой бросок.

Он кинулся на крайнего козла, взлетел в длинном прыжке, взметнув мерзлые брызги снега... Этого короткого мига задержки оказалось достаточно, чтобы зверь опоздал.

Козлы, испуганные человеком, рванулись с места, и хищник, промедливший мгновение, промахнулся. Точнее, почти промахнулся. Промахнись он совсем, ничего плохого бы не случилось. Не прошло бы и половины суток, как он настиг бы другую жертву и насытился. А этот неудачный прыжок обошелся ему дорого. Очень дорого...

Он зацепил козла только одной передней лапой за заднюю ногу, за бедро и не удержал. Крупный сибирский козерог, уже рванувшийся с места, увлек за собой хищника. И тот, выпустив добычу, заскользил по наклонному уступу, царапая когтями мерзлый снег. Неподалеку скала обрывалась, а внизу, скрытая в голубом мерзлом тумане, зияла пропасть.

Зрелый, хотя и не старый самец, ирбис имел уже немалый горный и охотничий опыт. Большую часть своей жизни и охоты он проводил высоко в горах, поднимаясь к вечным снегам. Но иногда, следуя за добычей, спускался даже в предгорья.

Здесь, где он выследил козлов, высота была невелика, еще росли одиночные деревья, это и оказалось решающим в его судьбе. Пропитанные насквозь горным зимним морозом, кривые и низкорослые, они одиноко темнели среди белых и голубых снегов, вцепившись узловатыми корнями в скалы, охватывая ими расщелины, трещины, выступы.

Инерция массивного тела влекла его к обрыву. Сползая задом, чувствуя смертельную опасность, зверь отчаянно вонзал когти в слежавшийся, смерзшийся снег, прижимался к его поверхности. Даже подбородком он пытался задержаться, затормозить, обдираясь в кровь, оставляя клочья шерсти на снегу. Но тело неотвратимо скользило к пропасти... Вот уже задние лапы повисли, ирбис отчаянно дергал ими в воздухе и через миг сорвался, но... В тот же момент почувствовал, как левым боком обо что-то задел. Молниеносным движением изогнулся, успел увидеть перед собой дерево и вцепиться в него, обнять его передними лапами. Это была небольшая сосна, ствол которой, всего вдвое толще лапы ирбиса, согнувшийся и прочный поднимался чуть ниже кромки обрыва, выходя из обледенелой скальной трещины и загибаясь вверх. Как раз за этот изгиб и ухватился падающий зверь.

Он повис, раскачиваясь и дрыгая задними лапами, пытаясь найти для них опору. Но под ним была пустота. Он уцепился передними лапами за сосну так, как цепляются за последнюю надежду. Всю жажду жизни вложил он в эту хватку...

Человек видел все, что произошло с ирбисом. Он случайно вышел на зверя. Охота на горных козлов привела его на скалы возле знакомого ущелья. Здесь, на высоте около тысячи двухсот метров, ему и прежде случалось видеть козерогов, удавалось подстрелить.

Заметив снежного барса, охотник сразу же взял бинокль и с интересом наблюдал за ним. Он встречал в горах этого редкого зверя, но

всего несколько раз, и все здесь, в районе Чуйского хребта. Хотя жил в этих горах всю свою жизнь.

Он знал, что прыжки ирбиса огромны и точны. Увидев его промах, человек удивился. Однако охотник был сыном гор, и, если бы оставил зверя без помощи в таком безвыходном положении, он бы никогда себе не простил этого.

Жесткий снег звонко повизгивал под его горными ботинками. Он бежал осторожно, чтобы не поскользнуться, потому что на неровных скальных тропах и площадках, среди разбросанных всюду камней можно сломать не только ногу, но и шею. На бегу он закинул ружье за спину. За несколько метров до обрыва скинул рюкзак и извлек бухту капроновой веревки.

Не многие охотники теперь знают это древнее искусство. Но его научил дед еще в детстве. С тех пор на охоте в горах это умение не раз выручало его. Он мог быстро и точно набросить петлю, даже

Зверь, глядя в глаза охотнику, лежал на животе, на подтянутых под себя лапах, тяжело, измученно дышал. Человек вынул острый охотничий нож, чтобы перерезать им капроновый шнур, соединявший его со зверем.

с тридцати метров, на выступ скалы или на шею зверя. Но здесь все было сложнее. Если ирбис повиснет с петлей на шее, он будет мертв через минуту. А сколько времени потребуется, чтобы вытащить его, неизвестно. Ведь он весит немногим меньше самого охотника. Килограммов пятьдесят, пожалуй... Как же быть?

Снежный барс покачивался, время от времени подергивая задними ногами, все еще надеясь найти для них опору. Он пытался подтянуть задние ноги к передним, к изгибу сосны, за который держался. Но это никак не получалось. Его зеленые глаза были полны ужаса. Увидев человека, он вдруг закричал. Дико, жалобно, по-кошачьи пронзительно и тонко.

Охотник обвязал конец капронового троса вокруг большого валуна, затянул узел намертво. Напрягаясь, потянул — проверил. На свободном конце троса сделал петлю и приготовился.

Ирбис снова закричал, и человек понял, что зверь не боится его, а просит помощи. Куда же бросать петлю? После недолгих колебаний решился.

Осторожно подошел к самому краю обрыва, слегка размахнулся и, чуть отпрянув назад, бросил шнур. Годами отработанный навык не подвел — кольцо веревки точно легло на оттопыренную заднюю ногу огромной кошки. Надо было, осторожно отходя назад, затянуть петлю и поднимать барса. Но он, ощутив трос, снова стал усиленно дергать ногами, стараясь найти какую-то опору, и охотник испугался, что зверь петлю сбросит. Ведь он мог сорваться с дерева каждый миг. Около десяти минут уже висел он. Сколько еще могут выдержать его лапы? Десять, двадцать минут? А может, две секунды? Только наброшенная петля была гарантией. Трос прочно закреплен на валуне, и, сорвавшись, зверь повиснет в трех-четырех метрах ниже уступа. Все-таки капрон есть капрон. Он выдержит и тонну.

Не дожидаясь, пока шнур слетит с ноги ирбиса, человек резко рванулся назад, но поскользнулся... И там же, на наклонном уступе, где с края обрыва сполз снежный барс, неумолимая инерция поволокла человека.

Сначала он растерялся, видя, что медленно и неотвратимо скользит к пропасти, но сразу же успокоился. Ведь у него был капроновый трос, обернутый вокруг руки у локтя и надежно закрепленный на валуне.

Охотник перехватил шнур повыше, натянул и остановил скольжение. Подтягиваясь на веревке, встал, посмотрел на обрыв, который был рядом. Задние ноги ирбиса дергались, но петля плотно лежала на втором суставе лапы. А там, за зверем, метрах в трехстах внизу, сквозь редкий, голубоватый морозный туман проглядывало черное дно ущелья.

Теперь уже не спеша человек затянул петлю и стал отходить к валуну. На скользком и наклонном уступе нельзя было торопиться. События только что напомнили ему об этом. Зайдя за валун, опираясь на него, охотник стал тянуть трос, который подавался с большим трудом.

Едва ирбис ощутил натяжение веревки на ноге, он почувствовал, что его спасают. Звери чувствуют страх смерти не хуже, чем люди, даже лучше людей. Когда заднюю ногу потянули вверх, ирбис снова закричал. Протяжно, пронзительно, тревожно. Человек ясно слышал в этом крике зов, просьбу о помощи. Но крик был таким надрывным, что кровь стыла в жилах человека.

Барс не боялся петли, не страшился веревки, наоборот, он улавливал чутьем своей звериной души, что этот шнур соединяет его со скалой, со спасением, с жизнью. Но кричал он от страха. От ужаса перед этой бездонной и туманной пропастью...

Охотник видел из-за камня, как на уступ поднялась сначала одна лапа, потом зверь забросил и вторую.

Человек был в рукавицах, но капроновый трос под большой нагрузкой все равно резал руки, пот заливал глаза охотника. Вдруг движение застопорилось. Сначала человек не мог понять, в чем дело. Потом понял: ирбис не отпускал ствол дерева. Он еще боялся пропасти и не мог, не хотел отпустить спасительную сосну.

Охотник ослабил веревку и некоторое время отдыхал, сидя на корточках. Барс лежал неподвижно с минуту, потом вдруг встрепенулся, поняв, что уже спасен, что он на уступе, и сам попятился задом прочь от обрыва. Шнур уже надо было не тянуть, а только выбирать.

Возле валуна ирбис развернулся мордой к человеку и внезапно замер, словно осмысливая то, что произошло. Он долго смотрел в глаза охотнику, молча лежал на животе, на подтянутых под себя лапах, тяжело, измученно дышал. И человеку вдруг показалось, что в зеленых глазах хищника светится недоумение.

Он извлек острый охотничий нож. В тот же миг зверь глухо зарычал и хрипло кашлянул. Человек знал, что это — грозное предупреждение: слишком близко они были друг от друга. Легким движением он перерезал капроновый шнур и стал потихоньку отодвигаться от зверя, все время глядя ему в глаза. Метрах в пяти встал в полный рост, продолжая отходить задом от ирбиса, от валуна, от пропасти. Отходил осторожно, чтобы не оступиться, и, едва завернул за скалу, остановился. Минуты три переждал. Когда снова выглянул из-за поворота скальной стены, снежного барса уже не было.

Человек вернулся за рюкзаком и веревкой, не спеша осмотрел следы: зверь ушел по скальной тропе вверх, дальше в горы. Он вгляделся в круглый след высокогорной кошки и, хотя видел и знал подобные следы, все равно удивился: след был не меньше чайного блюдца. Долго рассматривал отпечаток — круглая мохнатая ступня плотно ложилась на снег, цепляясь за него мехом, шерстинками, врезаясь крупными когтями. «Получше любых горных ботинок,— подумал охотник.— И как же он умудрился сорваться? Теперь погуляет с веревочкой. Да нет... Перегрызет, пожалуй, сегодня же».

Он встал, не торопясь подошел к месту, где зверь прыгнул, охотясь на козла. Достал рулетку, измерил длину прыжка ирбиса. «Ого! Почти одиннадцать метров! Ирбис — известный прыгун. Чемпион...»

А снежный барс в это время шел по узкой козьей тропе, не замедляя шага, не останавливаясь. Солнце уже поднялось над вершинами, яркий горный день начался и, отражаясь в снегах, сделал их из синих желтыми. Ирбис шел. Ему уже не хотелось охотиться, он не чувствовал голода, хотя давно ничего не ел. Только усталость, непривычная для сильного тела, отягощала его лапы, спину, хвост... Он шел, чтобы уйти подальше от того страшного места, от той туманной бездонной пропасти. Как будто не было перед ним сейчас такого же обрыва. Как будто вся его жизнь не состояла из бесконечной тропы над пропастью бездонной и туманной.

Приключения электронного мальчика с пальчик

— Знаешь, как меня назвала одна девочка в письме? — гордо сказал Чип в первое теплое майское воскресенье, когда они с Сережей устроились у раскрытого окна.— Ни за что не угадаешь! Электронный мальчик с пальчик, вот как.

— И прекрасно,— подхватил Сережа,— расскажи мне сказку про современного электронного мальчика с пальчик, вроде сказок для роботов Лема.

Чип не заставил себя долго упрашивать, видно, маленькому хвастунишке нравилось рассказывать про себя. Он уселся, поджав ножки, на коробке своего калькулятора, поднял с важным видом палец кверху и начал так:

— В некотором вычислительном центре, в некотором машинном зале жил да был маленький Чип. Он был самым младшим в семье. Шестеро его старших братьев и его родители день и ночь гнули спину на своего хозяина — Центрального Процессора. Работа перепадала и Чипу, да какой с маленького прок! Поздно вечером, когда работы было поменьше, родители ворчали: «Одна морока с этими малышами, все приходится за них доделывать, без них было легче».

И вот как-то ночью Чип услышал, что родители сговариваются завести его с братьями в Лес Неправильных Программ да там и оставить. А это был страшный лес, там на каждом шагу подстерегали опасности: то бесконечный цикл закрутит, засосет, и не вырвешься; то Двоичное дерево своими ветками-рогатками запутает, затянет — начнешь их обходить и сгинешь без следа, только тебя и видели.

Но страшнее всего в том лесу был огромный великан Гигабайт. Сидел он в своей Директории, окруженный верными слугами — Дисководами, и поджидал неосторожных путников. Ему сотню бит проглотить, как муху,— даже и не заметит. Вот к нему-то и привели братьев жестокие родители.

Великан был сыт, видно, перехватил сотню-другую килобайт на ужин, поэтому он отложил добычу на завтрак, а пока решил развлечься загадками, чтобы нагулять аппетит.

— Эй, мелюзга, видите эти весы? — Он показал на огромные весы с коромыслом и двумя чашками.— Если догадаетесь, как найти самого легкого, не больше шести раз сравнивая вас друг с другом на этих весах, то этого самого легкого я отпущу.

Братья призадумались. Конечно, самый легкий — маленький Чип, но это нужно **доказать,** всего шесть раз сравнивая братьев друг с другом. Если бы можно было начать с Чипа, то, конечно, шесть раз сравнив его с остальными, можно доказать, что он самый легкий. Но коварный Гигабайт не станет их слушать, начнет с кого захочет и все шесть раз истратит на то, чтобы проверить, что он не самый легкий.

И вдруг маленький Чип звонко крикнул: «Я знаю, я знаю! Только ты не обманешь, отпустишь самого легкого?»

Великан расхохотался.

— Эту загадку не смогли решить уважаемые процессоры на радиолампах, не смогли решить их заслуженные ученики на полупроводниках, а ты, малявка, и подавно не сможешь!

— Ну, а все-таки,— малыш не унимался,— если решу, то отпустишь?

— Да я вас всех отпущу и в дорогу провожатого дам, только, ха-ха, вернее всего, вам дорога будет в котел.

— Ну смотри, Гигабайт, все слышали твое обещание, так чтобы потом тебе обманщиком не прослыть.

Великан побагровел, топнул ногой и взревел:

— Клянусь великим Винером, этот мальчишка выведет меня из себя! Я от своих слов не отступаюсь, я за всю жизнь ни бита неправды не сказал. А ну-ка давай выкладывай свой алгоритм, пока я тебя...

— Итак, слушай,— спокойно сказал маленький Чип.— Берешь первого попавшегося и временно объявляешь его **самым легким,** а потом по очереди сравниваешь остальных с **самым легким.** При этом ты после каждого сравнения временно называешь **самым легким** того, кто на этот раз оказался легче.

— Ну-ка, постой,— перебил его великан,— ты мне что-то голову заморочил, я так не понимаю. Давай-ка проверим! — Он схватил двух самых больших братьев и бросил на весы.— Так, этот вроде немного полегче, объявляем его временно самым легким.— Он схватил еще одного из старших братьев.— Ага, этот еще легче, значит, теперь его временно объявляем самым легким.— Он схватил следующего.— А этот тяжелее, значит, самым легким остается предыдущий.— Четвертый раз сравниваем вот с этим, ага, прежний остался самым легким, и... вот ты, мелюзга, оказываешься самым легким. Хм... действительно, за шесть раз нашел. Это, наверно, случайно так получилось — попробуем в другом порядке сравнивать... так... так, опять за шесть раз этот малыш самым легким оказался!

— Ну как, отпускаешь? — весело спросил младший брат.

Великан насупился.

— Я одного обещал отпустить и свое слово сдержу. Иди и помни мою доброту.

— А мои братья? — закричал возмущенный Чип.— Ты их тоже обещал отпустить: провожатого можешь не давать!

— Это ты случайно задачу решил,— возразил Гигабайт.— Вот докажи, что ты на самом деле

умный,— найди еще один такой алгоритм, и я отпущу еще одного брата...

Чип прервал свой рассказ и хитро посмотрел на Сережу.

— Ну и как ты думаешь, удалось электронному мальчику с пальчик спасти всех братьев? Составил он еще 6 алгоритмов, как найти самого легкого из 7, шесть раз сравнивая всех попарно на весах? Подскажу тебе, что братьев можно разбить на группы: по двое, по трое и так далее и сначала находить самого легкого в каждой группе, а потом уже сравнивать их между собой.

— Погоди,— спохватился Сережа,— ты же мне не объяснил, что такое алгоритм. Это что, правило взвешивания?

— В этом случае это правило взвешивания, а вообще — такой порядок действий, который **всегда** приводит к желаемому результату.

ОТ РЕДАКЦИИ. Ребята, поможем электронному мальчику с пальчик спасти своих братьев. Напишите нам, кто нашел все 6 алгоритмов, как выбрать самого легкого из семи братьев. На конверте укажите: «Мальчик с пальчик».

Борис КУНЯЕВ

* * *

Он будет —
день без выстрелов
и взрывов —
На всей планете
и у всех границ.
В садах и парках,
над цветущей нивой
Услышим мы
лишь пенье
звонких птиц.
Над миром встанут
мирные рассветы,
Забудется
на всей земле
война...
И в мир придут
великие поэты,
Великие
прославят времена!

Алексей КОНДРАТЬЕВ

Сыну

Ты знаешь, что была война,
Когда тебя на свете не было;
И сколько помнила страна —
Такой войны на свете не было.

Разрыв снаряда, пули свист,
Казалось, воздух весь
наполнили;
И слово страшное «фашист»
Все дети в это время поняли.

Не возвратившихся с войны
В свои дома, в свои селения
Так много, что
на три страны
Того хватило б населения.

И нам, живущим на земле,
Останутся навеки близкими
И все пропавшие во мгле,
И спящие под обелисками.

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

Дело для XXI века

ТЕРМИНАЛ ОТМЕНИТ КОМАНДИРОВКИ

Родители — люди ненадежные: бывает, совсем уж договорились в выходной в лес сходить или на птичий рынок съездить — и на тебе, уезжают в командировку.

Конференции, совещания, семинары... Едут люди через всю страну, трясутся в поездах для того, чтобы переговорить друг с другом. Нет бы им все проблемы по телефону решить — казалось бы, для того он и существует. Однако не всякую проблему по телефону обсудишь: нельзя показать рисунок, график, таблицу или одновременно услышать мнения нескольких знатоков. В общем, надо честно признать: телефон не может заменить общения при встречах. Что же делать? Как уберечь родителей от командировок?

Выход есть! Это телеконференции! Пусть себе переговариваются по телевизору. Правда, телевизор нужен не совсем обычный: от телевизора у него — телеэкран, но есть и существенное добавление — клавиатура, как у пишущей машинки. Называют такой телеэкран с клавиатурой терминалом. Терминал — устройство для диалога с электронно-вычислительной машиной. Набираешь на клавиатуре какой-нибудь приказ для компьютера, а он его исполняет. Но можно использовать терминал и по-другому.

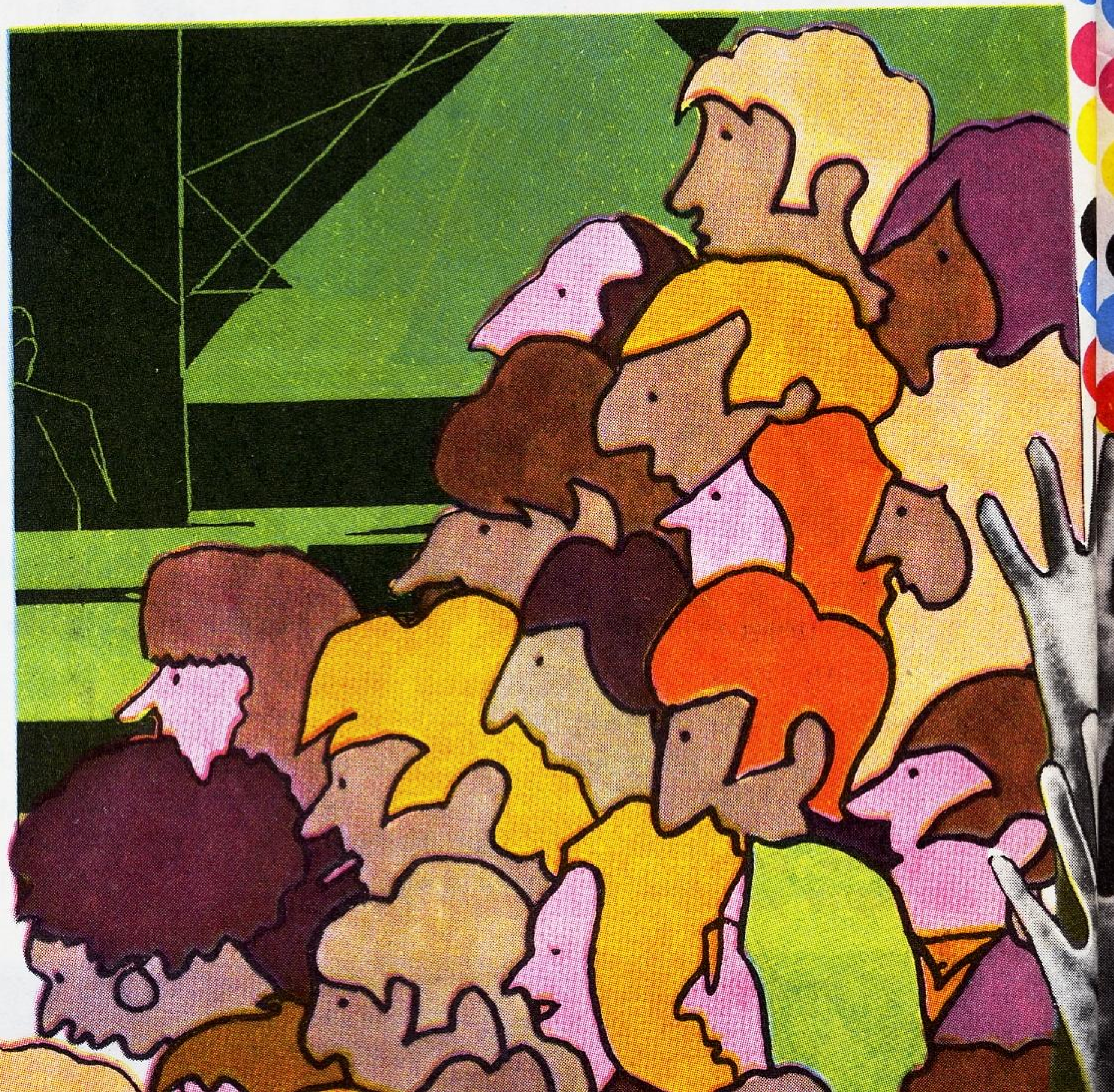
На нашей планете начинает создаваться международная компьютерная сеть. Примерно в пятистах городах США к этой сети можно подключиться с помощью обычного телефонного звонка. Можно к ней подключиться и из Москвы, а также из других городов. И тогда — пожалуйста — принимайте участие в международных конференциях, не выходя из своего рабочего кабинета. Читайте на экране интересующий вас доклад. Одновременно с вами его будут читать и другие участники телеконференции, а как только доклад закончится, начнется его обсуждение — каждый сможет высказаться. На экране легко изобразить графики, схемы, рисунки и таблицы — в общем, все, что необходимо.

В телеконференции может принять участие и тысяча человек, и десять тысяч. И можно мгновенно узнать мнение каждого по поводу высказанной идеи или предложенного проекта: проводится голосование — нажимаешь одну-две клавиши, и через мгновение на экране появляется просуммированное компьютером мнение всех участников обсуждения — сколько «за» и сколько «против».

Никуда не надо ехать, тратить время и деньги на поездки — сиди себе за терминалом на своем рабочем месте и совещайся, с кем душа пожелает. Так можно даже вести совместные работы в лабораториях, разделенных тысячами километров: обмениваться всеми полученными результатами и идеями прямо в процессе работы. Уже сейчас телеконференции помогают не только ученым: кинематографисты используют терминалы для работы над совместными кинопостановками — им-то уж наверняка телефоном не обойтись, надо не только рассказывать, но и показывать.

В общем, можно написать целую книгу о перспективах телеконференций. Но есть и сложности: многие люди считают, что живое общение ничем заменить нельзя, и поэтому относятся к терминалу с недоверием. Однако это с непривычки. Просто терминал компьютера еще не стал для нас таким обыденным предметом, как телефонная трубка. Но обязательно станет! И тогда само слово «командировка» исчезнет из языка, и уже ничто не помешает семейному походу в воскресный день. Если, конечно, папа не будет в выходной занят на телеконференции.

А. СЕМЕНОВ



зачем? почему?

Огонь против огня

Я читала, что можно погасить огонь с помощью огня. Так справляются с лесными пожарами. Расскажите об этом.

Света НИКИФОРОВА, 7-й класс, г. Казань.

Огонь не занимается сразу. Сначала он еле теплится, и нужна немалая сноровка, чтобы быстро разжечь костер или затопить печку. Но когда огонь разгорится, загасить его нелегко: в центре костра или печки температура становится очень высокой, новые порции дров вспыхивают мгновенно, а возникшая тяга отводит продукты сгорания и подает свежий воздух.

Лесной пожар тоже начинается медленно и как бы нехотя: деревья не сразу вспыхивают от брошенной спички или нескольких угольков плохо погашенного костра. Но когда огонь окрепнет, пламя даже в тихую погоду моментально захватывает все новые и новые участки леса, и остановить этот огненный вал очень трудно.

Но если незадолго до того, как волна огня достигнет края просеки, преднамеренно навстречу ей зажечь лес, то новый пожар не сразу войдет в силу и поэтому не сможет преодолеть просеку, а в другую от просеки сторону ему ничто не помешает разогнаться. Две огненные волны, столкнувшись, погасят друг друга, ведь искусственный «встречный пал» уже спалил за собой все, чем мог бы поживиться большой лесной пожар. Точно так можно погасить пожар в степи или в поле, только в этом случае «встречный пал» пускают перед специально выкопанной канавой.

«Встречный пал» используют для гашения пожаров только в самых крайних случаях: трудно выбрать точный момент, когда следует запустить огненную волну, и место, где можно воспользоваться этим приемом,— в ином случае пожар только усугубится.

М. БАТАРЦЕВ

Экстрасенсы, нильские слоники и сверхприборы

Что такое биополе?

Лаура АЙРАПЕТЯН, с. Митань Самаркандской области.

А существует ли оно вообще, таинственное «поле», владельцы которого — экстрасенсы — якобы могут и мысли передавать на расстояние, и болезни лечить? Рассказывают-то о нем много, но ученые верят только данным, добытым с помощью грамотно поставленного эксперимента.

Как-то был проделан такой опыт. Взяли рыбку, нильского слоника. Она живет в совершенно непрозрачной воде, а ориентируется, как самолет в тумане — с помощью локатора, особого органа, который чутко реагирует и на электрическое поле, и на магнитное, и звук прекрасно воспринимает.

Пригласили шестерых людей, будто бы способных лечить больных простым наложением рук. Попросили их держать руки около аквариума с рыбками, а в это время регистрировали реакцию слоников. И вот, представьте себе, четверо из шести кудесников не произвели на рыбок никакого впечатления.

«Нет, стало быть, никакого такого поля!» — восторжествовал бы какой-нибудь торопыга. Но исследователи с выводами не спешили: двое-то действие оказали. Один «исцелитель» слоников успокаивал, другая же «волшебница», наоборот, повергала в волнение. Так, может, хоть у этих двоих что-то есть?

И только совсем недавно советскими физиками были поставлены новые опыты, где использовались не рыбки, а сверхчувствительные приборы. Приборы же показали: живой организм действительно создает вокруг себя поля — магнитные, электрические, даже радиоволны излучает. Одно из полей — тепловое — достаточно сильно для того, чтобы его ощутил другой человек, находящийся на некотором расстоянии. Однако эта способность — ощущать излучение теплового поля — есть у всех, и экстрасенсы (их особо проверяли) здесь нисколько не выделяются. Теплом своих рук, впрочем, они как-то на людей и воздействуют, но никакого волшебства в этом нет.

А вот особого, неизвестного физикам «биополя» даже самые надежные приборы, увы, не обнаружили.

К. БОРСКИЙ

Где мы были, что мы видели

БАКТЕРИИ СИГНАЛЯТ: ВСЕ В ПОРЯДКЕ

В кабинете, где мы говорили, висела огромная карта Тихого океана, вся расчерченная цветными карандашами. Каждая линия изображала маршрут — плавание, совершенное моим собеседником, членом-корреспондентом Академии наук Иосифом Исаевичем Гительзоном. Зачем же он бороздил океан? Оказывается, для изучения... бактерий. И только-то? Неужели его не занимали ни киты, ни фантастические глубоководные рыбы?

— Занимали, конечно,— говорит Иосиф Исаевич,— но наука требует сосредоточенности. К тому же без бактерий, особенно светящихся, как раз глубоководные рыбы не выжили бы. В недрах океана темно, и если бы не микроскопические светлячки, многие рыбы не могли бы ни ориентироваться, ни охотиться...

* * *

Эти существа малы, но далеко не слабы. Бактерий чаще всего боятся: они-де заразу переносят и вообще жить мешают. В компании микроорганизмов действительно попадаются враги человека — жестокие, опасные. Но среди неисчислимого множества своих собратьев они представляют явное меньшинство, можно сказать, уродов в благородном семействе, которому мы обязаны очень многим.

Начнем с того, что мы их прямые потомки: первыми живыми существами на Земле были невидимые одноклеточные. Кроме того, значительную часть органического вещества, которым кормятся все высшие организмы от крохотной ящерки до гигантского кита, и сегодня запасают эти скромные, но бесчисленные труженики. Ну и наконец...

Ну и наконец, современная наука заставляет бактерий работать на нас: делать необходимые нашему хозяйству вещества, запасать энергию и даже добывать информацию.

«Информацию? Это уж преувеличение,— проворчит недоверчивый читатель.— Как с ними общаться-то, по телефону, что ли?»

Никакого преувеличения, однако, тут нет. Я сам видел, как «общаются» с бактериями. В Красноярске, в том самом кабинете, где на стене висит карта дальних странствий, на столе стоял небольшой приборчик с самописцем, и его перо записывало сигналы бактерий, следивших за чистотой воды. Сигналили они, как заправские разведчики, светом «фонариков».

— Свечение свойственно многим микроорганизмам,— объяснил мне Иосиф Исаевич.— Для них это защитная реакция, помогающая отводить избыток энергии, не «выгорать» в среде, где есть кислород. Именно микроорганизмы заставляют светиться и лесные гнилушки, и океан в тропиках. Их холодный свет, биолюминесценция, измеряется в этом приборе.

* * *

Конечно, количество кислорода в воде, например, можно определить и обычным химическим анализом, но бактерии куда чувствительнее. Мне назвали цифры, а я перевел их в более удобную величину: невидимые разведчики начинают светиться, когда в миллилитре воды находится не менее триллиона молекул кислорода. Триллион — число огромное, но не тогда, когда считают молекулы. Для молекул, наоборот, это очень мало. Чем больше в воде кислорода, тем ярче сияют бактерии.

Ну, а как приятен «холодный свет», мне показали в темном чуланчике. Заперли меня там, посоветовали для пущей темноты накрыть голову черной кошмой, а потом поглядеть на стеклянную чашечку. На этой самой чашечке я увидел сияющий овал с пририсованным к нему изогнутым хвостиком. Вышел, рассказал, а мне пояснили: теперь, мол, вы знаете, как эти бактерии выглядят под микроскопом. Овал с хвостиком — это их форма, нарисованная их же собственной взвесью в воде.

* * *

Кроме кислорода, бактерии могут находить в воде перекись водорода, другие вещества, богатые энергией.

Но зачем же искать в воде перекись?

Задав этот вопрос, я узнал еще одну новость. Оказывается, этим веществом нас защищают от инфекции не только медсестры, смазывающие раствором перекиси водорода наши порезы и ушибы, но и особые клетки, которые содержатся в нашей крови. Есть такие клетки-«убийцы», истребляющие болезнетворных микробов. Так вот, недавно установлено, что, приближаясь к «агрессору», эти наши защитники обстреливают его не чем иным, как перекисью. Стало быть, добавив к пробе крови немного светящихся бактерий, а потом измерив их отклик на выделяемую «убийцами» перекись, можно определить, насколько активна, надежна защита, которую называют иммунитетом.

Если свет ярок — значит, бактерии сигналят: все в порядке.

П. САВКО

Самый-самый!

Тайна рисунков пустыни Наска

Рисунки эти разглядели не сразу. Разглядев, не сразу в них поверили. Поверив, не сразу в них разобрались. А, разобравшись, не могут до сих пор найти им разумное истолкование.

Стоя на земле, рисунки эти взглядом не охватишь. Надо подняться в небо на самолете, и только тогда к юго-востоку от перуанской столицы Лимы, на каменистом плато Пампаде-Наска наблюдателю откроются изображения самые фантастические. Обезьяны, пауки, собаки, рыбы, киты, птицы с длинными изогнутыми шеями, а вокруг — спирали, трезубцы, трапеции, квадраты...

Размеры их грандиозны. Вот птица колибри, самое крохотное чудо в мире пернатых, а ее изображение раскинулось на 90 метров. Есть рисунки и по 200—300 метров в длину. Все они высечены в каменистом грунте.

Что за искусные художники сотворили эти шедевры? Считается, что это были индейцы культуры Наска, которые населяли эти места почти две тысячи лет тому назад, между 200-м годом до новой эры и 600-м годом новой эры.

Какой взрыв волнения, восторга, фантастических догадок вызвало это открытие, сделанное больше сорока лет назад профессором Полом Косоком! Может быть, рисунки в пустыне Наска — это взлетные полосы инопланетян, прилетевших на землю в древние времена? А может быть, это дороги ритуальных шествий, по которым с факелами шли индейцы во время празднеств? А может быть, это послание внеземному разуму? Или обращение к далеким потомкам, которые будут жить на Земле в грядущие времена? Вполне возможно, что это астрономический атлас, величайший в мире. Он олицетворял созвездия и служил индейцам календарем для определения смены времен года. А что, если это посадочные знаки для летательных аппаратов древних умельцев — современные инженеры допускают, что индейцы вполне могли конструировать и строить подобия нынешних планеров.

Ответа на бесчисленные «почему» и «зачем» пока нет. Археологи уверены. что в прекраснейших насканских рисунках заложен определенный смысл — экономический, хозяйственный, социальный, политический. Но какой он? Ученые не знают. Ученые думают...

В. НИКИТИНА

Знаешь?

Уровень Мирового океана повышается на 1 мм в год.

* * *

Чем крупнее животное, тем более сложную структуру имеет его нервная система.

* * *

Голодные комары слетаются на запах летучих веществ, которые их собратья выделяют, когда сосут кровь зверя или человека.

седьмое занятие

КЛУБ СИЛАЧЕЙ

Что вся сила в мышцах — знает каждый. Но представь: на турнире выступают несколько атлетов одинакового роста и веса. Можно ли по внешнему виду узнать, кто из них победит?

Ребята, впервые попавшие на соревнования силачей, отвечают на этот вопрос без затруднений: у кого больше мускулы, тот и сильнейший. Вроде бы логично. Но тогда непонятно, зачем вообще проводить соревнования. Проще измерить у всех величину мышц и... объявить чемпиона. Так бы, наверное, и делали, да только оказалось, что сильнейшим нередко становится атлет с довольно скромными мышцами.

Как так?! Почему?

Мускулы состоят из длинных, тонких, прижатых друг к другу волоконец, и напоминают апельсиновую дольку со снятой кожицей. Как ни малы мышечные волоконца, а внутри каждого из них содержатся запасы питательных веществ и особые сократительные нити, с укорочением которых и связано проявление силы. Нити в 1000 раз тоньше паутинки, сила их ничтожна и все же... Даже у самых выдающихся богатырей их исключительная сила связана с укорочением миллионов и миллиардов этих тончайших нитей. И чем в мышцах человека больше сократительных нитей, тем он сильнее.

Питательные вещества тоже очень важны. Чтобы проявить силу, мышца должна затратить энергию. А где ее взять? Источником энергии для сократительных нитей как раз и служат питательные вещества мышечных волоконец. Если питательных веществ мало, сила быстро иссякнет, если достаточно много — человек может очень долго проявлять силу или, как говорят, силовую выносливость. Ну а если запасы питания очень большие? Казалось бы, хорошо? Оказывается, нет. Избыток питательных веществ мешает работать мышце так же, как излишняя упитанность затрудняет движения некоторых школьников. Слишком упитанная мышца и слабее и менее вынослива, чем нормальная.

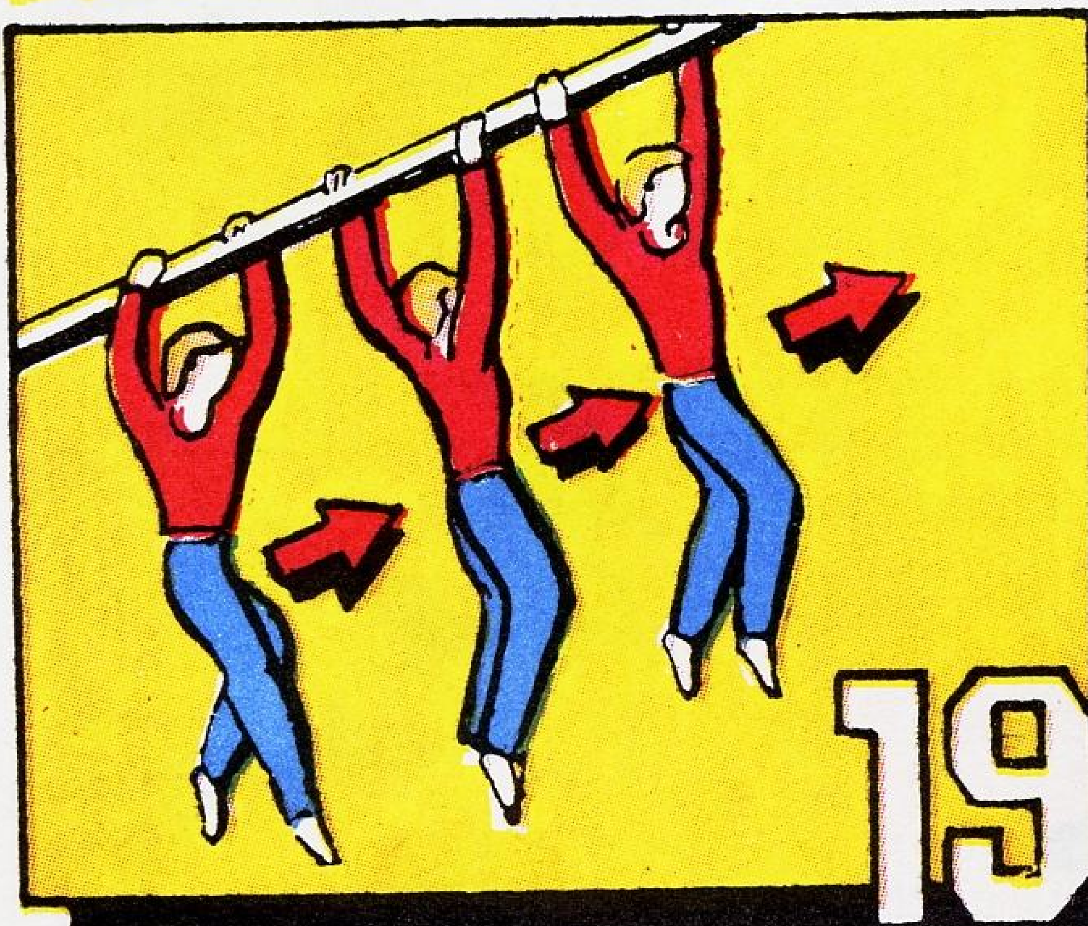
Итак, мышцы увеличиваются за счет того, что в них становится больше сократительных нитей и питательных веществ. Но под влиянием чего их становится больше? Конечно же, под влиянием физических нагрузок.

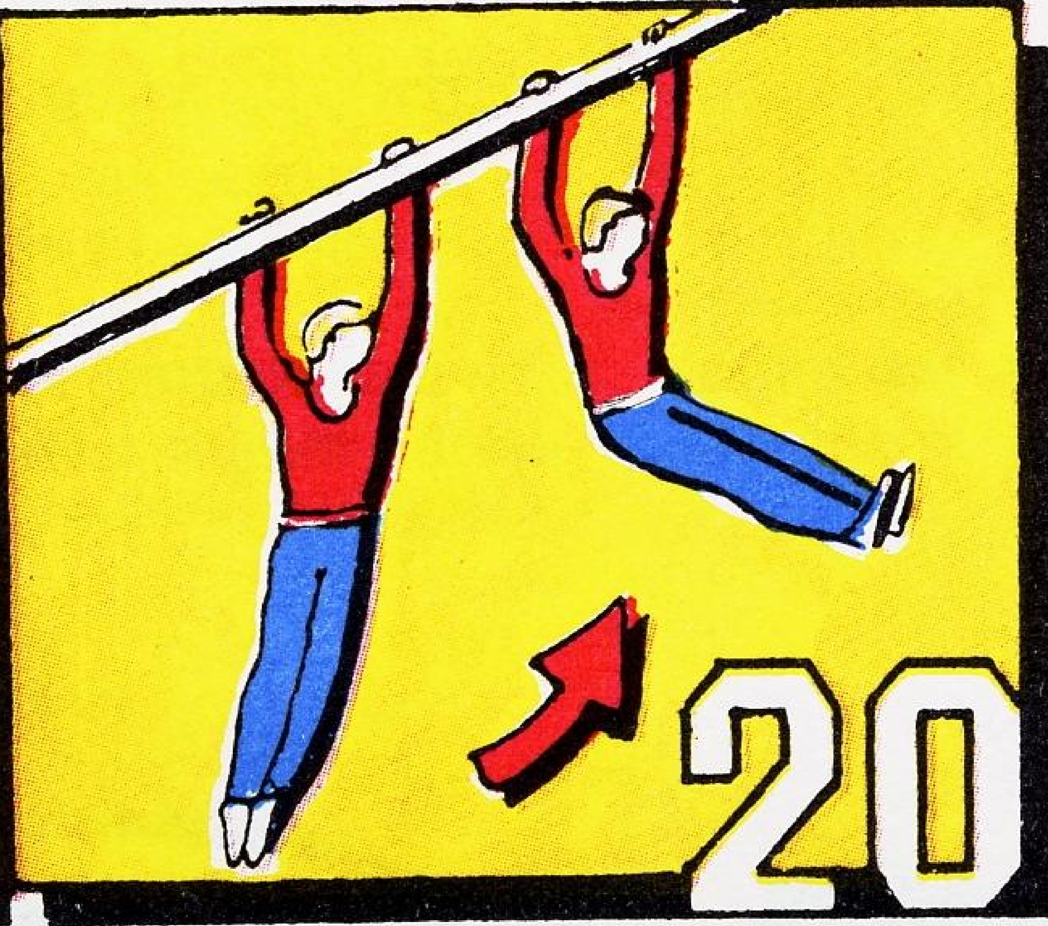
Вроде бы все ясно, да не совсем. Дело в том, что тренировки тренировкам рознь. При одних — мускулы увеличиваются в основном за счет роста сократительных нитей, при других — за счет нитей и питательных веществ, при третьих — за счет почти одних только питательных веществ. Что же получается? Три человека тренировались одинаково добросовестно, а у первого значительно возросла сила, у второго — силовая выносливость, у третьего, выходит... ничего?

Не совсем так. В последнем случае сила, конечно, не очень-то прибавилась, но мускулы налились запасами питательных веществ, стали большими, красивыми, «играющими». Любо-дорого смотреть. Кстати, есть любители покрасоваться своей фигурой, поиграть мускулами. Их называют культуристами. Они даже устраивают специальные конкурсы — у кого красивее мускулы. Но до настоящей мужской силы, той силы, которая нужна в жизни, этим обладателям мускулистых фигур далеко. Да к их мускулам никто и не относится всерьез.

Значит, от содержания тренировок, от набора физических упражнений зависит, какими станут мышцы и по свойствам и внешнему виду. Размеры мускулов увеличиваются главным образом за счет запасов питательных веществ и в меньшей степени — за счет сократительных нитей. Вот и выходит, что атлет исключительной силы, то есть с огромным количеством сократительных нитей и небольшими запасами питательных веществ в мышцах, не производит своей мускулатурой особенно внушительного впечатления. Но это только до начала соревнований. А там возьмет железной хваткой соперника или легко, словно играючи, рванет тяжеленную штангу, и сразу ясно, кто сильнейший не по форме, а по существу!

Однако сила зависит не только от строения мускулов, но и от того, какая часть каждой мышцы включается в работу при максимальном усилии. Мышцы, как вы помните, состоят из множества во-





«Пионер»ский СПОРТЗАЛ

локонец, при укорочении которых и возникает сила. Обычно человек соизмеряет затрату сил с выполнением предстоящей задачи. Например, чтобы поднять карандаш, он прилагает минимальную силу, а при подъеме рекордной штанги — максимальную.

Оказывается, различия в проявлении силы связаны с тем, сколько в мышце укоротилось волоконец. Там, где нужна минимальная сила, «работают» лишь 3—5 процентов, а остальные отдыхают; если же требуется сила побольше, включается 10—15 процентов. Ну а если необходимо сделать что-то «изо всех сил»? Что тогда? Да ничего особенного. При самом-самом большом усилии у обычного человека укорачивается не больше 35—40 процентов волоконец, а большинство их по-прежнему отдыхает.

Странно? Конечно. Но так уж придумала природа. Отдыхающие волокна вовсе не бездельники. Они — резерв организма, резерв силы, который включается только в самых критических, чрезвычайных обстоятельствах и тогда... И тогда вроде бы обычные люди проявляют такую силищу, совершают такие поступки, которые иначе как «чудом» и назвать-то трудно.

Так, во время землетрясения в Иране женщина приподняла весивший несколько сот килограммов обломок стены, который придавил ее ребенка. В Чикаго монтажник, сорвавшись с небоскреба, зацепился рукой за штырь в стене и почти час висел на одной руке, пока его не сняли. Или вспомни, сколько было случаев во время войны, когда наши солдаты выходили победителями в рукопашных схватках с врагами, которых было в три, в пять, в десять раз больше...

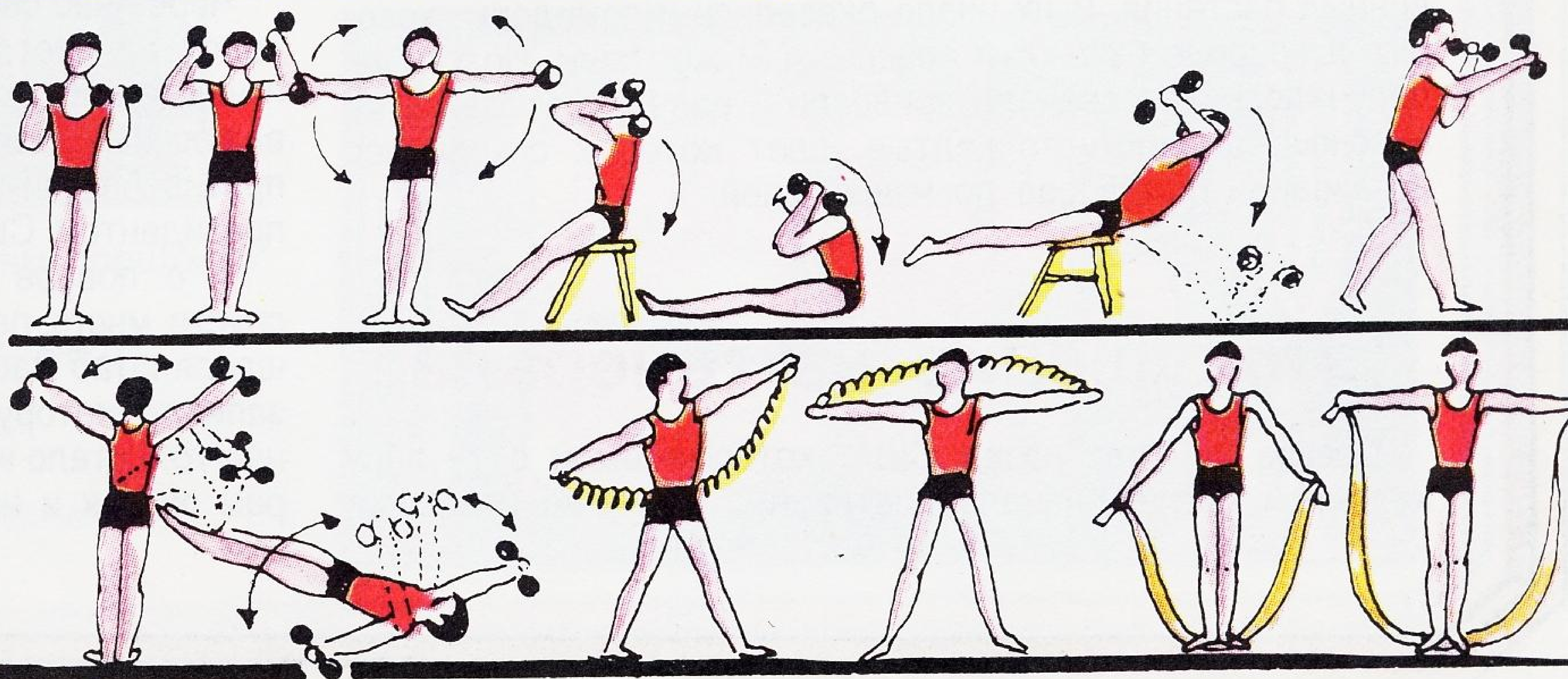
Но неужели совсем нельзя использовать эти огромные резервы силы в повседневной жизни? Увы, без чрезвычайных обстоятельств полностью использовать резервы никому не удается, но частично... Огромная сила атлетов в немалой степени связана с тем, что у них «работают» не 35—40 процентов мышечных волоконец, как у обычных людей, а 50—55 и даже 60. И сильнейшим нередко оказывается опять-таки не самый мускулистый, а тот, кто больше силы умеет извлекать из резервов. Приходит же это умение благодаря специальным тренировкам.

Как видишь, опять тренировки и опять «специальные». Что поделаешь, не всякие, даже очень упорные силовые тренировки приносят желаемый результат. Чтобы стать по-настоящему сильным, надо знать, как правильно тренироваться, и выполнять все рекомендации. Об этом мы поговорим на следующих занятиях, а сейчас — последние два упражнения нашего основного комплекса.

Учащимся 4-го класса советуем выполнять их 2—3 раза, 5—6-х классов — до пяти раз. Общее время выполнения всех двадцати упражнений комплекса — 30 минут. После выполнения комплекса желательно принять теплый душ и растереться махровым полотенцем.

М. ЗАЛЕССКИЙ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.



УЗНАВАЙКА

Смотришь вокруг, и кажется все просто, ясно и — немного скучно. А на самом деле — какие неожиданности таятся в самых обычных вещах и понятиях. В жизни, если хорошенько поискать, такие неожиданности встречаются на каждом шагу. Вот мы и решили открыть в нашем журнале новый раздел, в котором будем рассказывать обо всем интересном, необычном, удивительном, что есть на свете. А еще — задавать задачи, чтобы проверить ваши знания в области как привычного, так и удивительного.

НУ И ФРУКТ!

Начнем с помидоров. О них, как правило, не ведут долгих разговоров — помидоры едят. Но это вовсе не значит, что в них, кроме вкуса и цвета, нет ничего интересного. Взять хотя бы название. Оно происходит от итальянского «поми д'оро», что означает «золотое яблоко». Невольно возникает вопрос: почему яблоко, и какое же оно золотое?

Оказывается, раньше яблоком называли почти любой плод. Например, «апельсин» — голландское слово, которое переводится как «китайское яблоко» («апель» — «яблоко», «сина» — «Китай»). Ананас по-английски — пайнэпл, то есть «сосновое яблоко» («пайн» — «сосна», «эпл» — «яблоко»), а картофель по-французски — помм до терр — «земляное яблоко» («помм» — «яблоко», «терр» — «земля»). Кстати, запретное яблоко, которое, согласно легенде, вкусили Адам и Ева в райском саду, было не антоновкой и даже не белым наливом, скорее всего, пуническим яблоком, то есть фруктом, в котором сегодня каждый школьник признает гранат.

С тем, как помидоры стали «яблоками», мы разобрались. Остается выяснить, почему их назвали «золотыми». Пусть это явное преувеличение, но должна же в нем быть хоть доля истины. Разве тот, кто придумал название, не видел, что помидоры совсем не золотые, не золотистые и даже не желтые? Представь себе, не видел, и вот по какой причине.

Когда испанцы во главе с Колумбом открыли Америку, они стали привозить оттуда не известные в Европе диковинные растения. В их числе оказались и помидоры, которые в природе бывают и красными, и желтыми. Но так уж получилось, что сначала привезли и начали разводить не красные, а золотисто-желтые, цвет которых сохранился в названии помидоров до наших дней.

Покушение на генерала

Свыше 200 лет назад США, которые были в ту пору колонией Англии, начали против нее войну за независимость. Во главе американских колонистов стоял молодой генерал Джордж Вашингтон. Тот самый, именем которого названа теперь столица США. Благодаря таланту и личному мужеству Вашингтона войска под его командованием успешно сражались с англичанами.

Тогда-то в Лондоне был разработан коварный план — уничтожить генерала. Осуществить покушение поручили английскому шпиону Джеймсу Бейли, который работал поваром при штабе Вашингтона. И повар нашел, как ему казалось, самое верное средство для убийства — помидоры!

Выбор был не случаен. Достать помидоры просто, так как многие выращивали их на подоконниках и в садах для красоты. Но не было смельчака, который отважился бы съесть спелые плоды. Они считались смертельно ядовитыми, и опровергнуть это мнение не решался никто.

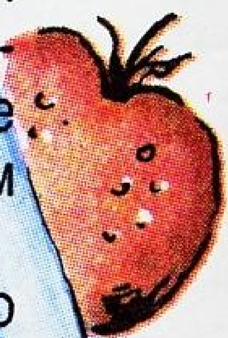
Осуществляя свой зловещий замысел, Бейли подал на закуску к обеду салат, в котором тщательно замаскировал мелко нарезанные помидоры. Вашингтон, отличавшийся хорошим аппетитом, съел салат, суп, жаркое, выпил три кружки компота и, поблагодарив повара за вкусный обед, сказал адъютанту:

— Совершенно валюсь с ног. Пойду отдохну. Разбудите через час.

«Вот оно, свершилось!» — торжествующе подумал Бейли, выбегая из столовой. Он взял клочок бумаги, написал в Лондон донесение, что задание выполнено, и сунул его в тайник, находившийся в стене штабного здания. Повар был преисполнен гордости за свой подвиг, но радость его была недолгой... «Что же будет со мной, когда узнают, что это я убил генерала? — с тревогой пронеслось у повара в голове.— Меня будут мучить, пытать, а потом... повесят! Какой ужас! Нет, нет, только не это...»

В отчаянии Бейли влетел на кухню, схватил свое единственное оружие — кухонный нож и покончил с собой.

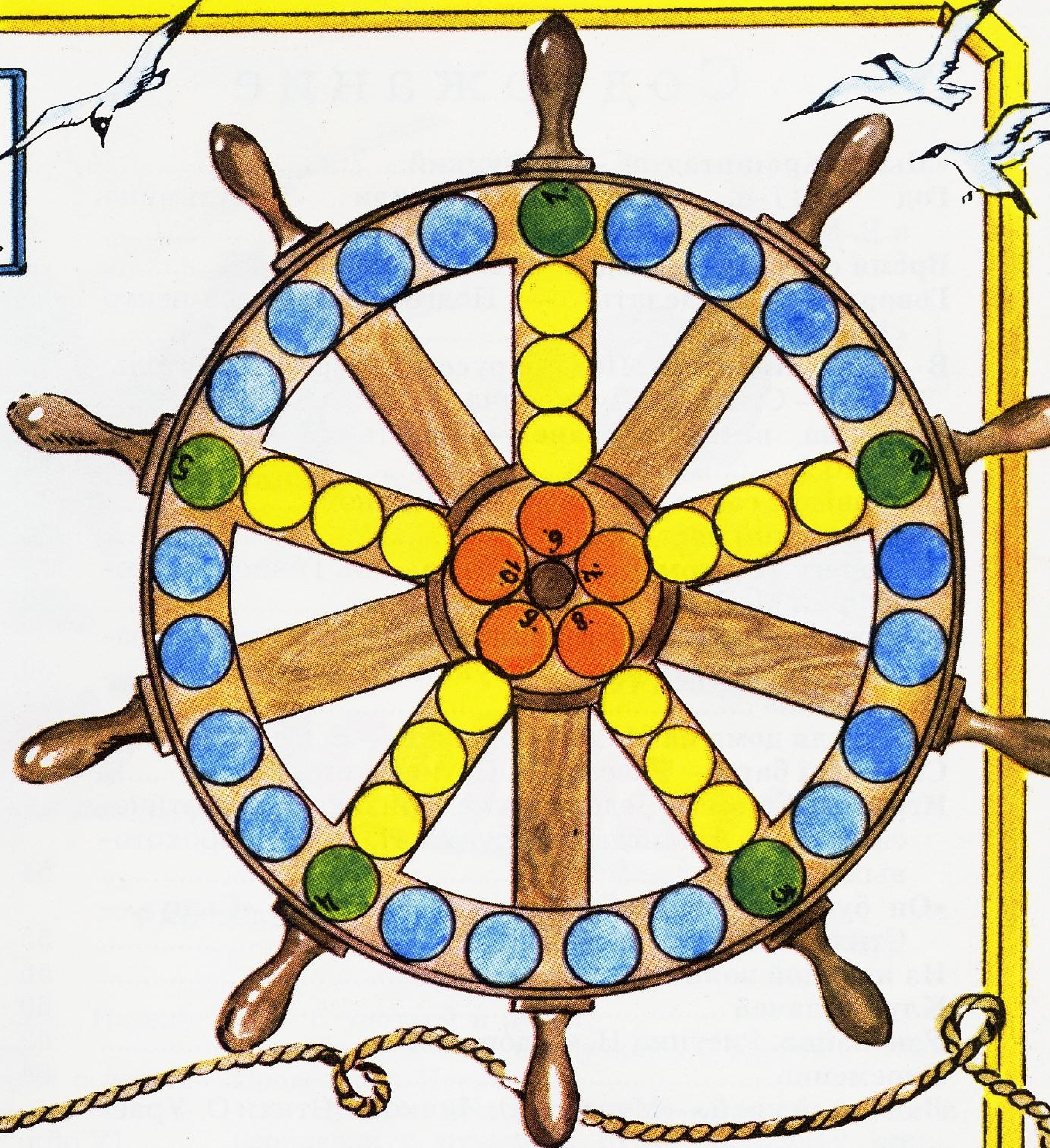
Через час свежий, полный сил проснулся генерал и принялся за неотложные дела. Его ждали новые сражения и новые победы. США добились независимости. И, признавая особые заслуги генерала Джорджа Вашингтона в борьбе против Англии и завоевании свободы, его избрали первым президентом США.



А о поваре Джеймсе Бейли никто не вспоминал. Но спустя много лет стали ремонтировать здание, где размещался штаб Вашингтона, и случайно обнаружили в тайнике записку, которую, очевидно, не смог забрать связной. Из нее-то и стало известно про покушение на генерала, о котором он так и не узнал.

«ШТУРВАЛ»

Чтоб все загадки обойти,
Крути кроссворд «Штурвал»,
Чем больше знаний, тем в пути
Подводных меньше скал.

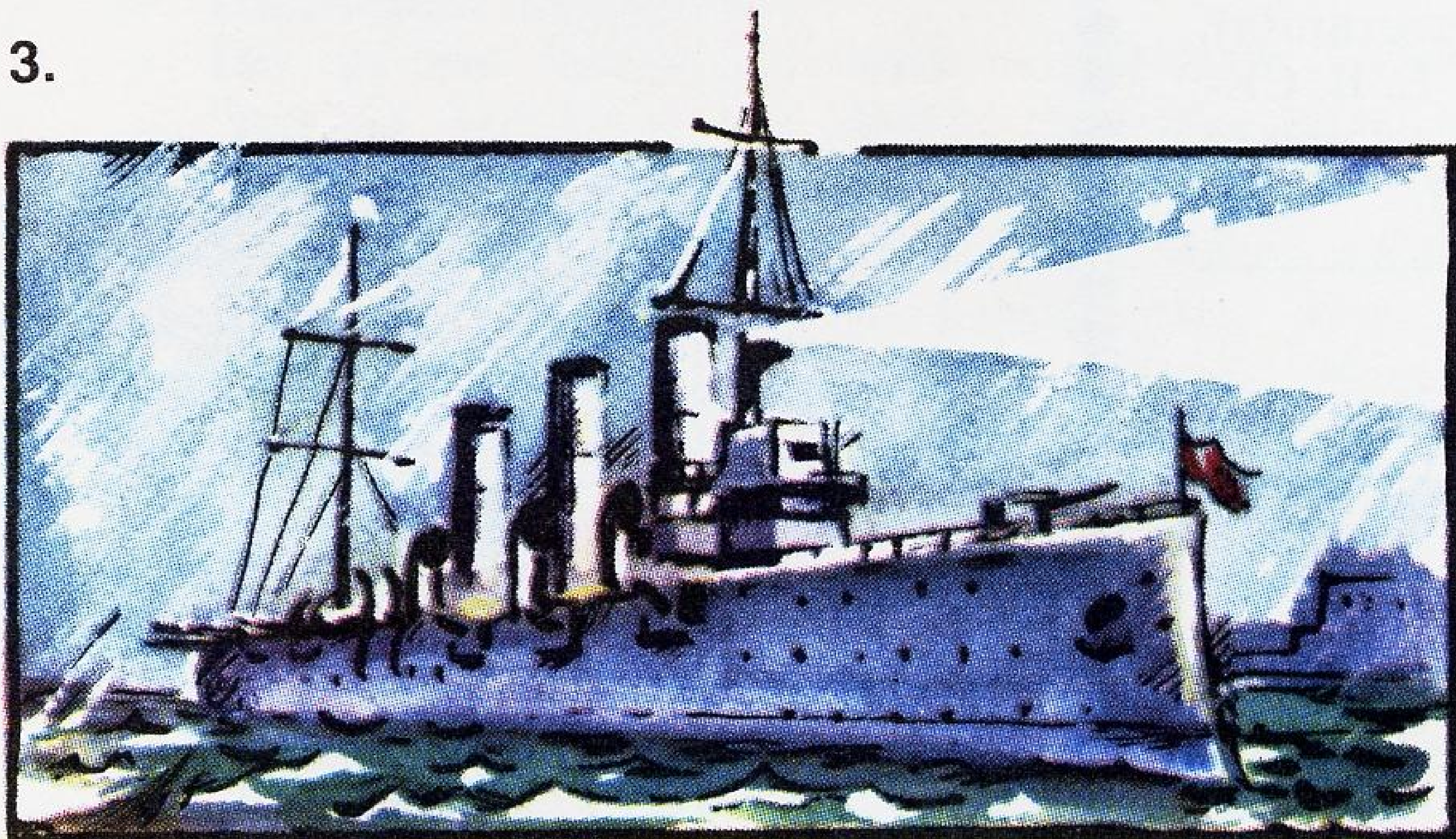


Учти, слова под цифрами 1, 2, 3, 4, 5 вписываются в пустые кружочки по часовой стрелке, а 6, 7, 8, 9, 10 — от центра штурвала к его краю. Если все слова будут отгаданы верно, то в оранжевых кружочках ты прочтешь имя революционера, руководителя восстания на крейсере «Очаков».

Все понятно? Тогда — в путь!

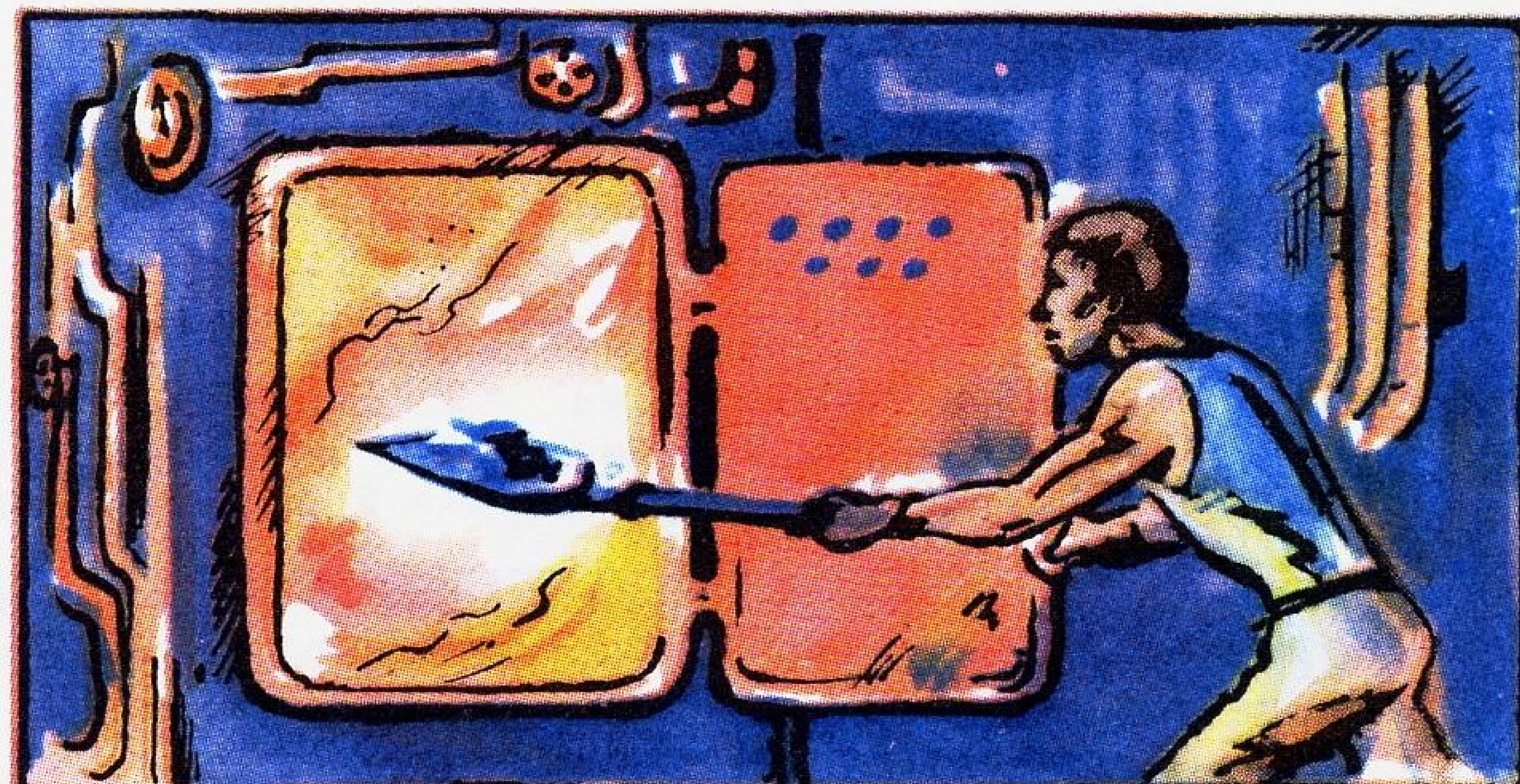
1. Кто судит спортивные игры, соревнования?
2. Как называется это спортивное состязание?

3.



4. Континент, который мореплавателям прошлого приходилось огибать.
5. Приморский город недалеко от «Артека».

6. Тип парусного судна.
7. На суше — сапер. На море — ?
8. Газета, созданная В. И. Лениным, которую в начале века по суше и по морю нелегально доставляли в Россию.
9. Рыболовная снасть в виде лески с крючком и грузилом, но без поплавка.
10.



Ответы ты найдешь в следующем номере журнала.

Содержание

На обложке:
«Пусть всегда буду я!» — Рисунок А. Борисова.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.03.87.
Подписано к печати 19.03.87. А 05054. Формат 84 × 60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 750 000 экз. Изд. № 947. Заказ № 309.

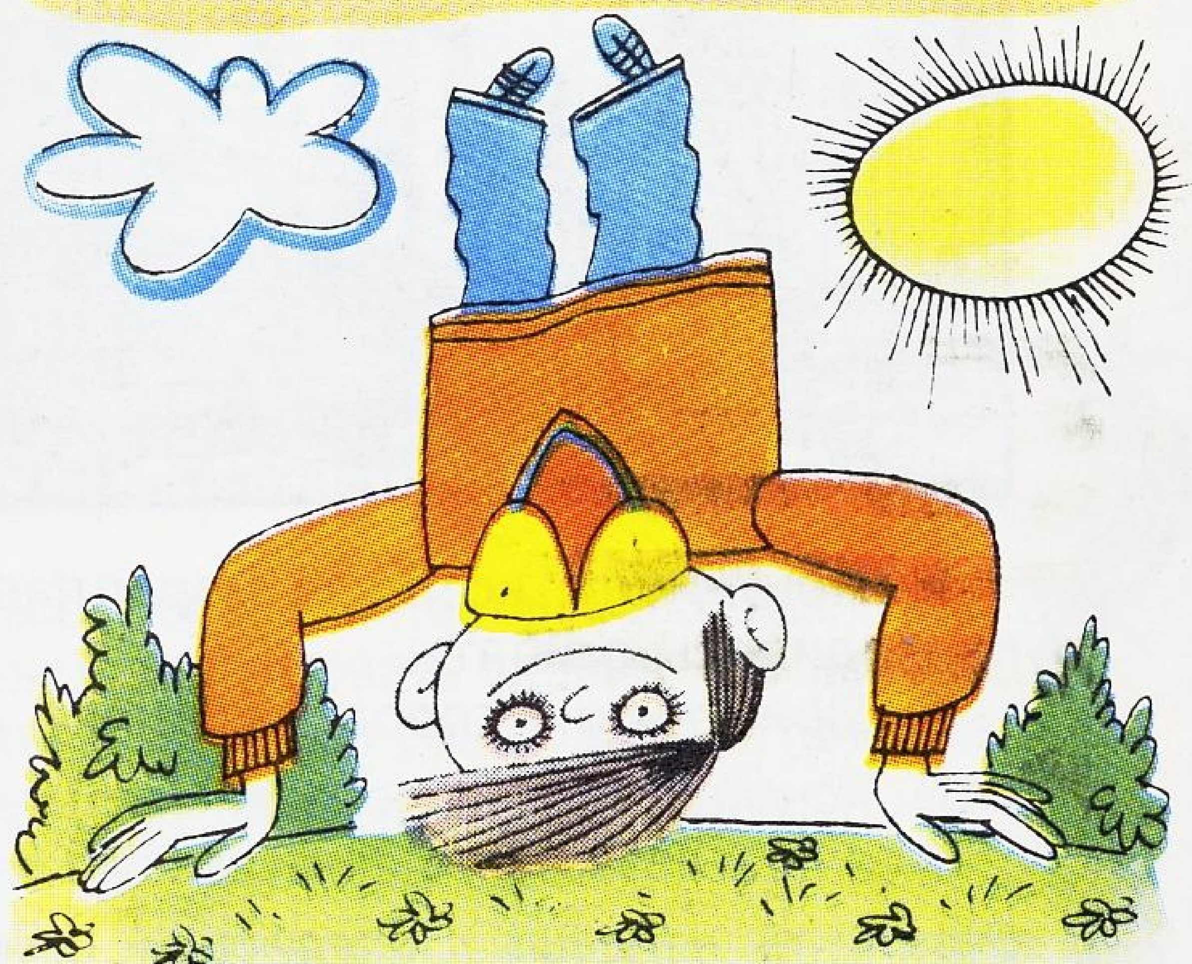
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

Татьяна ИШТРИКОВА

На дворе трава, на траве...

Я стою на голове
Во дворе, на траве.
Я стою на голове
И уже с полчаса
Наблюдаю чудеса:
Там, где были облака,
Разлилась теперь река,
А по ней теплоход,
Опрокинувшись, плывет.
Ходят рядом со мной
Куры вниз головой,
И бежит с ромашками
Машка вверх тормашками!..
Во дворе, на траве
Я стою на голове.
До того хорошо,
Никуда бы не пошел!
Только к нам в огород
Бык угрюмый идет.
Он идет на рогах,
От меня в пяти шагах...
А если бык в пяти шагах —
Лучше вспомнить о ногах!..



Геройский поступок

А. КУРЛЯНДСКИЙ

РАССКАЗ

...Распахнулась дверь, и вошли двое. Парень с фотоаппаратом и девочка с цветами:

— Мы из школьной газеты. Пришли осветить твой поступок. Поздравляем, Новиков. Ты настоящий герой!

— Да ладно, ребята,— смутился Вася.

— Не скромничай. Спас человека. Из ледяной воды... Ну, рассказывай. Как дело было?

Вася вздохнул:

— Ну как... Сижу я, значит, на берегу... Рыбу ловлю... А он, значит, по мостику идет...

— Постой. Не спеши,— сказал парень и открыл блокнот.— Для нас, журналистов, главное — точность. Когда это было? Во сколько часов?

— Ну, часов в одиннадцать.

— Как «в одиннадцать»?.. Ты что... Не был в школе?

Вася смутился:

— Сначала был... а потом ушел... Клев, ребята... Понимаете?..

— Выходит, прогулял?

— Но он же человека спас,— сказала девочка.

— Это не умаляет его вины. Прогул есть прогул. Так и придется написать.

— Нельзя быть таким формалистом,— сказала девочка.— Не надо писать конкретно, когда он удил рыбу. Во время уроков или после... Напиши, что он удил во время большой переменки. Разница — двадцать минут, зато сам поступок не пострадает.

— Ну, хорошо... я попробую... А дальше? Только поточнее, Новиков.

— Дальше?.. Значит, так... Сижу я это... во время большой переменки и рыбу ужу... А Петька...

— Какой Петька?

— Петька, мой друг.

— Он тоже прогулял?

— Почему обязательно прогулял? — сказала девочка.— Может, они сидели во время большой переменки и Новиков помогал своему товарищу делать уроки.

— С удочкой в руках?

— Не с удочкой, а с ручкой... С ручкой в руках! Продолжай, Новиков.

— Ну вот... Значит, сижу я во время большой переменки с ручкой в руках на берегу реки... А Петька, которому я помогаю делать уроки, кричит: «Смотри, Колюха в речку упал!»

— Какой Колюха? Тоже прогульщик?

— Нет, у него справка есть, что он больной.

— И с этой справкой он по бережку расхаживает?

— Он не со справкой расхаживает, а с редиской.

Мальчик отложил блокнот.

— Что тебе не нравится? — спросила девочка.— Человек во время большой переменки пошел на рынок купить больной тетке витаминов.

— Да,— сказал Вася.— Ну значит, и с мешком этих витаминов свалился в воду, потому что тетку встретил...

— Больную?

— Сначала она была здоровая. А потом, когда свой мешок узнала, сразу заболела... Ну, Колюха и бросился в воду...

— Все?

— Кажется все.

— Тогда слушайте, что я написал,— сказал мальчик.— «Однажды утром, во время большой переменки Василий Новиков сидел на берегу с ручкой в руках и помогал своему товарищу делать уроки. Вдруг они увидели Колюху, который, несмотря на тяжелую болезнь, шел за витаминами для больной тетки. Он нес целый мешок витаминов, голова его закружилась, и он упал в воду... Василий Новиков, рискуя жизнью, спас больного товарища!» Так?!

— Вроде так,— сказал Новиков.— Только, если уж честно... Не я спас... а Петька...

— Петька?! Чего же он молчит?!

Новиков вздохнул:

— Холодно было. Он и простудил горло. Не может он сейчас говорить...

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Любимый край

Музыка Юрия ЧИЧКОВА.

Стихи Олега УРАЕВА.

Вот склонилась ивушка над рекою синею
И волну баюкает шорохом ветвей.
Край, край, край ты мой березовый,
Край, край, край ты мой росистый,
Чистых родников твоих в мире нет светлей.

Даль степей безбрежная, ширь полей раздольная,
Песня соловьиная в тишине дубрав.
Край, край, край ты мой березовый,
Край, край, край ты мой привольный,
Небо васильковое, разноцветье трав.

Сколько на родной земле доброго и милого,
Здесь найду немало я преданных друзей.
Край, край, край ты мой березовый,
Край, край, край ты мой любимый,
Сердце заворожено красотой твоей.

Не быстро

Вот скло_ни_лась
и_вуш_ка над ре_ко_ю си_не_ю. И вол_ну ба_ю_ка_ет шо_ро_хом вет_
_вей. Край, край, край ты мой бе_ре_зо_вый, край, край, край ты мой Ро_си_стый, чис _ тых род_ни_
_ков тво_их в ми_ре нет свет _ лей. Край, край, край ты мой бе_ре_зо_вый, край, край.

Для повторения

Край ты мой ро_си _ стый чис_тых род_ни_ков тво_их в ми_ре нет свет _ лей.

Для окончания

рав

Цена 30 коп. Индекс 70694.